

5
п82 - 45

В. ПРОСКУРЯКОВ

Парацельс

Жизнь замечательных людей

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Горького, М. Кольцова и А. Тихонова

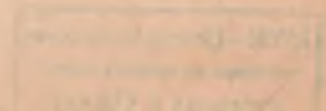
8/36/ выпуск

ИЗДАНИЕ • ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

В. Проскуряков

Парацельс

МОСКВА 1935

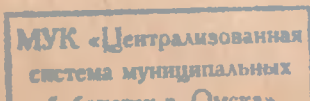
5
П 22

Обложка Г. С. БЕРШАДСКОГО
Гравюра на дереве А. М. КРИТСКОЙ

Редактор Б. Н. ВОРОПАЕВ
Техредактор А. М. ИГЛИЦКИИ

Издатель Журналоб'единение
Уполномоченный Главлита Б—4884
Тираж 40 000. Заказ № 231. Изд. № 129
Сдано в набор 7. III. 1935 г.
Подписано к печати 15.IV. 1935 г.
Статформат Б₈ 125 × 176 мм
2^{1/2} бум. листа, 54.400 зн. в печ. д.
Типография и цинкография
Журналоб'единения, 1-й Самотечный, 17

162697-1

Парацельс

Есть замечательные люди, жизнь и дело которых подобны прямой линии: столь же четки, ясно обозримы и устремлены к единой цели.

Таков был Джордано Бруно.

Но есть другие. Путь их извилист и труден. Они переросли свое время. Они начинают разрушение того, что долго казалось правильным и незыблемым, и гениально провидят контуры будущих перемен, но строительство этого нового будет совершено другими людьми позднее, когда развитие общественного бытия создаст все необходимые к тому условия.

Эти люди не смогли еще окончательно стряхнуть со своих плеч груз прошлого, он замедляет их шаги и иногда сбивает с дороги. Современникам они представляются странными и загадочными. Мнения о них разноречивы. У них не мало горячих сторонников и почитателей, много врагов и почти никто не может пройти мимо них равнодушно.

Последующие поколения углубляют эту двойственную оценку их деяний, спутывают факты с вымыслами, чтобы оправдать свое предвзятое отношение к человеку, и кажется, что нет пути к восстановлению истины.

Таков Парацельс.

Кем же он был, наконец,—гениальным ли ученым, начавшим революционное преобразование медицины, или шарлатаном и полусумасшедшим аферистом?

В течение многих столетий люди науки снова и снова возвращались к этой замечательной личности и, как в калейдоскопе, сменялись их оценки. Церковь также колебалась: причислить ли Парацельса к презренным еретикам или признать благочестивым человеком?

Теофраст Бомбаст фон-Гогенгейм, назвавшийся Парацельсом, прожил недолго—на 48-м году пресеклось его существование. Но краткая его жизнь была похожа на блистающий взлет ракеты, и стоило ей погаснуть, как родились легенды о чудесном ученом, враче и алхимике.

Через 34 года после смерти Парацельса написано о нем следующее письмо:

«И ежели бы я должен был описать то, что там в Базеле за полугодие это им (Парацельсом) с галеновскими врачами и со многими больными совершено было, то, поистине, нехватило бы мне и целого фолианта; к тому же мне описать все невозможно, ибо это произошло давно, и за давностью лет я многое позабыл. Однако то, что в памяти сохранил, утаить от вас не хочу. Когда я неделю спустя после дня св. Михаила—а писали тогда примерно 29-й или 30-й год—прибыл в Базель к моему земляку, который там в одном приходе кантором был и долгое время тяжелой лихорадкой болел, так что я на себя заботу о его хоре и месте взял, тогда-то к больному кантору, будучи вызван, пришел многократно упоминаемый врач и мой дорогой учитель, блаженной

памяти Филипп-Теофраст Парацельс; и увидел он меня у него и спросил: «Какого ты роду?» Я ответил, что я—мейсенский и что, штудировав в Гейдельберге, поиздержался и охотно обучал бы, поскольку время в услужение поступить уже пропустил, детей какого-либо бюргера, дабы иметь зимой пропитание. Он отвечал: «Поелику тебе итти дальше некуда, я, пожалуй, тебя бы к себе принял и содержать бы стал». Я за ним с радостью пошел, но, однако, согласно разрешению его, о хоре и о месте больного заботился, ибо тот лежал.

Однажды, когда я пробыл у него некоторое время, пришла к нему женщина и плакалась, что ее любезный муж весьма слаб, и она опасается, что он ночи не переживет. Парацельс приказал принести мочу от больного и, осмотрев ее, сказал: «Муж ваш завтра разделит с вами утреннюю трапезу и будет чувствовать себя бодрым».—«Дал бы бог,—сказала она.—Я имею всего лишь один флорин и больше ничего нет у меня, но я его вам охотно бы отдала». Он же сказал: «Дайте ему только поесть—и увидите». На следующий день около полудня она пришла снова, пала перед ним на колени, принесла флорин, подала ему и просила, чтобы он его принял, и сказала, что у нее больше ничего в доме нет, иначе бы она дала ему больше, муж же ее совсем издорочел от того, что он ему дал.

На это ответил он: «Любезная женщина, возьми свой флорин и купи себе и своему мужу еды и питья и благодарите господа»... Но что это было, что он ей дал, я не знаю; был это белый порошок, который она должна была дать ему в теплом вине и потом заставить его пропотеть.

Подобно этому, известно мне, что он, не взимая никакой платы, лечил бесчисленное множество больных проказой, водянкой, ладучей, подагрой, французской бо-

лезню и других и что галеновские врачи не в силах были ему подражать без того, чтобы не навлечь на себя заметного позора, за что они стали всеми презираемы, а он, Теофраст, напротив, всеми почитаем был.

Еще одно—и на том конец: однажды сказал он мне: «Франц, денег у нас нет», дал мне один рейнский гульден и сказал: «Пусть тебе отвесят за это в аптеке один фунт ртути (ртути) и принеси мне его сюда». Я так и сделал и принес его с оставшимися деньгами—ртути в ту пору не был дорог. Тогда он поставил четыре кирпича на очаг так, что снизу могло проходить лишь немного воздуха и высыпал ртуть в тигель; поставил его между четырьмя кирпичами, велел мне насыпать вокруг него угольев, раздуть огонь и снова положить уголья, и так оставить его медленно разгораться. Сами же мы пошли в комнату, ибо пора была холодная. Прошло изрядно времени и сказал он: «Наш летучий слуга может от нас улететь, мы должны посмотреть, что он делает». Когда же мы пришли, он уже начал дымиться и испаряться. Он (Парацельс) сказал: «Погляди, возьми этот комочек щипцами и поддержи его малое время внутри, он вскорости растворится». Так и случилось. Тогда сказал он: «Внь щипцы, закрой тигель, подбавь огня, и пусть тигель стоит». Мы же снова в комнату ушли; и о том, что в тигле, позабыли. Однако через полчаса сказал он: «Давай, посмотрим-ка, что даровал нам господь, подними крышку тигля». Я исполнил это. Огонь уже погас, и в тигле все застыло. Он спросил: «Как оно выглядит?» Я же сказал: «Оно желтое, как золото». «Да, золото, так и быть должно»,—сказал он. Я взял и разбил тигель, когда он остыл, и вынул то, что в нем было. И было это золото. Он сказал: «Возьми его, отнеси к золотых дел мастеру, что над аптекой, пусть он даст тебе за это

денег». Я так и сделал. Золотых дел мастер взвесил его, оно весило на лот менее фунта, ушел к себе и вынес деньги; принес плоский кошелек, полный рейнских гульденов, и сказал: «Отнеси это твоему господину и скажи, что это еще не все, а остальное я пришлю, когда сам иметь буду». Я принес деньги. «Хорошо, — сказал он (Парацельс), — он мне, конечно, и остальное пришлет».

Это был комочек, величиною с лесной орех, в красный воск закатанный, а что было внутри, я не знаю и, по молодости моей, спросить его стыдился и не осмелился, но, думается мне, что для того он все это сделал, дабы я его спросил. Он меня всегда любил и, думаю, я, он бы мне нечто сообщил, буде я с просьбой к нему обратился».

Парацельс-алхимик, превращающий неблагородные металлы в золото, — творение легенды.

Сам Гогенгейм в своих писаниях отрицал правомерность этого пути химии или, как ее тогда называли, алхимии. Он говорил: «Задача алхимии не в изготовлении золота и серебра, не в этом есть суть, а в создании того, что является силой и добродетелью медицины».

Если молва все-таки упорно приписывала Парацельсу умение делать золото, то виной тому могло быть обычное в то время представление о всяком человеке, занимающемся химией, как об искателе философского камня.

Могло быть и другое. Известно много случаев, когда алхимики с помощью ловкого фокуса вводили в плавленный тигель настоящее золото или создавали славы, внешне сходные с золотом, убеждая этим доверчивых зрителей алхимического опыта, что на их глазах действительно произошло превращение неблагородного металла в драгоценный. Парацельс мог проделать такой фокус перед человеком, в котором нуждался, или перед учеником, зная, что тот немедленно разгласит этот

Позднее выяснилось:

был тот крестьянин
высокоученый Вильгельм-Бомбаст,
называвшийся Теофрастом Парацельсом,
великий знаток этого искусства.

Были ли так блестящи практические успехи Парацельса в области врачевания, как описывает их автор письма? Конечно, нет. Легенде принадлежит и Парацельс—чудодейственный исцелитель всех болезней.

Он был только смелым новатором, зачинателем переворота в медицинской науке. В молодости он был склонен к преувеличению практических результатов своих новшеств, но позднее ясно осознал, что начатому им делу предстоят долгие годы и века развития и борьбы. Его слова были: «Быть может, со временем зазеленеет то, что сейчас только зарождается».

Но легенда, как жизнь, раз возникнув, имеет свою судьбу и свое неизбежное цветение и созревание. Завершение легенды о Парацельсе—фантастическая версия о его смерти, которую записал Элиас-Иоганн Гесслинг через 121 год после кончины ученого. В Зальцбурге Парацельс пировал однажды в обществе своих коллег, составивших против него заговор. В разгаре пира он был схвачен их слугами и наемными убийцами, которые сбросили его в пропасть. При падении он сломал себе шею. Такой род убийства они избрали потому, что никаким другим способом невозможно было его умертвить.

Легендарный Парацельс стал бессмертным подобно Агасферу, ибо он мог исцелить от всякой болезни и умел залечить любую рану. Тогда завистники нашли последнее

средство, и он лежит у подножья скалы со сломанной шеей.

Легенды о Парацельсе возникли, прежде всего, в результате широкой известности, которой пользовался этот врач как чудесный исцелитель многих болезней. Его разнообразная и кипучая деятельность, как врача, химика, социального и религиозного писателя; его жизнь, исполненная борьбы; его бесконечные странствования по Германии и многим другим странам Европы, — все это давало обильный материал для рассказов о нем.

Но, одновременно, и враги Парацельса приложили усилия к тому, чтобы очернить его память. Это они говорили, что ученый знался с «нечистой силой», они пытались ославить его аферистом и шарлатаном.

Уже при жизни Парацельса враги распускали о нем темные слухи, порочили его как ученого и как человека, возводили на него обвинения, которые должны были повлечь за собой преследования со стороны светской и церковной власти.

Когда Опоринус—ученик Парацельса—говорил, что его патрон находился в связи с дьяволом, то это было доносом, угрожавшим ученому сожжением на костре.

И все же легенды, вобравшие в себя и истинные происшествия, и фантастические вымыслы сторонников, и клеветнические—его врагов, создавали фигуру замечательную и запоминающуюся.

Но отбросим вымыслы и чудеса, этот «предназначенный для ослов мостик из царства идеи в царство практики»*—фигура Парацельса не потеряет от этого

* Маркс. Собрание сочинений, т. IV. стр. 533. Партиздат. М. 1933.

своего обаяния. Наоборот, она приобретает особую силу и яркость в свете реальных фактов и на фоне исторических событий своего времени.

Жизнь Парацельса (1493—1541 гг.) протекла в замечательную эпоху, от которой «датирует» вся новейшая история, как и «новейшее естествознание».

Это был «величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством»*.

Тогда—на рубеже XV и XVI столетий—шла беспощадная ломка всех старых устоев, смена всех установленных вех в жизни государственной, экономической и культурной.

Погибало феодальное хозяйство, воплощавшееся в дворянине-землевладельце, эксплуатирующем лично зависимых крепостных. Оно гибло под натиском развивавшихся денежных отношений, развития торговли, роста городов. Великие открытия Колумба, да-Гаммы, Магеллана и других известных путешественников неизмеримо раздвинули горизонты земель, втягиваемых в товарный обмен, и положили основу «для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, явившуюся, в свою очередь, исходным пунктом современной крупной промышленности».

Погибало феодальное дворянство, главная политическая сила средневековья. Опираясь на горожан, королевская власть сломала его силу и положила начало крупным национальным государствам, в рамках которых развилось буржуазное общество. Классовые бои разворачивались с небывалым ожесточением, и тогда, когда буржуазия одерживала победы над дворянством, уже резко обозначались основные линии других, грядущих, еще

* Настоящая цитата, как и все дальнейшее в этой главе, взята из старого введения к „Диалектике природы“ Ф. Энгельса („Диалектика природы“. Партиздат. М. 134).

более непримиримых противоречий. «Немецкая крестьянская война практически указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, в этом не было ничего нового,— но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах».

Погибала средневековая духовная диктатура церкви— порождение и опора феодальных взаимоотношений.

Передовые слои буржуазии вновь открыли жизне-радостную греческую философию, заимствовали философию арабов и готовили будущие успехи материализма. Протестантизм разбил мощь и единство католической церкви, крупнейшего землевладельца средних веков, сначала в Германии, а потом в Швейцарии и Англии и поставил религию на службу интересам отдельных государств.

Разбиты были оковы, в течение веков державшие в плену науку и искусство. Италия первая воскресила великолепные литературные и скульптурные памятники древности и основала новое высокое искусство, воплощенное в картинах, изваяниях, поэмах и новеллах Возрождения. Наука, потрясая церковные авторитеты, делалась все более и более смелой и вслед за разрушением старых представлений об ограниченном плоском земном пространстве, посягнула на отжившие понятия о мироздании и законах, управляющих физическим миром и обществом.

Во всех областях творчества эта эпоха породила плеяды замечательных людей: Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Макиавелли, Дюрер, Лютер, Коперник, Гольбейн, простое перечисление их имен займет многие страницы. Эти люди были исключительно многосторонни.

«Тогда не было почти ни одного крупного человека,

который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества (прекрасно—и именно не только в теоретической, но и в практической жизни...); Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации, содержащую в себе многие идеи, развитые значительно позже Монталамбером и новейшими немецкими учеными о крепостях».

«Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются—кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей».

Эта была эпоха, «которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености».

К сонму этих титанов принадлежит и Парацельс.

Молодость

Прошлое поражало воображение, но было невозвратно утеряно. Непрístupный рыцарский замок; безбедное существование за счет трудолюбивых и запуганных крепостных; рыцарские и просто разбойничьи подвиги, с захватом добычи у врагов или товаров у проезжего купца; славное служение королю; может быть, фантастический путь крестового похода и, главное, власть — в своем замке, на своей земле, над своими слугами и крепостными. Таким рисовался счастливый удел предков.

Что же осталось от этого?

Где-то в окрестностях Штутгарта замок рыцарского рода Гогенгеймов, давно уже перешедший в чужие руки, да никчемная для Парацельса принадлежность к дворянскому сословию.

Обо всем этом надо забыть.

Старинные сказания, записи и рисунки не сохранили нам облика и деяний предков Гогенгеймов. Надо думать, что в действительности все было гораздо прозаичнее. История этого рода, видимо, обычная история средней рыцарской семьи, по мере сил эксплуатировавшей своих многочисленных крестьян, поставлявшей вооруженную силу сеньору и неизбежно близившейся к разорению.

По крайней мере, когда один из фон-Гогенгеймов—рыцарь ордена иоаннитов Георг Бомбаст—в 1468 году сопровождал предпринявшего путешествие в святую землю графа Эбергарда фон-Вюртемберга, то известно, что старый замок Бомбастов уже в течение ряда лет находился во владении госпиталя ближайшего города Эслингена. Перед этим замок был отдан в залог этому городу под полученные займы деньги.

Наступивший распад феодального строя похоронил под своими обломками и помещичье существование Гогенгеймов.

В девяностых годах XV столетия представитель этой семьи Вильгельм Бомбаст фон-Гогенгейм поселился в Эйнзидельне (Швейцария, кантон Швиц). Он—лицензиат медицины и практикующий врач. Какое жалкое занятие для потомка владетельных рыцарей!

Вильгельм в 1491 году вступил в брак; его жена—отпрыск старой эйнзидельнской фамилии Оксенер.

Через два года—в ноябре месяце—у них родился ребенок, которого называли Теофрастом.

Простой крестьянский дом, в котором жил Вильгельм, стоял у моста через речку Зиль. Мост этот носил название Чертова моста. В суровой горной стране, среди трудолюбивых и мужественных швейцарцев прошло раннее детство Теофраста. Здесь он привык видеть упорный и тяжелый труд земледельцев.

Вокруг постоянно шли разговоры об опасностях, угрожающих маленькой стране от беспокойных соседей, и передавались увлекательные рассказы о подвигах швейцарских горожан и мужиков, сумевших разгромить при Земпах австрийских рыцарей и у часовни св. Иакова—арманьяков, французские банды, призванные Габсбургами для подавления непокорных швейцарцев.

И другой замечательный рассказ должен был слышать

ребенок: повествование о том человеке, чьим именем назвал его отец, бывший учеником итальянского ученого Леоничено, знатока теофрастовых писаний.

Сочинения греческого философа и натуралиста Теофраста тогда только что были извлечены из пыли забвения и приковали к себе внимание ученого мира. Воскрешение ботаники Теофраста и повышенный интерес к лекарственным растениям—крупное завоевание врачебной мысли этих дней.

Средневековая наука боготворила Аристотеля—он был почти безраздельным властителем дум философов и естествоведов. И отблески этого обожания упали на Теофраста, любимого ученика и многолетнего друга великого стагирита (Аристотель родился в греческой колонии Стагире).

В Афинах после смерти Аристотеля во главе им основанной философской школы стал Теофраст, и он привел школу своего учителя к высшему расцвету, снискав себе величайший почет.

Пусть заслуга основания философской системы принадлежала другому,—Теофраст сам был выдающимся ученым, трудолюбивым естествоиспытателем, замечательным оратором. Он даже превосходил своего наставника обширностью естественно-научных знаний.

Огромное количество сочинений оставлено им потомству—227 заглавий его трудов приводит Диоген Лаэртций. Они объемлют математику, астрономию, ботанику, минералогию и все части созданной Аристотелем философской системы.

Теофраст был ярым поборником опытных знаний, придавая исключительное значение тщательному изучению и описанию многочисленных конкретных явлений. В его ботанике описания жизни мангровых растений, индийской смоковницы и других растений сделаны с

такой тщательностью и полнотой, что даже современной нам науке не осталось ничего иного, как подтвердить его сообщения.

Родился Теофраст в 371 году и умер в 286 году до нашей эры — 85 лет от роду.

И, может быть, так рассказывал о нем Вильгельм своему сыну:

«Теофраста высоко чтили в Афинах. Когда он величественной поступью, окруженный учениками, проходил по улицам города, вокруг народ повторял его имя, многие склонялись в поклонах. Далеко за пределы Афин и даже Греции разнеслась его слава. Египетский царь Птоломей Логид потратил немало труда, чтобы привлечь ученого в Александрию, но все это было безрезультатно—Теофраст ответил гордым отказом.

Но и слава, мой сын, отбрасывает свою черную тень, в которой рождаются зависть и злоба.

Сначала чьи-то уста тихо произнесли клевету, насто-роженные уши недругов и готовых ко всяческому зло-словию людей восприняли ее. Потом заговорили открыто о недостаточной религиозности Теофраста. Враги под-няли головы, и обвинители выступили вперед, требуя наказания.

Ты еще не знаешь, сын мой, силы церкви в наши дни, но думаю, что греческие жрецы были не менее могуще-ственны. Обвинение грозило тягчайшими бедами фи-лософу.

И вот уже среди друзей оказались колеблющиеся.

Может быть, его не спасла бы и безупречная репута-ция и ученые заслуги.

Но он недаром носил это имя, которое является и твоим, мой сын; по-гречески оно означает: богоречивый. Сила его красноречия, соединенная с великим искус-ством мимики и жеста, была неотразима. Кто слышал

и видел Теофраста, тот не мог устоять перед ним. Он вызвал обвинителей на суд перед гражданами, разбил их обвинения и заклеил их, и сами они едва не стали жертвой народного гнева.

Моя жизнь проходит и окончится незаметно, но от тебя, сын мой, я ожидаю великих дел, потому я и дал тебе его имя».

Молодой Теофраст Гогенгейм унаследовал от своего великого тезки неисчерпаемое трудолюбие, энциклопедичность и веру в величайшую ценность опытного знания. Выдающимся оратором он не сделался. Иные общественные отношения превратили для него гладкий жизненный путь афинского философа в тяжелое, полное борьбы, препятствий и преследований существование.

Скудные средства и неверный врачебный заработок отца не могли обеспечить ребенку радостное и сытое детство. Теофраст рано узнал, что такое бедность и борьба за существование.

Парацельс говорил о себе:

«Я был воспитан и вырос в бедности, так что не в моих возможностях было делать то, что мне нравилось. Меня сильно мучила забота о своем пропитании».

В 1502 году умерла его мать. Ее имя не встречается в произведениях Парацельса — видимо, она не оказала никакого влияния на духовное формирование ребенка, образ матери изгладился из его памяти.

И только однажды, было ли то воспоминание о неясном женском образе, склонявшемся к нему с материнским поцелуем, или тоска по рано утерянной материнской ласке, — он написал, критикуя нелепости астрологической науки, утверждавшей, что жизнь человека от его рождения предопределяется сочетанием созвездий и планет: «Ребенку не нужны созвездия и планеты, мать является для него планетой и звездой».

Овдовев, Вильгельм фон-Гогенгейм переселился в Виллах (Каринтия) и занимался там врачебной практикой до конца своих дней.

Существуют сведения о том, что там же он преподавал в горной школе. Может быть, это и неверно, но во всяком случае в Виллахе Гогенгейм увидел новую породу людей, для него необычайных и непонятных. Платье их было грязно, лица черны, спины согнуты от постоянной работы киркой. Они проводили большую часть жизни под землей, были молчаливы и держались особняком. Иногда можно было слышать их заунывные песни с неожиданными выкриками, как будто железо вонзалось в породу. Это были рудокопы.

Ребенок видел темные отверстия шахт, слышал рассказы о погибших от обвалов под землей людях, о подземных духах—гномах, подстерегающих обреченного рудокопа и, может быть, здесь родилось его суеверие, от которого он потом не мог отрешиться всю жизнь.

Современник его, Лютер, с отвращением вспоминает начальную школу, «где мы ничему, решительно ничему не научились, несмотря на все эти бесчисленные побои, угрозы, на этот страх и слезы».

А Эразм из Роттердама рассказывает следующий случай, рисующий бессмысленные и жестокие «педагогические» приемы того времени.

Один учитель во время обеда, который он ел вместе с учениками, имел обыкновение вытаскивать одного из них из-за стола и передавать для наказания, грубому экзекутору; последний, исполняя однажды свои обязанности, только тогда отпустил слабого мальчика, когда сам стал обливаться потом, а мальчик, полумертвый, лежал у его ног. Учитель спокойно сказал, обращаясь к ученикам: «Он, положим, ничего не сделал, но его следовало осадить».

Парацельс обучался у монахов в школе лавантальского монастыря св. Андрея, горькая чаша школьного воспитания не миновала его. О школе он предпочитал не вспоминать. Первым настоящим учителем Теофраста, как говорил он, был его отец:

«С детства я овладел наукой и учился у хороших учителей, которые были наиболее пытливыми среди адептов философии. Первым моим преподавателем был Вильгельм фон-Гогенгейм—мой отец, который никогда меня не оставлял».

В доме отца к услугам Теофраста была библиотека с большим числом рукописей и книг старых и новых мастеров. Парацельс позднее перечислял произведения многих алхимиков, с которыми он познакомился в отцовской библиотеке.

Этим не ограничивалось его учение. Гораздо больше расширяли его кругозор и пробуждали природную любознательность посещения вместе с отцом горных промыслов и прогулки в леса, поля и горы, где он учился находить и распознавать минералы и растения.

Молодой Гогенгейм горячо полюбил Каринтию, которую звал он своей второй родиной,—столь богатую подземными сокровищами.

В «Хронике Каринтийской земли» Парацельс писал: «В Блейберге есть удивительная свинцовая руда, которая снабжает свинцом не только одну Германию, но также Пannonию, Турцию и Италию; в Гутенберге залегают железные руды... также квасцы, мышьяковые руды с высоким содержанием мышьяка; в Санкт-Петербурге чудесно найдено золото, там же цинковая руда, больше нигде в Европе не встречающаяся, и многие другие вещества, которые все нельзя и перечислить. Так горы Каринтии подобны ящику: отомкнув его ключом, можно найти в нем величайшие богатства».

Бывая с отцом на рудниках, Теофраст видел, как изобретательный и настойчивый человек извлекает из тайников земли подземные богатства, и постигал тайну превращения руд в металлы и изготовления из них полезных предметов. Перед его глазами проходили, несложные еще в то время, но все же удивительные металлургические процессы, и Вильгельм объяснял их ему.

С тем большим правом Парацельс говорил, что тем, чему он научился и чем стал, «он обязан не школе, в которой был, не каким-либо людям, кроме только одного, породившего его и в молодости его воспитавшего». И в Виллахе так же, как в Швейцарии, рассказы об окружающем мире и его событиях были наполнены ужасами войн, пожаров и убийств. В 1478 году под стенами города появились турецкие полчища и после их ухода город лежал грудой дымящихся развалин. Через четырнадцать лет после этого снова турки пришли в цветущую долину Дравы. На этот раз турки были разбиты в окрестностях Виллаха, и город был спасен от вторичного разграбления.

Страшен был мир, наполнен насилием, произволом и страданием, но вместе с тем потрясающе заманчив и интересен для молодого и энергичного человека.

Наконец, наступили юношеские годы, и Теофрасту предстоял выбор профессии — решительный шаг, искалечивший многие жизни.

Вильгельм сам обучался в Феррарском университете и вышел из него лицензиатом в 1480 году, сына он также послал в Феррару. Кем же быть молодому Гогенгейму: богословом, философом, юристом, врачом? Предпочтение он отдал медицине. И этот выбор нельзя объяснять только влиянием отца — несомненно здесь играла роль склонность и самого Теофраста к практическим знаниям.

Философские и религиозные вопросы всю жизнь привлекали внимание Парацельса, им посвящено не менее половины его литературных трудов, но истинно гениален он был только в естественно-научной области. Избрание профессии было сделано верно.

Медицинский факультет Феррарского университета не может быть причислен к списку великих медицинских школ средневековья. Первенство принадлежит Салернской школе, школе в Монпелье и Парижскому университету. Больше того, к студенческим годам молодого Гогенгейма Феррара потеряла многие из тех преимуществ, которые она имела в дни его отца.

В XV веке влияние гуманизма на жизнь университетов было очень велико. Гуманизм, как мировоззрение эпохи Возрождения объединял идейное движение, направленное на борьбу за освобождение человеческой личности от оков феодализма и средневековой церковности. Он воскресил памятники классической древности, очистил их от вымыслов и извращений, внесенных средневековьем, и использовал как оружие для целей социальной и идейной борьбы. Гуманизм был выразителем мыслей и стремлений молодой буржуазии, шедшей на штурм отживших феодальных отношений. Феррарский университет имел свою гуманистическую группировку, одним из вождей которой был Николо Леоничено — естествоиспытатель и медик, в течение 60 лет занимавший профессорскую кафедру в этом университете. Им была выпущена обширная работа «Об ошибках Плиния и других», в которой с большим знанием древних авторов он вскрывает многочисленные ошибки у таких средневековых авторитетов, как Авиценна, Серапион, Симон из Генуи, Матеус Сильватикус и другие, и даже у самого Полиния. Особенно важно то, что Леоничено опирался и на собственные наблюдения природы, явля-

ясь, таким образом, одним из провозвестников той реформы, борцом за которую стал впоследствии Парацельс. В эпоху расцвета творческих сил Леоничено учился в Ферраре Вильгельм Гогенгейм. Но когда Теофраст стал феррарским студентом, Леоничено был уже глубоким стариком. Среди его учеников и последователей не было выдающихся людей. Некоторую известность приобрел только Джованни Манарди своими трудами в области ботаники и, главным образом, лекарственных растений, но он далеко не обладал той свободой мысли и глубиной эрудиции которые отличали его учителя. Кроме того уже в 1513 году Манарди оставил Феррару и переселился ко двору венгерского короля Владислава, став его лейб-медиком.

Не только университет, но и вся жизнь Феррары сильно изменились за те тридцать лет, которые отделяли пребывание в ней Гогенгейма-отца от приезда студента-сына.

Вильгельм помнил еще герцога Эрколе д'Эсте — властного тирана, перед которым трепетали граждане. При его правлении благосостояние города возросло, торговля и ремесла поднялись, но народные низы жили в тяжком угнетении и бесправии; от них герцог получил прозвище «дьявола».

Он достиг престола силой, переступив через казни и кровь, и многими кровавыми жертвами отмечен его дальнейший путь. В городе шопотом передавали, чтобы не слышали герцогские шпионы, что жена его, Леонора Арагонская, умерла не своей смертью: ее отравили по приказанию Эрколе. Но граждане оправдывали его, это был простой акт самозащиты, ибо накануне она сама пыталась отравить мужа. В воспоминаниях Вильгельма герцог остался блестящим вельможей, едущим верхом на коне во главе торжественной процессии в празднич-

ный день своего воцарения, который он ежегодно справлял с великой пышностью.

Альфонсо, сын умершего в 1505 году старого герцога д'Эсте, ничем не замечателен; это был средний человек, которым правили обстоятельства. Двор этого маленького итальянского владыки и сам его глава не могли особенно поразить молодого Гогенгейма, разве вселить легкую зависть к веселой и праздной жизни, до которой герцог Альфонсо был великим охотником. Один только раз Альфонсо привлек к себе всеобщее внимание, когда еще при жизни своего отца он среди белого дня прогулялся голым по улицам родного города. Дальше этого герцогская фантазия не пошла.

Зато жена его была незаурядным человеком, о ней даже сложились легенды. Альфонсо женился по политическим соображениям и против своей воли на знаменитой Лукреции Борджиа. Дочь святейшего папы — Лукреция пользовалась мрачной и соблазнительной славой. Говорили, что она была любовницей своего отца и брата Цезаря, что из-за нее в семье Борджиа произошло братоубийство и что первый ее муж погиб, если не от ее руки, то с ее ведома. Все это не мешало феррарским поэтам воспевать ее добродетель так же горячо, как и красоту.

В дни учебы Теофраста первое место среди феррарских поэтов бесспорно принадлежало Ариосто, который в своем «Неистовом Роланде» также принес поэтическую дани к ногам прекрасной герцогини. Сын крупного государственного деятеля Феррары, он начал свою поэтическую карьеру стихотворением на смерть Леоноры, жены герцога Эрколе, и потом, подобно многим другим поэтам того времени, отдал свое перо герцогскому дому. Одно время, недовольный вниманием и подарками д'Эсте, он примкнул было к враждовавшему с Эсте флорентий-

скому герцогу Медичи, но, получив от Альфонсо должность губернатора провинции Гарфальяна, смирился, работал позднее в качестве управляющего в феррарском театре и здесь в родном городе закончил после многолетнего труда свою знаменитую поэму, которая дала ему бессмертие.

Феррарские уроки не прошли даром и, подобно итальянским поэтам, Парацельс каждое свое научное произведение неизменно посвящал одному из великих мира сего, пытаясь снискать этим подарки и покровительство.

Но от Ариосто он мог получить и пример того, как поэты бунтуют против покровителей, чрезмерно требовательных и, может быть, недостаточно щедрых. Известно, что Ариосто, поссорившись с кардиналом Ипполито д'Эсте, писал:

Не хочет ли кардинал дарами
Меня в рабы к себе закабалить?
Я их отдам ему обеими руками,
Чтобы опять вполне свободным быть.

И надо сказать, что Парацельс всю свою жизнь был более свободным человеком, чем это удалось феррарскому поэту.

Пребывание в Ферраре, независимо от занятий в университете, оказало несомненно большое влияние на формирование мировоззрения и характера Теофраста. Он здесь провел юношеские годы, когда особенно обострен интерес к окружающим общественным явлениям, а социальные и научные идеи воспринимаются как откровение.

Внешность города, вся городская жизнь намного превосходили богатством, разнообразием и занимательностью все то, что видел он в детстве в провинциальных Эйнзидельне и Виллахе.

В Ферраре юноша мог познакомиться с великолепными произведениями искусства, с гуманистическими тенденциями в науке и литературе и получить первые уроки свободного отношения к авторитетам, которым схоластическая наука придавала ореол непогрешимости. Здесь были более обнажены противоречия между различными слоями городского населения, между дворянством и буржуазией, внутри цехов, между городским плебсом и богатеями.

Обучаясь в Ферраре, Теофраст посещал соседние университеты Падуи и Болоньи и принимал деятельное участие в академической жизни. Позднее он писал о себе без ложной скромности, что в университетские годы был он не последним украшением тех садов, где рос.

Нет достоверных сведений о том, когда молодой Гогенгейм начал слушание курса. В те времена поступали в университет в различном возрасте: тут были и мальчики 12—15 лет и юноши, а многие уже взрослыми садились на университетскую скамью, чтобы вместе с юнцами проходить науку.

Обычно учение начиналось с артистического (философского) факультета, как бы подготовительного к «старшим» факультетам, и, только получив здесь степень магистра, студент приступал к занятиям богословием, юриспруденцией или медициной. На старшем факультете юноше предстояло преодолеть тяжелый подъем по лестнице ученых званий. Через два года медик получал звание бакалавра. Его назначали для занятий с младшими студентами и давали высокое право носить круглую шляпу без полей. После нескольких лет занятий — новое испытание, и способный человек делался лицензиатом. Оставалось взять последнее препятствие, выдержать еще 2—3 года преподавания и зубрежки, и наступал желан-

ный момент. В торжественный день после публичной лекции и диспута его удостоивали степени магистра или доктора. Удачливого диспутанта приводили к присяге. Все присутствовавшие магистры осчастливливали его поцелуями по случаю принятия его в корпорацию, и ему вручались знаки его достоинства: книга как символ науки, кольцо и докторская широкополая шляпа. Тогда восходил он на кафедру — цель многолетних трудов была достигнута.

И несмотря на этот почет, все-таки на медицинских факультетах обучающихся было крайне мало. Один из современников дает этому краткое и точное объяснение: «так как в лучшем случае только большие города оплачивали ученого врача».

Парацельс упорно и настойчиво прошел всю эту длинную лестницу и в бою последнего диспута завоевал себе право именоваться доктором медицины, как написано на его книгах.

А упорства потребовалось немало. Ему, как иностранцу и бедняку, конечно, приходилось проживать в бурсе (общежитии для студентов), получившей печальную известность голодным житьем и жестокими нравами. Ежегодно на большие вакации держал он далекий путь домой в Каринтию, голодая и, может быть, нищенствуя в пути.

Схоластическое преподавание, заключавшееся в чтении и объяснении текстов, иссушало мозг и вызывало бессильный протест в пытливом юноше.

Медицина Галена, обновленная трудами арабов Авиценны (Ибн-Сина) и Аверроэса (Ибн-Рошд) преподавалась, как церковные догмы. Особым авторитетом пользовался «медицинский канон» Авиценны, который наравне с галеновскими произведениями заучивался и комментировался фраза за фразой, подобно священному

Парацельс

С портрета маслом неизвестного художника

писанию, или, как говорил сам Парацельс: «За евангелие принималось то, что никак ему подобным быть не может». Ему, приученному еще отцом к свободному исследованию, были глубоко чужды и ненавистны эти методы преподавания, и позднее он признавался: «Много раз я думал о том, чтобы оставить это искусство». Но он сумел преодолеть это отвращение и бесспорно обладал глубоким знанием трудов арабов и древних, Галена же он изучил столь досконально, что, по свидетельству одного из его учеников, «мог наизусть цитировать необходимые места из его сочинений».

Диспуты сначала должны были увлекать как состязание на остроту мысли и блеск словесных построений, но и это приедалось как бесцельная игра словами и усилие над памятью, ибо высшим достижением считалось умение наизусть приводить длиннейшие цитаты из источников.

И получив, наконец, широкополую докторскую шляпу, молодой Гогенгейм мог вздохнуть свободно. Феррарское пленение кончилось, перед ним был открыт весь мир.

Его потянуло в неизвестные дали: увидеть чужеземные страны, новых людей и, может быть, узнать какую-то другую медицину, которой ведомы более глубокие тайны.

Врачебное искусство

В

те дни, когда молодой Теофраст Бомбаст фон-Гогенгейм посвятил себя врачебному искусству, медицина имела за своими плечами многие века исканий и опыта.

Первые врачебные средства стары, как само человечество, даже древнее его, ибо инстинкт самосохранения подсказывал многим животным простые действия, направленные к устранению страданий и боли.

Изучение жизни животных показывает, что собаки при переполнении желудка едят траву, чтобы вызвать рвоту и опорожнить таким образом желудок. Обезьяны умеют с помощью своих рук извлечь из кожи попавшую в нее занозу или давлением остановить кровотечение. Предки человека, ведущие свое происхождение от человекоподобных обезьян, так же инстинктивно находили болеутоляющие средства.

Но дальше последовал замечательный процесс становления и развития человека, который поднял его на неизмеримо более высокую ступень по сравнению с остальным животным миром.

Основой этого процесса явился труд, преобразовавший человека. Трудовая деятельность привела к развитию рук как естественного орудия труда, научила первобытных людей создавать и использовать искусственные орудия. Общественный труд повлек за собой зарождение

членораздельной речи; под его влиянием усовершенствовались мышление и мозг, уточнились органы чувств.

Все это предопределило переход к сознательному накоплению опыта врачевания, к пытливому отысканию в окружающей природе вещей, обладающих целебными свойствами.

Обнаруженные при раскопках костные остатки первобытных людей показывают, что тогда уже были ведомы способы заживления переломов и тяжелых ранений. Из наблюдений над жизнью дикарей известно, что они умеют применять элементарные хирургические приемы, что против внутренних страданий они употребляют ряд лекарств (хинная корка, листья кока, ипекакуана и др.), до сих пор сохранившихся в арсенале лечебных средств цивилизованного общества.

Однако уже в первобытном коммунистическом обществе возникновение религиозных представлений привело к тому, что в область врачевания проникли магические «чудесные» элементы. В качестве средств против болезни люди начали использовать заговоры, заклинания, амулеты.

С образованием классового общества господствующие классы захватили медицинские знания в свои руки; жреческое сословие древних государств сделало их своей тайной и привилегией. В храмах Вавилонии, Египта и позднее в Греции происходило дальнейшее накопление опыта практического врачевания. Эти тайные знания ревниво охранялись жрецами от любопытных глаз простого народа и разглашение их наказывалось смертью, ибо умение исцелять боль и излечивать болезни увеличивало в глазах эксплуатируемых масс значение и мощь господствующих классов.

Сохранившиеся памятники египетского мира и древней Греции свидетельствуют о сравнительно высоком уровне,

достигнутом практической медициной того времени. Но эта медицина неразрывно связана с религией и магией. Религиозные предрассудки затемняют истинную сущность явлений, происходящих в человеческом организме, и препятствуют изучению их действительных причин.

Но вот, наконец, в Греции, достигшей высокого экономического развития, практические потребности вызывают попытки научного обоснования явлений природы, которые противопоставляются их прежнему религиозному истолкованию. Наступает эпоха могучего развития греческой философии. Тогда же возникает и первая попытка свести накопленные медицинские знания в некую общую систему и дать им новые рационалистические и естественно-научные обоснования.

Разрешение этой грандиозной задачи было осуществлено в IV веке до нашей эры и связано с именем Гиппократов.

Биографические сведения об этом величайшем враче древнего мира крайне скудны. Приписываемое ему обширное литературное наследство несомненно лишь частью вышло непосредственно из-под его пера.

«Гиппократовы книги» явились величественным итогом медицинской мудрости древних и положили основание всему дальнейшему развитию врачебного искусства.

Медицина Гиппократов разбудила в его последователях дух неутомимого исследования, опирающегося на эксперимент. Ее боевым лозунгом было: опыт, и только опыт является истинным учителем врача.

Греки имели мужество отбросить религиозные догматы и пустые умственные спекуляции как ложные вехи на пути развития врачебного искусства и вместо них требовали пристального исследования действительности, утверждая, что медицине можно научиться только у постели больного. Гиппократ воспитывал в своих последо-

вателей веру в бесконечное развитие и совершенствование врачебных знаний. Он говорил:

«Медицина уже до меня обладала известными основами и методами; посредством этих проводников были сделаны в течение многих столетий многочисленные и прекрасные открытия, и неизвестное теперь будет открыто, если способные люди, вооруженные древними открытиями, возьмут их за отправной пункт для своих исследований».

Школа Гиппократов считала медицину искусством. Исходя из этой основной посылки, она признавала целью медицины—практическое лечение больного. Теоретические сведения этой школы по сравнению с современной медициной, конечно, были крайне примитивны. Фундаментом всех медицинских знаний являются анатомия, гистология, физиология и гигиена. Именно развитию этих наук, изучающих здорового человека, прежде всего современная медицина обязана своими успехами. Между тем во времена Гиппократов анатомические и физиологические наблюдения были крайне обрывочны и неточны.

Причиной такого положения анатомии было в первую очередь религиозное предубеждение, запрещавшее вскрытие человеческих трупов. Отрывочные анатомические сведения основывались на аналогии с животными, на случайных наблюдениях при ранениях, на отдельных вскрытиях трупов преступников.

Школа Гиппократов учила, что здоровье и болезнь зависят от соков (*humores*) организма. Четырьмя кардинальными соками являются: кровь, слизь, желтая желчь и черная желчь. Каждый из этих соков обладает определенными свойствами: крови присуща влажная теплота, слизи—холодная влажность, желтой желчи—сухое тепло и черной желчи—холодная сухость. Надлежащее смешение этих соков обеспечивает организму здоровье. Ненормальное смешение вызывает болезнь.

Эта так называемая гуморальная теория, конечно, с современной точки зрения не выдерживает критики.

Но гиппократиков здоровый человек интересовал гораздо меньше, чем больной. Чувствуя ограниченность своих знаний о причинах болезней и боясь потеряться в бесплодных и шатких догадках, они переносили центр тяжести своей работы в область наблюдения болезней и отыскания способов лечения. Они считали, что организму присуща естественная сила, регулирующая при нормальных условиях все его отправления. Задача врача — не исцеление болезни, а помощь организму больного в его борьбе с болезненными началами. Твердо основываясь на внимательном изучении течения болезни и действия лечебных средств, гиппократики подняли на большую высоту искусство практического врачевания.

Исследование симптомов болезней (диагностика) путем осмотра, ощупывания и выслушивания широко использовалось гиппократиками. Ими созданы правила диететики, касающиеся не только регулирования приема пищи, но и упорядочения всего образа жизни больного. Превосходно было поставлено лечение переломов костей и вывихов. Были разработаны и успешно проводились разнообразные и сложные хирургические операции.

Медицинские воззрения гиппократиков в конечном счете определялись существовавшими политическими и хозяйственными условиями, и по изменении их неизбежно должна была появиться новая медицинская система.

С возникновением огромного централизованного Римского государства, мощь которого основывалась на рабовладельческом хозяйстве и грабеже многочисленных колоний, медицина должна была претерпеть коренные изменения. Примитивная организация врачебного дела, существовавшая в Греции, не могла удовлетворять новым требованиям. Рим был заинтересован в быстром росте вра-

чебного сословия, в определенной регламентации врачебного труда. Ему нужны были обученные люди, которые несли бы санитарную службу в его армиях. Необходимо было организовать врачебную помощь в обрабатывавшихся толпами рабов огромных латифунциях римских богачей, ибо заболевшего раба следовало лечить, чтобы он скорее встал на работу. Возник целый класс общинных врачей. Существовали специальные врачи, обслуживавшие ряд государственных учреждений: публичные библиотеки, школы гладиаторов, цирки и т. д.

В Греции врачевание в основном было частным делом, а в соответствии с этим и медицина была искусством, которым мог овладеть лишь избранный человек, имеющий к тому особое призвание. Римское государство нуждалось в создании служилого медицинского сословия, ему необходима была научная система врачебных знаний как твердая основа медицинского образования.

Эта задача была разрешена во II веке нашей эры римским врачом Галеном (131—200 гг.).

Историк говорит о нем кратко: «Гален—врач весьма знаменитый—родился в Пергаме, жил в Риме во времена Марка Аврелия, Коммода и Пертинакса; отец его, по имени Никон, был геометром и архитектором. Гален оставил много сочинений не только по медицине, но и по философии, грамматике и риторике. Умер он семидесяти лет. Гален означает—спокойный». Врачебная наука, у Гиппократов определявшая лишь общее направление творческой деятельности врача, в творениях Галена приобрела очертания законченной системы.

Гален уже не ограничивал свою задачу только искусством лечения болезни, он стремился построить практическое врачевание на надежном теоретическом базисе и гармонично сочетать сведения о здоровом и больном организме, о методах лечения.

Галеновская медицина покоилась на гораздо более мощном фундаменте анатомических и физиологических сведений, приобретенных врачебным миром за шесть веков, отделяющих этих двух ученых друг от друга, и частью разработанных непосредственно Галеном.

Пусть Гален в действительности почти не анатомировал человеческие трупы и материалом для его исследований являлись главным образом животные, в частности обезьяны, которых он называл «смешной копией чело-века»,— все же его анатомия была передовой для своего времени. Гален не ограничивался внешним описанием частей тела и органов, а стремился постичь и более тонкое их строение. В ту эпоху не были известны увеличительные оптические приборы и, несмотря на это, Гален приблизился к гистологическому представлению о структуре тела.

Галену принадлежат глубокие исследования физиологии нервной системы. Один из современных физиологов сказал, что этот великий врач знал о функциях нервной системы почти все, что об этом впоследствии было известно в эпоху средневековья и Возрождения до XVII и XVIII столетий, т. е. в продолжении 1600 лет.

Гален разбил заблуждения школы Эразистрата, полагавшего, что в артериях содержится не кровь, а воздух, но существование кровообращения ему еще не было известно. Основная заслуга Галена в области физиологии—создание экспериментальной физиологии. Замечательны его способы препарирования спинного и головного мозга у животных. Применяя эти способы, он наблюдал возникающее явление выпадения и строил свои умозаключения о функциях отдельных нервов и частей центральной нервной системы.

В противовес эмпиризму Гиппократу, Гален выдвинул аристотелевский принцип: «Природа ничего не делает

без цели» как руководящий в медицинской науке. Вопрос о цели: для чего происходят те или иные процессы в человеческом организме,—он подменял анализ того, как они происходят и какими действующими причинами определяются, и это служило источником многих его ошибок. Больше того, вера в абсолютную целесообразность всех явлений, присущая большинству идеалистических систем, в конечном счете должна была привести и привела Галена к признанию существования творца.

Эти идеалистические заблуждения миросозерцания Галена отразились и на общей его медицинской системе. Он видел в организме лишь механизм, подчиненный душе. Силы, направляющие деятельность организма, заключаются в пневме. Пневма—это вещество, проникающее в организм при дыхании и дифференцирующееся в нем на три различные субстанции: жизненная пневма—в сердце, психическая—в мозгу и физическая—в печени.

Организм состоит из плотных и жидких частей (кровь, слюна, черная и желтая желчь), их надлежащее количество и качество определяют здоровье человека. Болезнь представляет собой расстройство функции той или иной части тела, которое в свою очередь вызывается патологическими изменениями в этой части организма.

Гален верил в существование *physis'a*—особой, присущей организму силы, стремящейся поддерживать его в состоянии здоровья. Вмешательство врача необходимо лишь в том случае, если этой собственной силы организма недостаточно для преодоления болезни. Лекарством Гален называл «все то, что может изменить наше естественное состояние»; им была проделана работа по подробному разбору роли и физиологического действия многочисленных лекарственных средств.

Телеологическая точка зрения, положенная в основу

галеновского учения, была родственна и любезна сердцу средневековой схоластики, и церковь благословила систему Галена, поддерживала ее и превратила в мертвую догму, которая в течение ряда веков преподавалась с кафедр средневековых университетов.

Да и сам Гален смотрел на свое учение как на открытие, которому надлежит следовать, не сомневаясь и не мудрствуя лукаво. Он говорил: «Делами искусства, а не измышлениями софистики добился я того, что стал в Риме известен первым гражданам и всем императорам; занимаясь медициной до старых лет, я до сего дня ни разу не имел повода краснеть за назначенное лечение или поставленный прогноз—что, как я видел, случалось с самыми знаменитыми врачами. Если кто-либо желает прославиться делами искусства, а не измышлениями софистики, он может без труда воспользоваться тем, что я открыл в течение моей жизни после долгих исследований».

Создание системы медицинских знаний было для своего времени грандиозным достижением, и нельзя не преклоняться перед научным гением Галена. Но эта архитектурная стройность и завершенность медицинского учения Галена являлась одновременно и его ахиллесовой пятой. Она много способствовала тому, что медицина заостенела более чем на тысячелетие почти в неизменном виде. Последовавшее вскоре после смерти Галена крушение Римской империи и наступившая затем эпоха раннего феодализма не создавали никаких предпосылок для дальнейшего развития медицины. Упадок и омертвление хозяйственной жизни Европы сочетались с упадком умственным. «Средневековье развилось из совершенно примитивного состояния. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию и начало во всем с самого начала.

Единственное, что средневековые взяли из погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, потерявших свою прежнюю цивилизацию, городов»*.

Во второй половине первого тысячелетия нашей эры разработка сокровищ греко-римской науки перешла к арабам. Арабские ученые, стоявшие во главе медицины до конца XV века, унаследовали врачебные знания древних, сохранили их и трудились над их систематизацией и пополнением. В эпоху позднего средневековья, когда в европейских странах усилился интерес к медицине и возникли многочисленные университеты, европейские ученые вынуждены были изучать труды арабов и по ним знакомиться с медициной древних.

Арабы вошли в историю медицины главным образом как поклонники и последователи учения Галена, под влияние которого они подпали.

Медицинские работы ислама еще более усилили слепое преклонение многих поколений перед пергамским ученым. Было бы, конечно, неправильно думать, что вся работа арабских ученых была совершенно бесплодна и не внесла ничего нового во врачебное искусство.

Прежде всего арабы ввели много новых лекарственных средств, которые были вовсе неизвестны древним. Своим развитием фармация в сущности целиком обязана исламу. Арабы сумели выделить и описать ряд болезней, неизвестных ранее: оспу, корь и др. Заслугой арабских медиков являлось также постепенное развитие клиники.

Никто не может оспорить способность арабских ученых «систематически отливать весь обширный накопленный материал в ясно изложенные, наглядно и хорошо

* Энгельс. Крестьянская война в Германии. Соцэкгиз. М. 1931.

продуманные учебники и руководства, в которых все отделы логически связаны, в которых одно вытекает из другого, и все проникнуто высшей степенью наглядности»*. Но это говорит о том, что арабы были прекрасными учителями и, может быть, последние в них преобладали над исследователями.

Кроме того, предрассудки мусульманской религии почти вовсе не позволяли арабам коснуться таких основных областей медицины, как анатомия, хирургия и гинекология. И несмотря на новые открытия, ими сделанные, на дальнейшую разработку многих отдельных медицинских проблем, над арабскими учеными безраздельно царила общая система Галена и даже замечательнейшее из арабских сочинений—канон врачебного искусства Авиценны (980—1076)—огромная энциклопедия (5 томов), содержащая в себе в строго систематическом изложении всю теоретическую и практическую медицину со всеми специальными ее ветвями,— лишь произведение послушного последователя Галена.

Наступил XV век, начало эпохи, от которой датирует «современное естествознание, как и вся новейшая история». «Современное естествознание, которое одно лишь достигло всестороннего, систематического научного развития, в противоположность гениальным натурфилософским догадкам древних и весьма важным, но sporadическим и оставшимся по большей части безрезультатными открытиям арабов»**.

Приближались дни решающих работ и открытий, которые положили начало современной медицине в том ее виде, как она нам знакома теперь.

* Мейер-Штейнер и Зудгоф. История медицины. Гиз. 1926).

** Энгельс. Старое введение к „Диалектике природы“. „Диалектика природы“. Партиздат. М. 1934.

В 1543 году нидерландец Андрей Везалий опубликовал замечательный труд, посвященный анатомии человека. Везалий впервые основал анатомию на изучении человеческих трупов и показал многочисленные ошибки анатомических взглядов школы Галена.

В начале XVII века Вильям Гарвей поднял физиологию до высоты истинной науки и впервые показал правильную картину кровообращения. Почти одновременно с ним с помощью изобретенного незадолго перед этим микроскопа Мальпигий проник в области тончайшего строения тканей, положив начало гистологии, а Антоний ван-Левенгук открыл присутствие мельчайших живых существ в капле воды,—так медицина приблизилась к обнаружению бактерий — возбудителей заразных болезней.

Упорная исследовательская и экспериментальная работа разворачивается во всех отраслях медицины и в этом повседневном труде готовятся новые открытия, которыми столь богаты XVIII, XIX и XX века. Они идут рука об руку с развитием других областей естествознания: химии, физики, биологии; они опираются на могучий подъем техники, вооружающей врача тончайшими и совершеннейшими приборами для исследования.

Но эпоху современного естествознания отделяет от средневекового прошлого некий революционный рубеж, на котором даны были первые бои схоластической медицине, на котором расчищался путь для новой врачебной науки и устанавливались первые вехи, намечавшие линии будущих побед.

На этом рубеже стоит громадная фигура Парацельса, который первый поднял бунт против отживших, но все еще почитаемых авторитетов, против тупости и застоя средневековой медицинской науки и сумел дать ряд гениальных научных провидений.

Годы странствий

Окончив университет (предположительно около 1515 года) доктор Теофраст фон-Гогенгейм оставил Феррару и начал свое многолетнее странствование.

Это был последний период накопления опыта и знаний. Потом наступила пора творческой деятельности Парацельса, которую он развернул так, что источник его сил казался неиссякаемым. А силы в нем было достаточно — в этом простом и грубом человеке.

Парацельс писал о себе: «От природы я не из тонкой пряжи, это не в духе моей страны, чтобы люди выходили из шелкопрядильни. Мы выращены не на плодах смоковниц, не на меду, не на пшеничном хлебе, но на сыре, молоке и ржаном хлебе: это не может создать слабых и утонченных людей. И в каждый наш день мы обладаем только тем, что нами получено в юности. Такой, как я, должен казаться грубым рядом с утонченными и чистюлями». Такие люди и «мы, которые выросли в лесной чаще, не понимают друг друга».

Он решил, не страшась лишений и невзгод, посетить университеты передовых стран, слушать лекции и работать в них. Его интересовали врачебные средства, которые употребляли знахари и лекари из народа. Ему хотелось побывать в лабораториях алхимиков на больших

рудниках, где практически применялись химические знания. Наконец, его влекла широкая жизнь, которая вскипала борьбой, битвами и восстаниями.

Вспоминая эти годы, он говорил:

«Я долгие годы посещал высшую школу у немцев, у итальянцев, у французов. И я не только познал там науку и прочел многие книги, но пустился в дальнейшие путешествия: в Гренаду, Лиссабон, через Испанию, через Англию, через Марку, через Пруссию, через Литву, через Польшу, Венгрию, Валахию, Семиградие, Хорватию, а также через другие страны; не стоит об этом и рассказывать. И во всех этих краях и местах я прилежно и старательно выспрашивал и исследовал верное и настоящее искусство врачевания не только у докторов, но также и цирюльников, банщиков, ученых врачей, знахарок, чернокнижников, как они ухаживают за больными, у алхимиков, в монастырях, у благородных и простых, у разумных и глупых».

Парацельс не оставил потомкам описания своей богатой событиями жизни. Только отдельные факты, скудные намеки на его личные коллизии разбросаны в его многочисленных сочинениях. Некому было записать его биографию. Слишком много земель и мест исходил он, чтобы найти неутомимого спутника. Слишком требователен был Теофраст к людям и нетерпим к недостаткам их, чтобы найти верного друга на долгие годы. Немногие кратковременные попутчики его или случайные свидетели событий, участником которых был этот взбалмошный и страшный человек, записали только некоторые эпизоды из его жизни.

Поэтому, воссоздавая теперь жизнь Теофраста Бомбаста фон-Гогенгейма, мы вынуждены часто сходить на скользкий путь догадок, и нужен верный компас, который спас бы биографа от того, чтобы не сбиться

с дороги. Этот компас — правдивое описание общей картины социальной жизни и исторических фактов того времени, словом, всего широкого потока явлений, который захватил песчинку его индивидуального бытия, повлек за собой и заставил описать четкую в своей определенности линию развития.

Если необходимо слово, которое могло бы охарактеризовать Парацельса с точки зрения его интересов, направленности его мышления и его деятельности, то это слово, конечно: естествоиспытатель. Стремлением его было познать природу, ее тайные силы, и с помощью этого знания изменять природу, в первую очередь природу самого человека, чтобы победить вызывающую страдания и унижающую человека силу болезней. Развиваясь в этом направлении, его мысль гениально связала естественные науки в некое единство, отдельные части которого взаимно питают друг друга и, раскрываясь сами, дают материал для смежных областей знания. Ново и гениально было то, что он понял глубокую связь медицины и химии и не только провозгласил это, но поставил перед собой практическую задачу на этой основе перестроить врачебное дело. Арабские медики уже до него ввели во врачебный обиход изготовленные химическим путем лекарства, но Парацельс впервые ясно и просто сказал, что процессы, совершающиеся в человеческом теле, суть химические процессы, и химии суждено сыграть огромную роль в решении проблемы здоровья человека.

Университет, где он учился, не мог дать ни толчка к возникновению этой идеи, ни необходимых сведений в области химии. Чтобы понять, как сложилась ятрохимическая теория Парацельса и вообще его новые медицинские воззрения, надо вместе с ним покинуть Феррару и отправиться в путь.

Аудитория алхимиков конца средних веков

С гр. XV века

Городская жизнь Германии в первую половину XVI века
С гравюры на дереве Ганса Зебальда Бэгама

Сначала его потянуло в знакомые места к единственному близкому человеку—к отцу в Виллах. Видимо это было их последним свиданием. И в этой старой и, казалось бы, знакомой обстановке у молодого Теофраста родились новые мысли. Раньше своеобразная жизнь горнорудных поселений воспринималась им внешне, поверхностно, как некий интересный, но посторонний мир. Теперь появилось желание проникнуть в суть происходившего на рудниках производственного процесса и самому стать его участником. Здесь совершалось захватывающе-интересное дело: как сильно оно отличалось от бесплодных схоластических умствований университетских ученых. Здесь на горных разработках буднично и просто из земных недр на свет дня появлялись руды, из них добывались металлы, а последние потом превращались в разнообразные изделия, которые становились благом или злом в руках человека. И была наука — участница этих превращений, имя которой — алхимия.

И вот молодой врач внезапно оставляет родной город, и вскоре его можно было встретить в лаборатории серебряных копей Зигмунда Фюгера, близ Шваца в Тироле.

Об этом написано:

«У него (Фюгера) работал и учился Теофраст фон-Гогенгейм и он свидетельствовал, что там получил много познаний от самого Зигмунда Фюгера и его помощников и сотрудников».

Фюгер далеко не заурядная личность. Он происходил из старого графского рода, земли которого счастливый случай одарил серебряной рудой. Но этот отпрыск графской фамилии сумел из землевладельца сделаться промышленником, организатором производства, конечно еще феодального и крайне элементарного технически, но все же факт этот возвещает наступление новой хозяй-

ственной эры. Зигмунд был не только посвящен в тайны химического искусства, ибо обладание горными разработками в это время уже требовало создания лабораторий для проб и отделения металлов, но и был известен своей приверженностью к науке. Между ним и Теофрастом на долгие годы установились дружеские отношения.

В современном языке «алхимия» идентична со словом «лженаука». Исторически это неверно. Еще знаменитый Либих сказал твердо и прямолинейно, что она «никогда ничем не отличалась от химии». Алхимия — первая ступень химической науки, еще не очистившейся от множества суеверий, заблуждений и просто шарлатанства, но именно ею был накоплен богатый практический материал, который лег в основу развития истинной науки о превращениях, составе и строении однородных веществ, слагающих тела природы и получаемых искусственно.

Истоки алхимии уходят в далекую древность, к химическому искусству египетских жрецов. Ею интересуются греки в период расцвета греческой науки. Много нового внесли в алхимию арабы (Гебер, Авиценна, и другие). Именно они первые серьезно работают над методикой химического эксперимента и вводят основные химические приемы и приборы: перегонный куб, водяную баню, химическую печь, дистилляцию, фильтрование, осаждение, кристаллизацию и возгонку.

В конце средних веков алхимия, наконец, приобретает твердую почву для своего развития в возникающей промышленности.

Взгляд средневековья и древности на алхимию сформулирован Рожером Бэконом: «Алхимия есть непреложная наука, работающая над телами с помощью теории и опыта и стремящаяся путем соответственных соединений превращать низшие из них в более высшие и

более драгоценные видоизменения. Алхимия обучает трансформировать всякий вид металла в другой с помощью специальных средств».

Мы видим, что даже этот передовой научный ум недалеко ушел от обычного для того времени взгляда на алхимию как средство к превращению неблагородных металлов в драгоценные. В XV и XVI веках развитие буржуазных отношений, небывалое увеличение роли и власти денег вызвали повышенный интерес к алхимии, но часто ее задача сводилась исключительно к тому, чтобы, наконец, отыскать средства изготовления драгоценных металлов и, таким образом, получить источник обогащения государей, светских и духовных владык. При многих дворах монархи содержали алхимиков, ибо государи и высшая знать свято верили в возможность искусственного получения золота. Эта вера породила многочисленных шарлатанов. Но многолетние бесплодные попытки найти «философский камень», «квинт-эссенцию» или «жизненный эликсир», то чудесное средство, одна часть которого могла превратить в золото два биллиона частей неблагородного металла и непомерно обогатить его владельца, эти попытки способствовали накоплению многочисленных наблюдений над свойствами тел природы.

Нужно было окончательно отбросить ложную основную цель, отрешиться от основного заблуждения, которое отмечал еще Леонардо да Винчи, осмеивавший «лживое и пагубное искусство алхимии и ее плутоватых приверженцев», чтобы мир оказался накануне рождения современной химии.

В этом перевороте почетное место принадлежит Парацельсу. Он один из первых показал ложность пути алхимии, но в свою очередь не сумел охватить задачи новой науки в целом, а стал адептом ятрохимии, т. е.

химии как науки, подчиненной медицине и занимающейся в первую очередь отысканием, исследованием и приготовлением лекарств.

Несомненно, эти его мысли родились и окрепли на фюгеровских копиях, в те дни, когда он не только практически изучал алхимию, но и с живым интересом знакомился со многими алхимическими сочинениями, перечень которых он приводит в своих писаниях.

Пребывание его на серебряных копиях было непродолжительно. Все дальше и дальше по белому свету влекло его, за новыми знаниями и новыми впечатлениями.

Молодой Теофраст облачился в дорожный костюм, сапоги со шпорами, привесил к поясу меч; мешок—за его спиной. В этом одеянии ему—прирожденному бродяге—суждено провести большую часть своей жизни. Так ехал он верхом на лошади, нередко шагал пешком из города в город, из деревни в деревню. Ночи он проводил на постоялых дворах, в крестьянских избах, просто под стогом сена или в лесу. В пути, на постоялых дворах ему встречался разнообразнейший люд; общительный Теофраст вступал в беседы с местными жителями, с путниками, и в богатой его памяти ежедневно отлагались новые рассказы о странах, событиях, людях и вещах—обычных и чудесных. Возникает привычка к непрерывной смене впечатлений; его, как пьяницу к вину, тянет все вперед по бесконечной нити проезжих дорог.

Из Шваца он, видимо, предпринял путешествие по Германии, посетил ряд германских университетов.

Вот подъезжает он, усталый, к постоялому двору, спрыгивает с коня. «Никто не выйдет тебя встретить, чтобы не показать, что рады гостям, так как это считается у них низким, непристойным, унижительным для

немецкого достоинства; успеешь досыта накричаться, пока, наконец, высунется голова в крошечное окошечко жарко натопленной комнаты, выглядывая, точно черепаха из своего дома»,—так описывает нравы немецких постоянных дворов современник Парацельса—Эразм из Роттердама.

«К этой, выглядывающей в окошечко, голове ты должен обратиться с вопросом, можно ли тут остановиться и, если тебе не ответят отказом, то значит, для тебя есть место. На вопрос о конюшнях тебе ответят движением руки, и ты уже сам убирай свою лошадь, как знаешь, так как слуг никаких не полагается... Если что похулишь или сделаешь какое замечание, то ищи другой двор.

...Убрав лошадь, отправляешься в комнату, как был в дорожных сапогах и в грязи, и несешь с собой свою поклажу. Для всех гостей имеется только одна общая комната, жарко натопленная. В ней часто набирается человек до 80 и до 90. Тут все вместе: и пешеходы, и конные, и купцы, и шкипера, и извозчики, и крестьяне, и дети, и женщины, и здоровые, и больные. Один чешет себе волосы, другой обтирает с себя пот, третий чистит сапоги, четвертый рыгает чесноком; одним словом, тут такая происходит суматоха, точно при вавилонском столпотворении. Как только усмотрят незнакомца, который отличается от них приличным видом, то уставят на него глаза, как будто перед ними какой невиданный зверь африканский; даже усевшись за стол не перестают на него глядеть исподлобья и, забывая о еде, не сводят с него глаз.

Спросить себе ничего нельзя. Когда уже наступит поздний вечер и когда нельзя уже, следовательно, ожидать гостей, входит старый слуга с седой бородой и стриженной головой, грязно одетый и с угрюмой фи-

зиономией, обводит глазами всех присутствующих и молча пересчитывает их. Он стелет скатерти, грубые, как парусина, потом ставит перед каждым деревянную тарелку с деревянной ложкой и стакан, немного спустя приносит он хлеб... Так сидят в ожидании кушанья нередко почти целый час... Наконец приносят вино, довольно кислое». Потом подают еду, простую и обильную.

«Все должны сидеть за столом до предписанного времени, которое, полагаю, определяется у них по водяным часам».

Наконец снова является известный уже нам бородач или даже сам хозяин, который по одеянию мало чем отличается от своих слуг,—и вслед затем приносят вино уже несколько лучшего сорта. «Кто больше пьет, тот приятнее хозяину, хотя платит не более тех, которые пьют очень мало, и нередко встречаются такие, которые выпивают на сумму вдвое большую, чем сколько платят за угощение. Достоин удивления, какой поднимается шум и крик, когда голова разгорячается вином. В это время часто появляются фигляры и шуты, которые начинают петь, кричать, скакать, ссориться и производят такой страшный гвалт, что, кажется, весь дом готов разрушиться и уже решительно ничего нельзя расслышать».

Теофраст не отказывался от вина, любил тяжелые немецкие кушанья и столь же тяжеловесные шутки и остроты, охотно ввязывался в беспорядочную шумную беседу, ссорился и брался с сотрапезниками. Язык его писаний хранит следы этих простонародных оборотов и грубых выражений. Шутки фигляров и шутов были хорошим отдыхом после лекций, диспутов и разговоров с учеными.

Так заканчивался день.

«Как бы ты ни утомился от дороги, но не можешь лечь спать, пока все не станут ложиться. Тогда укажут тебе кровать, на которой простыня уже с полгода не мыта».

Наступал кратковременный отдых, а на утро Теофраст седлал коня, чтобы снова двинуться в путь.

Из Германии он перекечевал во Францию и, вероятно, посетил здесь знаменитые медицинские школы Парижа и Монпелье.

Эта эпоха была эпохой возвышения Франции, выхода ее на мировую арену как одной из могущественнейших держав с сильной централизованной властью, быстро развивающейся торговлей. В конце XIV века французские короли в союзе с феодальным дворянством разгромили революционные крестьянские жакерии. В середине XV века была закончена победой Франции ее столетняя война с Англией, а во второй его половине (при Людовике XI) королевская власть успешно преодолела центробежные силы феодальных владык и войной, подкупом и грабежом значительно расширила территорию королевства, в первую очередь путем захвата части Бургундского герцогства и Прованса; вскоре к Франции была присоединена Бретань.

Когда в 1515 году на французский престол вступил Франциск I, страна была уже настолько могущественна, что молодой король через несколько лет был в силах выставить свою кандидатуру на императорский трон Священной Римской империи и вступить в борьбу за обладание императорской короной с Карлом Испанским и Генрихом VIII — королем Англии.

От пытливого взгляда молодого Гогенгейма не могла укрыться резкая разница между этим сильным и богатым государством и его родиной, раздираемой внутренними междоусобицами светских и духовных феодалов.

лов, где их произвол и разбой делали столь трудным купеческий промысел, где по всей стране бродили наемные банды и просто разбойничьи шайки, где земледельцы и даже горожане никогда не чувствовали себя в безопасности.

Он слышал о богатых ярмарках Шампани, о славной сукнодельной промышленности Фландрского приморья, о знаменитом торгово-промышленном городе Лионе, видел собственными глазами Париж—величайший город, с которым не мог соперничать ни один город Германии.

В этой стране власть папы и духовенства, этих жадных волков, раздирающих родные немецкие земли, склонялась перед властью короля. Уже в 1516 году Франциск I заключил с папой конкордат, предоставлявший короне распоряжение значительной частью церковных должностей и доходов. Французская армия этого времени была одной из самых сильных в Европе — мощь ее артиллерии была непревзойдена, пехота и кавалерия четко разделены и обучены. Все это наводило молодого немца на невеселые мысли и внушало ему страх за будущее его родины.

А заманчивый и необычайный мир новых стран манил все вперед и вперед — и вот Теофраст на Пиренейском полуострове.

Если возвышение Франции только начиналось, то Испания в эти годы была в зените своей славы и силы; дальнейшая ее история полна неудач и потерь. Свой путь к власти над миром Испанское государство прошло с феерической быстротой, сравняться с которой может разве только скорость ее падения. Давно ли почти весь Пиренейский полуостров был во власти арабов, давно ли Кордовский халифат привел эти земли к высокому хозяйственному развитию, а Кордова стала центром арабской науки и мировой культуры? Только за год до

рождения Теофраста испанцы завоевали последнее цветущее мавританское государство — Гренаду.

А теперь завоевания, брачные узы и наследственные права соединили под монаршей властью испанского короля Карла I Габсбурга, вступившего на престол в 1515 году, помимо испанской территории: австрийские владения, Нидерланды, графство Бургундское, королевство Неаполитанское, Сардинию и Сицилию. После великого открытия Колумба Испания вступила на путь завоевания Америки и грабежа этих новых богатейших колоний. Но вскоре успехи колониальных завоеваний обернулись против национального хозяйства, против внутренней силы страны.

Золото и серебро, широким потоком притекавшие в Испанию из новых колоний, теряли цену и вызывали вздорожание продуктов. Конкуренция с промышленностью других стран становилась все более и более трудной. Ремесленники и крестьяне разорялись. Внутри страны росло раздражение. Европейские владения испанской монархии, чуждые ей по национальности, поднимались против нее. Англия вступала в борьбу с нею за владычество на морях. Годы процветания уже таили в себе неизбежность близкого краха. Было ли это настолько ясно, чтобы Теофраст, путешествовавший по городам и сельским просторам Испании, мог все это видеть? Вернее всего, что нет. Скорее его должно было поражать окружающее великолепие и богатство. Правда, внутри страны противоречия обострялись. Чиновное дворянство и крупная буржуазия были недовольны господством приведенных Габсбургами чужеземцев, занимавших крупные государственные должности. Мелкая буржуазия и ремесленники мечтали об уравниении сословий и захвате власти в свои руки. Разоряемое крестьянство готово было присоединиться к любому революционному дви-

жению, если только оно было направлено против феодалов. Это недовольство вылилось в восстании коммунаеров в 1529—1531 годах, подавленном королем в союзе с крупной буржуазией и дворянством, перепугавшимися движения низов.

Теофраст скитался по Испании, когда готовилось это восстание.

Но пребывание его на Пиренейском полуострове было кратковременным. Из Испании он вскоре перекочевывает в Англию.

Англия этих дней в лице своих передовых мыслителей была на стороне гуманизма. Среди английских гуманистов одно из первых мест занимал Томас Мор, в эти дни уже написавший свою знаменитую «Утопию». Здесь в кружке Коллета сформировались воззрения Эразма из Роттердама.

Недавно (1509 г.) умер король Генрих VII и на престол вступил его сын, воспитанный гуманистами. На молодого короля, Генриха VIII, гуманисты возлагали большие надежды. Друг Эразма—лорд Монтжой—писал о короле: «Если бы ты видел, милый Эразм, как все здесь радуются, как счастливы все, имея такого государя. Небо смеется, земля ликует, повсюду лишь мед, млеко и нектар. Скупость обратилась в бегство, щедрость полными горстями распределяет свои дары. Наш король не ищет золота, редких камней и дорогих металлов, но стремится единственно к добродетелям и славе. Чтобы дать тебе некоторое понятие об этом, сообщаю разговор, происходивший на-днях: он выразил в моем присутствии желание сделаться еще более образованным». «Мы не ждем от вас этого, государь,—сказал я ему,—мы лишь надеемся, что вы будете любить ученых и покровительствовать им».—«Как же иначе,—ответил он.—Ибо что я буду представлять собой без

них?» Никогда монарх не изрекал столь прекрасных слов. Я хотел рассказать тебе в самом начале этого письма о достоинствах нашего божественного государя, дабы ты тотчас же отогнал прочь всякую тоску, ежели случайно она тобой овладеет, и дал полный простор честолюбивым помыслам и надеждам».

Молодой король обманул возлагавшиеся на него легкомысленные надежды. Генрих был тираном, неограниченно властолюбивым и жестоким; по его прихоти погиб на плахе Томас Мор—один из самых светлых и свободных умов этой эпохи.

Обозрение английской жизни начала XVI века обнаруживает быстрое течение глубоких социально-экономических изменений. Жизнь широких масс трудового народа ухудшалась, росла эксплуатация крестьянства. Сельская община, эта основа феодального быта, разрушалась, пашни превращались в пастбища для овец, и землевладельцы изгоняли крестьян с их насиженных участков, чтобы заниматься овцеводством и обогащаться на торговле шерстью с Фландрией.

Былая мощь феодального землевладения была окончательно подорвана. Казни и конфискации в эпоху войны «Алой и Белой розы» вырвали из рук феодальной знати многочисленные владения и передали их короне. Многие из этих земель в скором времени перешли к богатым торговцам и промышленникам, ибо расточительная королевская власть постоянно нуждалась в деньгах. Землевладение все больше и больше переходило в руки молодой буржуазии, которая ловко использовывала разорение старого дворянства, и само это землевладение перестраивалось на новых началах. В городах капиталистические верхушки подчиняли себе мелких ремесленников и эксплуатировали их.

И вот под влиянием впечатлений тягчайшего кризиса,

переживавшегося крестьянством, и перед лицом зарождавшихся капиталистических отношений в умах передовых людей Англии складывается новый общественный идеал, который нашел свое отражение в «Утопии» Мора. Это произведение оказало огромное влияние на развитие социалистической мысли. В «Утопии» глубокой критике подвергнуты Мором экономический и политический строй современной ему Англии и критика эта восходит к частной собственности как основе эксплуататорского общества.

Опираясь на этот критический анализ, на прекрасное понимание той великой истины, что задача социального устройства может быть решена только путем соответствующего изменения экономических соотношений, Мор нарисовал в «Утопии» замечательную картину государства будущего, в котором проведены коммунистические принципы.

Передовые мыслители получили в «Утопии» богатый материал для размышления о социальном устройстве мира и путях его изменения, а для угнетенных и эксплуатируемых она явилась вестью о лучшем будущем. Страна, изображенная в этом произведении, находилась в непримиримом противоречии с окружающей действительностью и невольно должна была будить революционные мысли.

В Англии и других странах Европы власть — в руках тиранов.

В республиканской «Утопии» управление построено на чрезвычайно демократических для XVI века началах. Все должностные лица вплоть до самого верховного правителя избираются.

В окружающей действительности эксплуатация и разорение крестьянства, голодное существование трудовых масс — ожесточенная борьба за существование.

В «Утопии» — планомерная организация труда, обеспеченное существование трудящихся. Ее население сосредоточено в городах, к которым приписана известная часть общегосударственной территории. Земледелие является трудовой повинностью граждан. Ремесло также является их обязанностью. Продукты производства поступают в безвозмездное общее пользование и большинство населения получает питание в общественных столовых. В этих условиях каждый заботится об интересах всего общества, ибо в стране нет ничего частного.

Это была мечта, но мечта, которой суждено воплотиться в жизнь.

И впоследствии мы увидим, что Парацельс не был равнодушен к «мечтаниям» великого Мора.

Теофраст недолго задержался в Англии и отплыл обратно на европейский континент в другую страну с замечательным будущим, на время ставшую первой колониальной державой, — в Нидерланды.

Перед его глазами прошла страна, экономически наиболее передовая для своего времени. Здесь было лучшее суконное производство в Европе, многочисленное и богатое купечество населяло великолепные приморские города. Возникшее судостроение и мореходство приносило большие прибыли судовладельцам.

В начале XVI века Антверпен являлся центром мировой торговли.

Торговое и промышленное развитие Нидерландов привело к раннему резкому обострению борьбы между буржуазией и феодалами; не даром именно здесь разразилась первая буржуазная революция (вторая половина XVI столетия). Предпосылки этой революции складывались в стране уже в те времена, когда ее посетил доктор Теофраст. Глубокое брожение, которым были охвачены Нидерланды под влиянием сложившейся со-

циально-экономической обстановки, нашло свое внешнее выражение в широком распространении протестантских учений. Лютеранство нашло здесь благоприятную почву для своих первых успехов. Еще раньше началось оппозиционное движение городских низов, которое шло под знаменем анабаптизма. И едва ли не здесь Парацельс познакомился впервые с учениями анабаптистов, оказавшими на него большое влияние.

В Нидерландах Теофраст работал фельдшером в войсках. Его увлекла эта новая широкая область медицинской практики, интересовали различные ранения, лихорадки, отыскание способов наиболее действенного их лечения. Он чувствовал, как расширяется его кругозор и как ничтожны его школьные познания, чтобы охватить бесчисленное многообразие случаев в самой природе. И, может быть, тогда были им написаны строки: «Чтение никогда еще не создало ни одного врача, врачей создает только практика».

В это время в Скандинавии начиналась война, предстояли большие сражения, и там врачу Теофрасту многому можно было научиться. Он покинул Нидерланды и отправился в Данию, чтобы поступить на службу к датскому королю Христиану II.

Дания—страна, вся жизнь которой связана с водной стихией. Море изрезало берега Ютландского полуострова причудливыми фиордами и окружает многочисленные датские острова. Прошлое Дании — отважные викинги, разбойники и завоеватели, бороздящие море на своих грозных судах. Мечта ее правителей — незыблемое главенство над скандинавскими народами, создание могучего северного государства, соединяющего воедино Данию, Швецию и Норвегию. На рубеже XV столетия эта мечта была близка к воплощению в жизнь, на краткий срок Кальмарская уния (1397 г.) объединила эти

три государства под властью датского короля, но вскоре же беспокойная Швеция добилась своей фактической независимости.

Христиан II был последним королем унии, его несчастье заключалось в том, что он хотел не только именоваться им, но и быть. Печален был его конец— 27 лет содержался он под стражей в своем собственном королевстве и умер пленником.

Но в эти дни, молодой и жаждущий власти, он только начинал свой королевский путь. Железо и кровь должны были скрепить непрочные узы, привязывавшие Швецию к его державе. В 1518 году появился Христиан с сильным флотом под Стокгольмом; два года продолжалась борьба и, наконец, в 1520 году Швеция была подчинена.

В датском войске числился военный врач Теофраст Бомбаст фон-Гогенгейм, он принимал участие в походах Христиана; побывал в Стокгольме, который он называет датским городом.

Но звезда Христиана быстро склонялась к закату—неблагополучно было в датском королевстве. Жестокое правление его вызвало национальное восстание в Швеции и окончательную потерю ее. Внутри страны он попытался сломить власть феодалов, опираясь на горожан и крестьянство, но потерпел неудачу и вскоре вынужден был бежать.

Когда происходили эти события, Теофраст был уже далеко. Он пересек север Германии, Литву и задержался в могущественнейшем восточном государстве—Польше.

Польша являлась восточным форпостом европейского католического мира. За нею лежало дикое, но грозное Московское царство, наступательные движения которого надо было сдерживать огнем и мечом. С Балкан надвигалась другая гроза—турецкие полчища, против кото-

рых также можно было использовать польские военные силы. Еще недавно немцы узнали военную мощь Польши, разгромившей тевтонское рыцарство и остановившей их продвижение на восток. И если в XVII веке Польша потеряла свое влияние, то это произошло не потому, что соседи превзошли ее в военном отношении, а лишь благодаря внутреннему разложению королевства, вызванному феодальной реакцией. Причиной падения польского колосса было раздробление, фактический захват власти многочисленными феодалами и обострение внутренних неурядиц и войн.

Но в эти дни, под властью Ягеллонов, Польша была еще сильным централизованным государством, выгодно отличавшимся от родной Теофрасту Германии, раздираемой внутренними противоречиями и постоянным вмешательством иностранцев в ее внутренние дела.

Но и здесь Гогенгейм пробыл недолго—к югу лежал его путь, в Валахию, потом Далмацию, Кroatию, которые прошел он и замкнул круг Италией, покинутой им после студенческих лет.

Говорили, что из Польши Теофраст предпринял путешествие в Москву и Константинополь. Нет документов, подтверждающих эту версию, но чему же удивляться,—не было далекого пути, который казался бы непреодолимым для этого любознательного человека. Но когда безудержная фантазия современников приписала ему посещение Африки и Азии, он сам отверг эту честь.

«Неверно, что я узнал Африку и Азию и перелистал эти страницы. Но кто же смог бы бродить во всех уголках мира?»

Особенное впечатление произвело на него лечебное искусство валахов и цыган во время скитаний его в юго-восточной части Европы.

«Я видел прекрасные напитки для лечения ран, ко-

которые благодаря своей особой природе излечивали необычайные раны... Я видел... одного валаха, который давал выпить не более одного глотка и этим вылечивал всяческую рану и укол. Я также видел в Кроатии одного цыгана, который брал сок одной травы и давал его пить... и излечивал».

Сам он не только учился и наблюдал. Всюду лечил он больных, иногда участвовал в диспутах и, очевидно, уже начал публичную критику современной медицинской науки и пропаганду своих новых взглядов. Эта его деятельность приносила больше неприятностей, чем славы и доходов. Врачебное сословие восставало против заносчивого чужака и, как он сам говорит, врачи «изгнали его из Литвы, потом из Пруссии, потом из Польши».

Теофраст не преувеличивает своих успехов в диспутах и спорах и с горечью говорит, что противники «одержали над ним некоторые победы или в первых состязаниях восторжествовали; так было в Данциге и Вильдше (Вильне)».

Прежде чем попасть в Италию, не был ли Теофраст на острове Родосе, владыкам которого—ордену иоаннитов, венецианцы оказывали помощь в войне с турками, и не лечил ли раненых его защитников? Предположение такое законно, ибо позднее Теофраст говорил, что пришлось ему видеть сарацин и турок и, кроме того, обладал он обширными сведениями о ранениях стрелами, которые к этим дням вышли из употребления в Западной Европе, познавшей огромные преимущества огнестрельного оружия.

Перед 1525 годом—датой своего возвращения в Германию, был он в Италии и снова в качестве военного врача принимал участие в походах, осадах и сражениях.

В Италии тогда скрестились интересы мировых держав и на ее полях решались судьбы Европы.

12 января 1519 года умер император Максимилиан. Трое могущественных монархов явились соискателями императорской короны: эрцгерцог Карл, король испанский, Франциск I, король французский, и Генрих VIII, король английский. Почти полгода продолжалась борьба претендентов, все было пущено в ход: уговоры, подкуп, запугивания, военные угрозы. Наконец 28 июня наступил мелодраматический финал: по старинному обычаю во Франкфурте-на-Майне из маленькой часовни Варфоломеевской церкви вышло семеро избирателей германского народа, облаченных в красные мантии, и единогласно провозгласили императором римским двадцатилетнего эрцгерцога Карла — сына покойного Максимилиана.

Огромные денежные средства, предоставленные в распоряжение молодого Габсбурга аугсбургским банкирским домом Фугеров, сделали свое дело. Новый император был коронован в Аахене.

Франциск французский проиграл свое первое столкновение с испанским королем, но это был первый эпизод в их многолетнем соперничестве. Вскоре они вступили в борьбу за господство в Северной Италии и Неаполе. С 1521 года начались военные действия. Они развивались с переменным успехом, иностранные войска наводняли итальянские владения.

Развязка наступила неожиданно. 27 февраля 1525 года Франциск I, храбрый рыцарь и неосмотрительный полководец, был взят в плен императорскими войсками в сражении при Павии. В этом же году Теофраст фон-Гогенгейм вернулся в Германию.

Не легко дались ему эти десять лет скитальческой жизни.

Средства на жизнь приходилось добывать врачебной

деятельностью, а заработок этот в те времена был скуден и случаен. И если Теофраст много раз (Нидерланды, Дания, Италия) служил лекарем в иностранных войсках, то к этому его понуждал, конечно, не только интерес к военной медицине, но и желание получить твердый заработок и обеспеченное пропитание.

Но эти годы имели решающее значение для роста и формирования Теофраста Бомбаста фон-Гогенгейма—ученого и человека.

В Германию вернулся вполне сложившийся, готовый к самостоятельной творческой работе в избранной им медицинской науке, человек, верящий в самого себя и надеющийся только на свои силы, с непреклонным характером и закаленной волей. Он гордился этих периодом своей жизни и, когда позднее враги упрекали его в наклонности к бродяжничеству, он отвечал им:

«Слышал я однажды от людей, в правах сведущих (как они и писали в своих книгах о праве), что врач много странствовать должен, и это мне весьма нравится. Причиною тому, что и болезни странствуют то туда, то сюда и на одном месте не пребывают. И если хочет кто многие болезни познать, то да странствует он тоже; ежели будет много странствовать, то многое испытает и многое познавать научится. И ежели он снова в лоно своей матери возвратится, и тогда какой чуждый гость в его отечестве появится, то он уже хорошо его знать будет.

Можно это заметить на примере баварцев, кои не знают, чем врач быть должен, ибо остаются они сидеть на печкой, книгами себя окружив, и плавают посему на «Корабле дураков».

Во-первых, должен врач быть астрономом; но требует нужда, чтобы его собственные глаза ему свидетельство давали, дабы он таковым стал: без свидетельства этого

он всего лишь астрономический болтун. Следует также, чтобы он и космографом был: но не для того, дабы различные страны описывать, какие-де в них штаны носят, а дабы, крепко за дело взявшись, разведать, какие-де в них болезни бывают. И хотя бы и имел ты намерение из всего того, что ты в этой стране видел, об одежде, в ней принятой, сообщить, и даже если ты себя тем извиняешь, что именно это ты в чужих странах узнал, какое же дело врачу до того, что ты портной? Посему, поскольку те вещи, кои здесь имеют быть сообщены, должны быть познаны, да послужат они для нас в качестве сравнений и да будут связаны с врачеванием, а не отделены от него.

Весьма нужно также, чтобы врач философом был и чтобы ему глаза его обо всем вести подавали, дабы он таковым стал; буде он таковым быть хочет, то должен он уметь сопоставлять все и отовсюду, где только что есть. Ибо, к примеру, если кто захочет жареного поесть, то мясо получит он из одной страны, соль—из другой, приправу—из еще другой страны. Ежели же вещи странствовать должны, пока до тебя не дойдут, то и ты странствовать должен, пока того не достигнешь, что к тебе само притти не может; ибо у наук нет ног, дабы мясники их могли к тебе пригнать; нельзя их ни в боченках перевозить, ни в бочки забивать. И поелику таков их недостаток, то ты сам должен то делать, что бы они делать должны были. Ибо английские humores не то, что венгерские, также и неаполитанские—не то, что прусские; потому должен ты туда пойти, где они находятся. И чем более ты их там искать будешь и чем больше ты их познаешь, тем более разума будет в отечестве твоём.

Следует также, чтобы врач был и алхимиком; буде он таковым стать хочет, то должен он узреть ту мать,

из коей минералы растут; а поелику горы за ним никак пойти не могут, то должен он к ним пойти. И там, где минералы лежат, там пусть будут и ученые; ежели хочет такой ученый вникнуть в разложения и сочетания природы, то должен он искать их в том месте, где минералы находятся. Ибо как может кто-либо тайну сочетаний постигнуть, ежели он ее не там ищет, где она есть.

Правда, что те, кои этого не делают, более имеют, нежели те, кои это делают. Те, кои за печкой сидят, едят рябчиков; те же, кои во след наукам странствуют, питаются молочным супом; те, кои из углов о себе трубят, носят золотые цепи и мантии, те же, кои странствуют, насилию за дерюжную ткань уплатить могут. Те, кои за городской стеной,—то в тепле, то в прохладе сидят; те же, кои науке служат, даже тени бы не имели, ежели бы дерев не было. И тот, кто своему чреву служить хочет, тот за мной не последует, он за тем последует, кто в шелковых платьях ходит. И правильно, что они странствовать не хотят: ибо уже Ювенал написал, что только тот радостно странствует, кто ничего не имеет; потому они это изречение соблюдают: дабы убитыми не быть, сидят они за печкой и пивные кружки опрокидывают. Я же полагаю, что до сего времени мои странствования честно провел, и сие мне служит к похвале, а не к стыду. И это хочу я доказать от самой природы. Кто ее исследовать хочет, тот ногами своими должен книги ее пройти. Писания изучаются через буквы их, натура же—от страны к стране; что ни страна, то страница. Такова книга закона природы и так следует страницы ее перевертывать».

За эти годы начали складываться и его политические взгляды.

Общественная жизнь этой эпохи была полна столь

острых противоречий между различными классами, что пытливому наблюдателю невольно должна была приходиться мысль о плохом социальном устройстве этого мира. Парацельс слишком много путешествовал, видел и знал, чтобы глубокие язвы существовавшего строя могли остаться для него незаметными.

Правда, окончательно его социальные идеалы оформились позднее, после того как в Базеле в кружке гуманистов он ознакомился с новыми социальными идеями, а великая крестьянская война и последовавшая за ней реакция продемонстрировали глубочайшие противоречия, заложенные в классовом строе.

Пребывание почти во всех передовых европейских странах дало ему материал для понимания событий, развертывавшихся в Европе. Уже вскоре он выступил в печати с брошюрой, посвященной прогнозу ближайших политических событий. Брошюра эта была выпущена в 1529 году нюрнбергским издателем Фридрихом Пейпусом.

В те годы, когда не существовало периодической печати, подобные предсказания событий, обычно на предстоящий год, писались многими учеными. Но, главным образом, это было дело астрологов, которые предсказывали будущие события по звездам. Поэтому позднее говорили, что Теофраст занимался астрологией и был в плену у заблуждений этой ложной науки. Но это неверно. Парацельс в своих произведениях высмеивал тех, кто мечтает узнать по звездам все события, происходящие в мире, и тайны людей. Его прогнозы были просто высказываниями политически осведомленного человека, конечно, с солидной долей фантазии, в которой у Теофраста недостатка не было. Во всяком случае брошюра доктора Теофраста Парацельса имела большой успех и в краткий срок выдержала пять переизданий.

В прогнозе на 1530—1535 годы есть одно примечательное место. Парацельс предсказывал, что из Франции некто вторгнется в Римско-германскую империю, поработит ее, назовется императором и с великой пышностью возвратится обратно во Францию. Человек этот принесет большой вред Германии, однако вся деятельность его не оставит после себя значительного следа.

Очевидно это отражает полученные Теофрастом от посещения Франции впечатления о росте и военном могуществе этой страны. По оригинальному капризу судьбы это предсказание Парацельса осуществилось, правда... через три столетия.

За годы странствований сложились его философские воззрения, ибо он уже в ближайшем будущем изложил их основы в своих сочинениях.

Наконец за это десятилетие Теофраст окончательно разочаровался в господствовавших медицинских воззрениях и разработал основы собственного медицинского учения.

Средневековая медицина оттолкнула его от себя прежде всего своим застоем и слепым преклонением перед древними авторитетами. Одно время он даже дошел до сомнения в полезности искусства, «предоставляющего людям умирать и не могущего вылечить даже зубной боли». Но эти сомнения он сумел преодолеть и предался медицине с энтузиазмом и самозабвением. Он провозгласил необходимость свободного исследования явлений природы как основную предпосылку создания новой медицины и упорно стремился положить в основу врачебного искусства опыт и эксперимент. Порывая с традициями, опровергая незыблемость учения древних, он требовал пересмотра всех установленных истин. Разрешение такой грандиозной и смелой задачи требовало, конечно, прежде всего собирания большого

нового фактического материала и обобщения многочисленных наблюдений. Надо думать, что целью его скитаний и было накопление опытного знания.

Теофраст отверг, как ложную, древнюю гуморальную теорию здоровья и болезни, являвшуюся краеугольным камнем врачебной науки. Пламенный апостол химии, он выдвинул новую химическую теорию, согласно которой причина ряда болезней заключается в расстройстве химических превращений, совершающихся в организме.

Химия же, по его мнению, должна была дать человечеству новые, гораздо более действенные, лекарственные средства: настало время полной реформы фармакологии и пересмотра способов врачевания.

Двумя основными средствами средневековой медицины были: кровопускания и слабительные, которыми врачи беспощадно терзали своих пациентов. Фанатики ланцета и александрийского листа, лечившие ими почти все болезни, существовали очень долго. Так, еще во второй половине XVII века известный врач Гюи Патен рассказывал об одном из своих пациентов: «Г-н N захворал ревматизмом, ему было сделано шестьдесят четыре кровопускания. Потом начали его прочищать; он почувствовал облегчение и выздоровел. Идиоты, которые ничего не понимают в нашем ремесле, думают, что слабительного достаточно, но они ошибаются, потому что без обильного кровопускания, которое уняло бы стремительность блуждающей влаги, опорожнило сосуды и прекратило расстройство печени, породившее эту влагу, слабительное оказалось бы бесполезным».

Медикаменты, применявшиеся врачами того времени, главным образом унаследованные от Галена, являлись продуктами переработки лекарственного сырья (растительного, животного, минерального), большей частью путем механических операций (изрезывание, толчение,

растирание, настаивание или отваривание с водой и т.д.). Рецептúra многих лекарств была необычайно сложна; так, например, одно из прославленных средств древних — териак — состояло более чем из шестидесяти веществ. Сколь ответственна была роль изготовителя этого лекарства показывает то, что приготовление императорского териака при Марке Аврелии лежало на знаменитом Галене. За эти его труды император пожаловал Галена золотой цепью с медалью, имевшей следующую надпись: «Антонин, император римлян, — Галену — императору врачей».

Вместо этих галеновских медикаментов Парацельс предложил свои новые препараты, изготовляемые химическим путем, которые он называл спагирическими (греч. *spao* — тяну, излекаю и *agerio* — собираю). Наименование это не удержалось в позднейшей медицине.

В области хирургии Парацельс занял своеобразную позицию. В эту эпоху хирургия не была в почете, ученые врачи гнушались ее, и хирурги вырождались в цирюльников-операторов и бродячих специалистов. Число ученых хирургов было очень невелико. Хирургическая операция в те дни, когда были еще неизвестны обезболивающие средства и о современных асептических (обеззараживающих) мероприятиях не могло быть и речи, всегда являлась варварским и опасным делом. Классический портрет хирурга, нарисованный еще римским врачом Цельсом, полностью применим к средневековью.

«Хирургу следует быть молодым или недалеким от молодости; рука его должна быть опытной и твердой, никогда не дрожащей; он должен уметь одинаково пользоваться и правой и левой рукой; его взгляд должен быть точен и проницателен, сердце — недоступным страху и состраданию; имея главную целью излечение

больного, не давая смутить себя криками, не показывая поспешности больше, чем того требует случай, и не рассекая менее, чем следует, он должен вести операцию так, как если бы жалобы пациента до него не доходили».

Несовершенство оперативной техники, возможно, и сделало Парацельса врагом операций. Он писал: «Все хирургические болезни (сифилис, нарывы и др.) можно излечивать и средствами терапевтической (тогда ее называли физической) медицины».

Разочаровался Парацельс и в своих собратях по искусству. Врачебное сословие было крайне малообразованным и в его среду проникало не мало ловких пройдох и наглых шарлатанов. Жадные до наживы, безответственно относившиеся к своей профессиональной деятельности, они дискредитировали врачебное искусство и высокую общественную роль врача. Справедливо было бы воскресить для них жестокий 218-й параграф кодекса Хаммураби, гласивший: «Если врач произведет у кого-либо серьезную операцию бронзовым ножом и причинит больному смерть или если он снимет кому-либо катаракту с глаза и разрушит глаз, то он наказывается отсечением руки».

Реформа медицины, за которую боролся Парацельс, должна была сопровождаться и реформой правового медицинского сословия.

Наконец, Теофраст ставил перед собой задачу реформировать и медицинское образование. Какими путями решал он эту задачу, показала его недолгая профессорская деятельность в Базельском университете.

В 1525 году Теофраст вступил на родную немецкую землю, пробыл некоторое время в Тюбингене, в Роттвейле и потом во Фрейбурге, всюду занимаясь врачебной практикой.

Наконец, он направился в Страсбург, а по дороге побывал в местечках Вильдбаде, Либенцелле и Баден-Бадене (Шварцвальд), уже тогда известных своими целебными источниками.

Теофрастом об этих лечебных водах было написано исследование, в котором он высказывал мысль о том, что их источники имеют одно происхождение. Геологические исследования полностью подтвердили правильность точки зрения.

Базельский профессор Теофраст

Покой лучше тревоги, но тревога полезнее покоя»,—говорил Парацельс. Тревоги многолетних и дальних скитаний не пугали ученого, и не жажда покоя привела его обратно в родную немецкую землю. Он был молод—ему едва исполнилось 35 лет. Его портрет, рисованный Гольбейном, изображает человека в расцвете жизненных сил. Черты лица молодого врача, резкие и привлекательные, изобличают незаурядную силу характера, глаза смотрят смело и проникательно из-под нахмуренных бровей. Перед нами зрелый муж, призвание и цель жизни его определены, и он не остановится ни перед чем, чтобы ее достигнуть.

В далекое прошлое отошли дни, когда он, робкий юноша, впервые переступал порог медицинской школы с верой в то, что она откроет ему глубокие тайны медицинской науки. Давно уже разочарованный в школьной премудрости, начал он свои странствования по свету. Посещение университетов многих стран, врачебная деятельность в чужеземных городах, служба врачом в иностранных армиях, изучение народных медицинских средств,—все это также пройденный этап. За это время Гогенгейм окончательно убедился в ничтожности официальной медицинской науки и положил не мало труда на то, чтобы найти свои новые пути,

Теперь, во всеоружии приобретенных познаний и накопленного опыта, Теофраст, как ему казалось, имеет право сам выступить в качестве учителя и потребовать внимания к новым истинам, которые он открыл.

Для этого он готов был сменить путевую одежду и сапоги со шпорами на бюргерское платье, излюбленное существование путника—на оседлую жизнь.

Он понимал, что такая оседлая жизнь будет полна гораздо более острыми волнениями, чем путевые опасности. Предстояла жестокая битва с враждебным ему врачебным миром, с враждебной его опасным новшеством церковью, с косными бюргерами. К этой битве он готовился и он ее хотел.

Первую попытку превратиться из странствующего врача и диспутанта в члена городской медицинской корпорации Гогенгейм делает в Страсбурге. Здесь 5 декабря 1526 года он покупает право гражданства и записывается в цех. Об этом свидетельствует следующая запись в городской книге:

«Итак, Теофраст Гогенгеймский, доктор медицины, приобрел право гражданина и состоит в цехе «Фонаря». Актом закреплено. В среду после дня апостола Андрея».

К этому цеху принадлежали хлебные торговцы, мельники, крахмальщики, к нему же в те времена относили и хирургов.

Средневековый врачебный мир проводил резкую грань между внутренней медициной и хирургией. Только первая из них была почетной и истинной врачебной наукой. Профессия хирурга считалась недостойной ученых мужей; нельзя же им было ставить себя на одну доску с банщиками и цирюльниками, которые пускали кровь, лечили раны и выполняли ряд других хирургических обязанностей.

Но, если обычно целая пропасть разделяла предста-

вителей этих двух отраслей медицины, то именно в Страсбурге тогда это различие было значительно менее острым. В этом городе существовала хирургическая школа, где, возможно, преподавал Парацельс.

Собственные взгляды его в этом вопросе резко разнились от обычных. Он считал хирургию неотъемлемой частью врачебной науки и ясно видел ее тесную связь с внутренней медициной. Позднее Теофраст в заглавиях своих ученых трудов именовал себя доктором обеих медицин, бросая этим вызов общественному мнению. Он писал:

«Хирургом быть невозможно, ежели не быть врачом (терапевтом), хирург из врача рождается. А ежели врач к тому же не будет хирургом, то он окажется болваном, в коем нет ничего, и размалеванной обезьяной».

Что привлекло молодого ученого в Страсбург?

Не рассчитывал ли Теофраст на то, что в этом рейнском городе, где медицинское сословие было более терпимо и либерально, ему легче будет вести пропаганду своих новых медицинских взглядов и заниматься медицинской практикой? Может быть, ему хотелось пополнить свои познания в области хирургии?

Наконец, как раз в это время правители города добились основания в Страсбурге университета. Парацельс мог мечтать о получении кафедры в этом университете, с которой он стал бы преподавать не галеновскую медицину, а науку, созданную Теофрастом фон-Гогенгеймом. Но мечте этой не суждено было осуществиться — университет в Страсбурге был открыт лишь в следующем столетии (в 1621 г.).

В Страсбурге Теофраст, убедившись в неосновательности надежд на профессию, направил всю свою энергию на практическую врачебную деятельность.

Успешная врачебная практика быстро создала ему известность. Его удача породила зависть у врагов, объединенных приверженностью к установленным медицинским взглядам, над которыми насмехался Гогенгейм.

Он не таил своего презрения к галеновской медицине, своих революционных воззрений в области врачебной науки; наоборот, он стремился к открытому бою с противниками, чтобы сделать свои мысли достоянием гласности. Вскоре он выступил на открытом диспуте с доктором Венделином Хок — писателем, популярным во врачебных кругах.

Исход этого диспута нам неизвестен.

Возможно, что обе стороны разошлись, убежденные в правоте своих взглядов и победе своей точки зрения, как это неоднократно было и будет в диспутах. В галеновских кругах Хока называли: «Венделин, превосходящий Теофраста». Возможно, что Парацельс действительно понес поражение, благодаря своей молодости и малой искушенности в дискуссировании. Он не был первоклассным оратором, его легко было вывести из себя, и тогда он либо молчал, либо сменял тонкую диалектическую игру доводов и возражений, к которым привычны были ученые того времени, резкими и грубыми словами. Об одном из своих других диспутов он сам говорил, что «...он-де не достаивал ответа своих крикливых противников, а они зато его презирали, что он будто бы на язык был не боек и на нападки слету отвечать не умел».

Но больные судили о Теофрасте по практическим результатам его лечения и их мало интересовали его неудачи в ученых дискуссиях.

Популярность Теофраста-врача росла, его приглашали к знатным людям и в самом Страсбурге и даже в других городах. Он вылечил тяжело заболевшего дизенте-

рией маркграфа Филиппа Баденского. Однако маркграф оказался неблагодарным пациентом и отказал врачу в обещанной оплате. Галеновские доктора злорадствовали по поводу этой неудачи Теофраста. Впоследствии в одном из своих произведений он заклеил резкими словами этого князя-обманщика.

И вот однажды Парацельс вызвали в Базель к Иоганну Фробену — знаменитому книгоиздателю и другу гуманистов. Фробен болел уже давно, но летом 1526 года у него сделались невыносимые боли в правой ноге. Лечение галеновских докторов только усилило страдания. Казалось, что единственным спасением больного была ампутация ноги, — так говорили врачи.

Тогда у постели больного появился Парацельс и удивительным образом в короткий срок вылечил Фробена, который не только смог приступить к своим делам, но даже дважды в этом году предпринял путешествие на книжную ярмарку во Франкфурте-на-Майне.

О замечательном молодом враче заговорили в Базеле. Вскоре Теофраст получил официальное предложение магистрата: занять должность городского врача в Базеле и профессорскую кафедру в университете.

Парацельс не размышлял и не колебался. В ноябре 1526 года, раньше чем оформилось его гражданство в Страсбурге, он уже переселился в Базель, где прошли его лучшие дни и где постигли его горчайшие разочарования.

Базельские заправилы поступили крайне неосмотрительно, призвав в свой город этого беспокойного человека, который подобно «греческому огню» мог воспламенить даже воду.

А время было бурное, и Базель уже был вовлечен в круговорот политических событий.

В это время жизнь Германии была полна тяжелых

Аптека

С гравюры на дереве 1497 г.

Вид города Базеля
с гранюры Лейцеля по рисунку Черинькина

потрясений и борьбы. Взрыв готовился давно, общественные противоречия накапливались и отлагались веками.

Когда 31 октября 1517 года Лютер, в то время никому неизвестный монах, прибил свои тезисы против индульгенций на дверях виттенбергской церкви, он и сам не думал, что дело пойдет так далеко. Эти тезисы послужили сигналом к открытому возмущению против Рима, против католической церкви, веками грабившей Германию и поддерживавшей дряхлую постройку феодализма. Борьба началась как объединенное движение разнообразных групп германского населения против общего врага — папства.

Однако классовая рознь этих групп быстро разорвала их на два лагеря: буржуазно-реформаторский и плебейско-революционный. Против них были все силы, стоявшие за исконный феодальный порядок, сплотившиеся в единый консервативно-католический лагерь.

Германские княжества, города и деревни — все оказались вовлеченными в борьбу.

Кто бы ни вышел из нее победителем, было ясно, что к старому возврата нет, что в результате потрясений мир будет выглядеть по-новому. Это заставило низшее дворянство первым взяться за оружие, чтобы сделать попытку повернуть колесо истории назад, восстановить разрушенную с начавшимся буржуазным развитием мощь феодального низшего дворянства. Осенью 1522 года вспыхнуло рыцарское восстание, возглавленное Зиккингеном и Гуттенем и бесславно погибшее под мечом князей при полном равнодушии городов и крестьянства.

Крестьяне шли своим путем, знаменем их восстания были «двенадцать статей», они требовали: уничтожения крепостничества, отмены лежавших на крестьянстве оброков и повинностей, возвращения отгороженных по-

мещиками в свою пользу общинных угодий. Городская беднота и горнорабочие внесли в борьбу крестьян коммунистические лозунги. Это движение, получившее имя Великой крестьянской войны, вызвало ужас привилегированных классов. Восстание низов длилось 1523 и 1526 годы и после жестокого кровопролития было подавлено.

К тому времени, когда Гогенгейм переселился в Базель, на арене остались две боровшиеся силы: реакционеры-католики и буржуазные реформаторы.

В год переселения Гогенгейма в Базель реформационное движение завоевывало в этом городе все большее и большее количество сторонников и борьба их со старой церковью обострялась.

В самом начале 1525 года магистрат начал склоняться к новому религиозному учению и издал первые распоряжения, благоприятствовавшие его распространению. В мае базельцы приняли живое участие в баденском диспуте, на котором Эколампадий, священник и профессор в Базеле, выступил со стороны реформаторов против приверженцев старой веры доктора Иоганна Экка и доктора Иоганна Фабри. Но Базель был представлен на этом диспуте не только реформаторами; в числе председательствующих был Людвиг Бэр—базельский профессор теологического факультета и соборный священник, который являлся вождем базельских противников Эколампадия.

В сентябре магистрат предоставил полную свободу евангелическому богослужению и проповеди в Базеле и, наконец, в октябре объявил монастырское имущество общественным достоянием.

Эколампадий принимал деятельное участие в привлечении Парацельса в Базель; это заставляет думать, что базельские реформаторы рассчитывали найти в нем своего соратника.

Переселяясь в Базель, Парацельс чувствовал себя Геркулесом, способным вычистить «авгиевы конюшни» современной медицины. Ему предстояло коренным образом перестроить преподавание медицины в университете, организовать практически лечение населения на новых основах и реформировать все аптекарское дело, которое было в руках спекулянтов и шарлатанов. Ободренный поддержкой, которую ему обещал магистрат, он жаждал деятельности.

Но обстоятельства сложились иначе, обстановка оказалась трудной, свои, казалось бы, законные и неоспоримые права приходилось отвоевывать шаг за шагом. Новый городской врач был чужим и чуждым базельскому врачебному миру человеком. Его встретили недружелюбно, о нем заговорили на факультетских собраниях, шушукались в аудиториях, собирали разные сплетни и плели паутину обвинений. Вскоре в руках его коллег оказался длинный список правдивых и выдуманных сведений, пользуясь которыми они начали враждебные действия против Парацельса.

Доктор Теофраст отрицает авторитет Гиппократ, Галена и Авиценны — столпов медицинской науки, — такие слухи ходили о нем.

Доктор Теофраст лечит новыми, никому неизвестными средствами и употребляет страшные яды.

Доктор Теофраст сам изготавливает лекарства и не признает искусства аптекарей.

Да полно, доктор ли он? Откуда он взялся? Окончил ли он университет? Просто он самозванец и шарлатан. Недаром, когда его прижали к стенке этими вопросами, он дерзко ответил: «Умение излечивать делает врача и дела создают мастера, — не король, не папа, не факультет, не привилегии и не университеты».

Этот человек ведет жизнь бродяги и авантюриста.

Посмотрите на Теофраста: он выглядит, как извозчик. Вот он проходит по улицам Базеля: он одет в простую рубашу, как ремесленник, даже в воскресенье его видели в полукафтанье камчатой ткани пепельного цвета, а на голове у него черная шапочка. Где же знаки его докторского достоинства — мантия и берет, золотая цепь и кольцо? Мало того, он смеет поносить истинных врачей, облакающихся в освященный веками и правилами костюм. Вот что говорит этот опасный человек:

«Врачу подобает свою мантию с пуговицами носить, свой пояс красный и все красное. По какой же причине красное? Поелику крестьянам весьма нравится; а также волосы намаженными и берет на них, на пальцах же кольца, в кои бирюза, изумруды и сапфиры, и да еще притом не из стекла ли, поддельные — и тогда-де будет к тебе больной доверие иметь. Ах ты, любезный мой! Ах ты, господин мой доктор! Сие ли есть медицина? Сие ли клятва гиппократова? Сие ли хирургия? Сие ли наука, сие ли смысл? О, ты, серебро поддельное!»

«Хвалю я спагирических врачей, ибо они не расхаживают в праздности, роскошно в бархат, шелк и тафту одетые, с золотыми кольцами на пальцах, с серебряным кинжалом на боку, на руки белые перчатки напялив, но с терпением день и ночь в огне о работе своей пекутся. Не разгуливают попусту, но отдых в лаборатории находят, а платье носят грубое, кожаное, шкурой либо фартуком завешанное, о кои они руки вытирают; пальцы свои в угли, в отбросы и всяческую грязь суют, а не в кольца золотые, и подобно кузнецам и угольщикам закопчены. И роскоши посему не предаются».

И вот теперь этот шарлатан и авантюрист с внешностью извозчика или угольщика займет место городского врача. Больше того, он станет профессором Базельского университета.

Дело в том, что с 1508 года место городского врача было связано с профессурой. До этого в университете была лишь одна должность ординарного профессора, а в указанном году магистрат обязался создать другую, но, чтобы не отягощать городской кассы лишними расходами, совместил ее с имевшейся должностью городского врача.

Не бывать этому! Факультет и врачебное сословие Базеля начали войну с новым доктором, ставленником магистрата и реформаторской партии.

Университет вспомнил свое старое право выбирать преподавательский состав, которое фактически давно нарушалось магистратом. Врачебное сословие потребовало также, чтобы новый врач, прежде чем приступить к практике, держал экзамен при факультете и получил его разрешение.

Врачи выступили открыто против Теофраста, клевета о нем стала распространяться «в монастырях и на улицах», его пытались опорочить в глазах пациентов и подорвать его врачебную практику.

В бесплодной борьбе прошла зима 1526/27 года. Первого мая в университете начался новый семестр, а приглашенный магистратом профессор все не имел возможности приступить к преподавательской деятельности.

Надо было защищаться. Парацельс обратился к магистрату с пространном письмом:

«Благороднейшие, строжайшие, благочестивейшие, справедливейшие, разумнейшие, почтеннейшие, мудрейшие и всемилостивейшие государи мои. После того как я вашей строжайшей почтеннейшей премудростью физиком и ординариусом назначен и утвержден был, мне испытать довелось, что доктора и другие лекари, кои здесь в Базеле пребывают, коварно за моей спиной в монастырях и на улицах меня, моего положения ради,

вашей строжайшей, почтеннейшей премудростью мне пожалованного, всячески оскорбляют, поносят и хулят, через что я заметно лишаюсь моей практики и пользования больных, а также хвалятся, что они-де суть факультет и деканы, и что посему я якобы незаслуженно сие положение занимаю, кое мне ваша строжайшая, почтеннейшая премудрость, меня якобы не зная, мне пожаловала. Сие меня нимало не удручает, но весьма горько мне, что я вашу строжайшую, почтеннейшую премудрость не удовлетворил и ее полностью не перенял (что, по их словам, так обстоит, а на деле не так), а посему их оскорбления и хулу (кои я с их стороны встречаю) мне вообще выносить и терпеть невозможно.

Но поелику я тех, кои по причине их невежества, свое здоровье разрушили и силы потеряли, с помощью бога всемогущего вновь на ноги поставил, то, полагаю, что достоин я чести, а не срама и грязных наговоров, и поелику я все же повелением вашей строжайшей, почтеннейшей премудрости в качестве ординариуса и физикуса назначен, в несомненной уверенности, что мне не более того присвоено, что я совершить в силах, и поелику надо мною начальствующие деканы и факультет — вы (а не они), то, быть может, мог бы я из ординариуса быть продвинутым в докторы.

Однако поелику прочие лекари такую власть здесь, как сказано, имеют, то признаю я, что по сей причине оказался я заведен в такое положение, что князья города мне, за мое начинание, ни места, ни свободного действия не дают: посему моя смиреннейшая и покорнейшая просьба к вашей строжайшей и почтеннейшей премудрости, чтобы вы мне моего сословия вольности объявили и тем, кои сему противятся, ваше решение сообщили.

Далее, всемилостивейшие государи мои, имеются еще

непорядки и в аптеках, кои в будущем могут мне, а также и больным, к большой невыгоде и вреду послужить; надлежит, чтобы они, когда сие понадобится, сведущими людьми посещались, дабы все, что сможет ко вреду послужить и во вред обратиться, было бы изъято и оставлено, а также, чтобы была взята клятва о негодных рецептах городскому лекарю доносить, не встречается ли среди оных рецептов таких, кои могут во вред многим послужить и уже к развеске назначены.

Также надлежит, чтобы ни один аптекарь с докторами общения не имел, даров от них не получал и в дележ с ними не вступал.

Также испытать надлежит, достаточно ли аптекари в своем деле опытни и искусны, дабы через их невежество ни одному больному в отношении его тела беды не приключилось, и дабы лекарства были приготовляемы самими аптекарями, а не малолетними учениками неразумными и в надписях и материалах неопытными, а также, чтобы они умеренную и подобающую расценку держали, дабы на множество людей не ложились тяготы, и чтобы все сие, как сказано, рассмотрению сведущих людей подлежало. Все сие я от вашей почтеннейшей премудрости не скрыл, но с наилучшим, добрым и честным намерением, дабы от злого умысла ни богатым, ни бедным беды не приключилось, все сие показал и доложил. Просьба моя к вашей строжайшей и почтеннейшей премудрости такова: чтобы я, моего сословия и долга ради, с пользою и честью для каждого, а особо в нижайшем почтении и с доброй волей прилежно богу и людям служить мог. Тем самым себя вашей строжайшей, почтеннейшей премудрости поручая, остаюсь вашей строжайшей, почтеннейшей премудрости покорный Теофраст фон-Гогенгейм, обоим медицине доктор.

Неизвестно, удалось ли Теофрасту добиться намерен-

ной им реформы аптечного дела; надо думать, что нет, ибо мысли его были чрезмерно радикальны для этого времени, а корпорации докторов и аптекарей — слишком могущественны. Но несмотря на все свое могущество, медицинскому факультету было не под силу добиться изгнания Парацельса и заставить магистрат отказаться от данных ему обязательств.

Руководители магистрата не были склонны менять ранее принятые решения. Кроме того Теофраст в это время был слишком популярен как замечательный практикующий врач.

Сам Эразм, проживавший в это время в Базеле, имел его «в делах врачевания опытейшим доктором Теофрастом», а мнение знаменитого гуманиста значило многое.

Эразм из Роттердама был наиболее прославленным из немецких гуманистов. «Эразм — это человек совершенно особенный», — говорилось в «Письмах темных людей», и Муциан писал о нем: «Эразм стоит на высоте, недоступной человеку: он божественен, и перед ним, как перед небесным существом, можно только благоговейно поклоняться». К Эразму, как на паломничество, шли немецкие гуманисты. Его внимания, беседы, писем, посвящения его писаний добивались могущественные светские и духовные князья. Энциклопедически образованный, великолепный знаток древних языков, прекрасный стилист и острый сатирик — Эразм стал кумиром образованных людей своего времени.

Но несмотря на всю свою славу, на бесспорно выдающуюся роль, которую Эразм сыграл в истории гуманизма, деятельность его не оставила глубокого следа в общественных движениях того времени. Эразм не был вождем. Перед революцией он испытывал страх, — этот человек любил науку, любил свой блестящий ум

и жаждал покоя для своего слабого тела. Его сила в сомнении, в критике, в тонком разоблачении глупости и пустоты окружающего. Лютер говорил о нем: «Эразм — это настоящий Мом, он издевается над всем, даже над религией и Христом».

Политическая жизнь шла своими путями, другие люди несли знамя, вокруг которого разворачивались классовые бои.

Политический индифферентизм Эразма заставил многих из его друзей отвернуться от него и не случайна острота одного сатирика: «По духу это был такой же совсем небольшой человек, пожалуй, даже гораздо меньший, нежели по телосложению». Эразм тяжко запятнал себя отказом в убежище Ульриху фон-Гуттену, своему близкому другу и единомышленнику, скрывавшемуся от преследований после победы князей над Зиккингеном.

В те годы, когда Теофраст встретился в Базеле со знаменитым гуманистом, Эразм был в зените своей славы. Многочисленные произведения его читались во всем цивилизованном мире. «Похвальное слово глупости», впервые вышедшее в Париже в 1509 году, было уже переиздано несколько десятков раз и вызывало всеобщее восхищение. Эразм жил в Базеле «на покое», согриваемый лучами славы и отмеченный покровительством сильных мира сего.

Что общего могло быть между этим человеком, достигшим свершения своих желаний, и молодым Теофрастом, который с необузданной энергией, презрением ко всяческому авторитетам и темпераментом бойца шел на завоевание своего будущего?

Гуманистическое движение, возникшее в это время в области медицины, не привлекало к себе Парацельса. Гуманисты от медицины стремились возродить подлинники древних авторов, очистить их труды от многих

ошибок и вымыслов, внесенных средними веками, и противопоставить эту древнюю науку позднейшим, главным образом арабским работам. Это движение приняло широкие размеры. В XVI веке были проверены по древним манускриптам и изданы на греческом и латинском языках сочинения Гиппократ, Гален, Аретей Каппадокийского, Руфа Эфесского, Орибаз и многих других.

Наиболее ярким представителем ученых этого типа был саксонец Ян Корнарий (Гагенбут, 1500—1558 гг.), считавшийся реставратором греческой медицины в XVI столетии. Он положил массу энергии и труда на розыски манускриптов, им был отредактирован ряд греческих изданий трудов врачей древности и сделаны переводы их на латинский язык. Но преклонение Корнария перед греческой мудростью доходило до ослепления; он хотел изгнать из медицины всю арабскую фармакопею, он безрассудно вычеркивал два тысячелетия развития медицинской науки.

Гуманистические тенденции в области медицины носили по существу реакционный характер. Корнарий и Парацельс были антиподами и, конечно, тем, кто шел вперед, было по пути с эйнзидельцем.

Итак, единственное, что могло связывать Парацельса с Эразмом — интерес к воскрешению древних рукописей медицинской науки — отпадало.

Они встречались, видимо, в доме Фробена, но сближения между ними не произошло.

Все же однажды Парацельс обратился к Эразму с письмом, заключавшим в себе медицинские советы постоянно болевшему знаменитому согражданину. По этому письму современный врач может убедиться, как блестяще Парацельс умел ставить диагноз, а историк медицины оценит, насколько более совершенны его методы по сравнению с галеновскими.

«Богословов покровителю, великому господину Эразму Роттердамскому, во всех областях ученийшему и любезнейшему.

Все, что мне моя богиня всепроницающая и Альстоос врачебная преподали, все сие ясно говорит мне, что я подлинно сходные признаки (болезней) раскрыл. Область печени в лекарствах не нуждается, а также и другие две болезни послабляющих средств не требуют. Главное же лечебное средство, арханум, особую закрепляющую силу в себе имеет и медовидные вещества, иссушающие и затверждение вызывающие. Сие и есть главное средство против пороков печени и сие же от жировых осадков в моче наиважнейшее лечебное средство, испытанное и славное. Ведомо мне, что тело твоё коллоквины мессуаевой перенести не может, ни чего-либо много сболтанного, ни чего-либо из (обычных) лекарств.

Знаю я, что я к искусству моему одареннее и в нём других опытнее, и знаю, что именно телу твоему способствует к жизни долгой, мирной и безболезненной, и знаю, что в очистительных ты не нуждаешься.

Третья болезнь твоя, дабы сказать более явственно, оказаться может либо нагноением, либо опухолью гнилостной, либо воспалением, само собою зародившимся или случайно привитым, либо мочевым осадком, либо винным камнем в мочеточниках, либо слизью от остатков семени, либо клееподобной питательной влагой, либо смолисто-жировым растворённым веществом, либо чем-нибудь в этом роде, каковые от действия соли (коя силой свертывания обладает) свертываются, подобно тому как это в камне, лучше сказать — в хрустале, происходит; таковы-то и сего рода вещества, кои я считаю не внутри тебя зародившимися; но я нечто наблюдал, мраморовидному раздробленному минералу подобное, в самих

почках существующе, и сему наблюдаемому мною название свертывающихся веществ дал.

Ежели, Эразм любезнейший, мое пользование твоему превосходительству угодно будет, то я озабочусь, чтобы ты и врачом и врачеванием обеспечен был. Привет тебе.

Теофраст».

Эразм был педантичен в переписке, а может быть его действительно заинтересовал диагноз, поставленный малознакомым ему врачом; во всяком случае, он вскоре ответил Теофрасту коротким посланием, написанным прекрасной латынью и блещущим цицероновским стилем.

«В делах врачевания опытнейшему доктору Теофрасту-отшельнику от Эразма Роттердамского привет.

Тому врачу, через коего бог спасение телу нашему посылает, пожелание вечного спасения души послать отнюдь неразумным не является. Изумляюсь, откуда ты меня столь глубоко постиг, меня только один раз видел. Справедливость темных ответов твоих мне не наука врачевания, коей я никогда не изучал, но жалкие телесные чувства мои подтверждают. В области печени уже давно я боли испытывал, но угадать не мог, каков зла сего источник. Жировые осадки уже несколько лет назад в моче замечал. В чем же третья болезнь моя, понимаю недостаточно, однако правдоподобным кажется, что тяготит меня то, о чем уже говорил. В сии последние дни ни лечиться, ни болеть, ни умирать времени не имел, столь был научными трудами обременен. Однако, ежели имеется нечто помимо смерти, что болезни моей облегчение бы дать могло, прошу тебя о сем сообщить. Ежели же распространеннее ответить можешь, то в немногих словах разъясни мне несколько подробнее то, о чем весьма лаконическим языком замечание сде-

лал, и прочие лекарства предпиши, кои, когда нужда позовет, я бы принимать мог. Награды, коя искусству твоему и учности равна была бы, обещать не могу, сердце же благодарное обещаю. Фробенуса ты из мертвых воззвал, он же есть половина меня самого; если же и меня исцелишь, обе половины целым сотворишь. Да продлится судьба, что тебя в Басилее удерживает. Сие письмо мое, спешно написанное, сможешь ли прочесть, опасаюсь. Да пребываешь во здравии.

Эразм Роттердамский
своею рукой».

Мы не знаем, выполнил ли Парацельс просьбу Эразма или нет. Вряд ли, ибо наступил период напряженной работы и решающих боев с «темными людьми» врачебного мира.

Наконец-то Парацельс получил возможность беспрепятственно заниматься врачебной практикой и начать преподавание в университете.

В начале июня Теофраст взошел на профессорскую кафедру и в мирных стенах университета зазвучала его речь, разрушавшая привычные представления о медицинском преподавании и подрывавшая доселе незыблемые каноны врачебной науки. Это уже были открытые военные действия против всего врачебного мира; им Парацельс предпослал формальное объявление войны — свое печатное вступление к лекциям. Пятого июня 1527 года вышло из-под типографского станка это первое печатное произведение ученого.

«Вступление» — краткое изложение взглядов Парацельса, программа его действий, обвинительный акт врачам-современникам.

Врачебная наука имеет высокие задачи. Славно ее прошлое, нынешний же день ее ничтожен и пуст. На-

стало время вести медицину к новому почету, к великой славе, — такова задача Теофраста, поэтому:

он не будет повторять зады древней учености, но поставит во главе своего учения то, что найдено им при пытливом изучении природы;

он — антипод тех, для кого Гиппократ, Гален и Авиценна — оракулы. Не титул, не ораторское искусство, не чтение книг делают врача, но единственно знание вещей и тайных сил природы. Дело оратора владеть словом, врач же обязан знать болезни, их причины, их симптомы и уметь найти целительное средство;

он не станет комментировать Галена и Авиценну, но будет учить по своим собственным трудам в области внутренней медицины и хирургии;

он зовет всех, кто хочет следовать за ним по этим новым путям науки, притти к нему в Базель.

Написано вступление на латинском языке — дань университетской традиции. Но это явилось последней уступкой традициям — преподавание свое Теофраст вел на немецком языке. Новая пощечина общественному мнению врачебных кругов, новый повод к злословию и клевете; недруги говорят: он неуч, он не знает латыни.

Его слова: «Намерен я здесь разъяснить, чем врач быть должен, и разъяснить сие по-немецки, дабы до всех доведено было».

Ежедневно в течение двух часов читал Парацельс свои лекции. Он не сделал перерыва на период каникул с 17 июля по 21 августа, «ибо спешил наверстать время, потерянное благодаря проискам врагов».

Аудитория не вмещала всех желавших слушать нового профессора.

Но Теофраст не только читал новую медицинскую науку, не только отказался от преподавания на латинском языке; он впервые вел своих студентов к постели

больных, там обучая их распознаванию и лечению болезней; он предпринимал с учениками далекие прогулки в окрестности города, где объяснял им лекарственные свойства растений и минералов.

Впервые счастье улыбалось этому неудачнику. Его окружали восторженные ученики, больные наперебой приглашали к себе исцелителя Фробена.

Теофраст понимал значение достигнутого им успеха, но вместе с тем отдавал себе ясный отчет в трудностях своего положения. Враги приумолкли, но они не были разбиты. Он чувствовал, как в окружающей его тишине они плели тонкую сеть своих интриг, даже среди его учеников были их единомышленники и соглядатаи. Все время надо было быть настороже, ждать предательского удара, но кем и как он будет нанесен?

Стояло лето, в воскресное утро богатые бюргеры, ремесленники и простой народ рано высыпали на улицу, праздничные толпы шли к собору. На соборных дверях неизвестная рука приклеила разукрашенный рисунками лист с латинскими стихами. Перед ними собралась толпа. Кто-то читал издевательское стихотворение и переводил его окружающим. Из уст в уста передавались строки, полные глумления над Теофрастом и его наукой. Это же стихотворение одновременно появилось и в других концах города: у церквей св. Петра, св. Мартина и у Новой ратуши в Малом городе.

Рана, нанесенная этим пасквилом самолюбивому ученому, была столь тяжела, что кровоточила всю жизнь; он никогда уже не мог отрешиться от воспоминаний об этом случае.

Грубому издевательству было предано все то, что казалось Парацельсу священным, он и его дело выставлены на позор невежественной и падкой на сенсации толпе.

«Душа Галена против Теофраста (богоречивого), а
вернее Какофраста (злоречивого).

Слушай-ка ты, что стремишься чернить наше славное имя.
Ты считаешь меня ритором с жалким умом,
Думаешь, я не сумел овладеть Махаона искусством,
Если же даже владел, к делу не смог применить.
Кто ж это мог бы стерпеть? Да, не знал всяких трав
я презренных,
Лука не знал, чеснока. Корень, чтоб нюхать, я знал;
Знаю, что голову он отродясь прочищает недурно,
И посылаю его; вместе зову «антикир».
Нет, ничего, негодяй, про «спагирику» снютворный не
ведал.

«Ареса» знать я не знал, мне не знаком «Илиад».
Что за «Эссатум» не знаю, и что за «Яфнеус» священный,
Также «Архей» твой мне чужд, всяческих благ властелин.
Столь разнovidных чудовищ и Африка в мир не родила.
Смеешь ты против меня бешеным гневом дышать?
Если охота тебе состязаться стрелами со мною,
Что ж так легко обратил в бегство тебя Венделин?
Пусть мне погибнуть сейчас же, коль плащ Гиппократ
достойн

Был ты надеть, негодяй, иль хоть свиней мне пасти.
Что ты расхвастался больно, в чужие украсившись перья?
Славе неверной твоей краткий назначен предел...
Станешь о чем ты читать? Произносит язык твой нелепый
Только чужие слова, труд у других ты крадешь.
Что тебе делать, безумец, всего я насквозь тебя вижу.
Думал, придется тебе шею веревкой обвить.
Нет, ты сказал, поживем, мы еще переменим лишь место,
Правда, опасен обман,—новый мы выход найдем.
И почему б не создать нам Афины при помощи «макра»?
Слушатель мой—ведь дурак, сразу никак не поймет.
Больше с тобой говорить запрещают мне Стикса законы.
Это пока проглоти. Друг мой читатель, прощай!

Из подземного царства.

Нет, этого он перенести не мог. В бешенстве он написал новое письмо магистрату. Уже в первой жалобе восхваление «всемиловитейших и премудрых» правите-

Эразм Роттердамский

С гравюры на меди Дюрера

Врач с помощниками у постели больного

С гравюры на дереве 1497 г.

лей города и его самоуничтожение перед ними граничат с иронией. Но тогда он — еще малоизвестный ставленник магистрата и скромный проситель.

Теперь, окруженный вниманием слушателей, профессор и признанный лучший врач Базеля осмеливается предъявлять магистрату «последнее требование». В сопоставлении с этими словами бесконечное повторение хвалебных эпитетов к «всемиловитейшим государям» звучит издевательски, и обещание учинить нечто «неподобное» кажется вполне реальной угрозой. Вот его письмо:

«Строжайшие, благороднейшие, справедливейшие, почтеннейшие, разумнейшие, мудрейшие и всемиловитейшие государи мои, в нестерпимом гонении, преследовании и великом притеснении подобает пострадавшему взывать о помощи, совете и защите к высшей власти, коя ему делать всяческое благо повинна и обязана; и меня вами, строжайшие, благороднейшие, мудрейшие государи мои, признанного городского лекаря заставляет нужда оповестить вас, милостивые государи мои, что в прошедшее воскресенье к соборам св. Мартина и св. Петра, а также к Новой ратуше (в Малом городе Базеле) были рано перед рассветом прибиты во вред мне хульные и ругательные стихи против меня, под вымышленным именем; из сих записок, что приколочены были, одна мне в руки попала и мною прочтена была, каковую я, благороднейшие, строжайшие, милостивейшие и мудрейшие государи мои, при сем прилагаю и в оном виде, в коем она приколочена была, препровождаю, дабы вы, ее рассмотревши и прослушавши, признали, что мне таковые хульные стихи ни терпеть, ни выносить невозможно, и что сими и подобными ругательными и меня позорящими словами обозвали меня некие мои ученики, кои мне в глаза себя любезно, а за спиной

враждебно выказывают (как я заметить мог); но все сие я, мира ради, до сей поры без ответа молчанием обходил; ныне же сей сочинитель под вымышленным именем, а не под своим, столь хульные стихи против меня приколотить возжелал и приколотил. Я, об этом из верных уст услышав, что из сих слов (кои он, понося меня, в своих стихах употреблял и кои я ежедневно в устах держу и разъяснять обычай имею) заметить можно, что оный есть один из прилежнейших моих учеников и соглядатаев; ибо я издавна чуюл, что я неких учеников имею, кои других докторов медицины против меня писать и меня срамить побуждают и подстрекают. Посему, строжайшие, благороднейшие, справедливейшие, почтеннейшие, разумнейшие, мудрейшие и милостивые государи мои, сие мое последнее требование и просьба, чтобы была на то воля вашей благороднейшей, справедливейшей, почтеннейшей премудрости, по причинам изложенным (ибо из них явствует, что все хульные стихи один из моих учеников написал) всех моих учеников к себе пригласить, им сии ругательные стихи показать и через сие дознаться, кто из них таковые написал, приколотил и на меня сочинил, а засим с оным, как надлежит, поступить; ежели же вы, милостивейшие государи мои, на мою защиту не станете и я снова вынужден буду к вашей благороднейшей, строжайшей премудрости взывать, либо в сердцах, быть может, что-либо неподобающее учиню, и ежели далее я осмеянию подвергаться буду, то сие мне никоим образом ни терпеть, ни выносить невозможно.

Каковое я вашей благороднейшей, строжайшей премудрости сообщаю и в низжайшей покорности и послушании пребываю, вашей строжайшей, благороднейшей премудрости послушный и покорный Теофраст фон-Гогенгейм, медицины доктор и городской лекарь».

Письмо послано, и вот Парацельс отвечает противникам ударом на удар.

В день святого Иоганна, когда по старому обычаю в городе пылали праздничные костры, он сжег публично «Канон» Авиценны в знак своего презрения к ложной учености, к враждебному ученому миру. Он бросил его «в иоганшов огонь, чтобы все несчастья вместе с дымом рассеялись в воздухе».

Упорно продолжал ученый свое дело—чтение лекций в университете и широкую врачебную практику.

Около этого времени Теофраст выступил против «Заблуждений кровопускательных календарей», что не могло не вызвать нового возмущения среди его коллег.

В те времена еще продолжали существовать, недопустимые с медицинской точки зрения, помесячные расписания кровопусканий и приема слабительных. Они печатались тогда типографским путем, в виде календарей, в которых перечислялись на каждый месяц дни недели, предназначенные для кровопусканий и для слабительных.

Отношения его с факультетом и врачами обострились, по его адресу бросались все более и более резкие эпитеты: лжец, дурак, некромант, сумасшедший, дикий осел из Эйнзидельна. Все же до осенних вакаций преподавание его в университете шло благополучно. На время вакаций Парацельс отправился в Цюрих. Цюрихские студенты чествовали его, он пировал и веселился с ними.

Печальное известие ожидало его, когда он возвратился в Базель: неожиданно умер от удара его покровитель и друг—Фробен.

Клеветники утверждали, что причиной смерти знаменитого типографа были сильнодействующие лекарства

Теофраста. Галеновские доктора торжествовали: «Теофраст, ты столь же успешно губишь больных, как мы». По рукам ходили памфлеты, осмеивающие самонадеянного врача и его науку, один из них назывался «*Laudanum sanctum*»: в нем автор ядовито издевается над знаменитыми лавандовыми пилюлями Парацельса.

И тогда Парацельс почувствовал неизбежное приближение катастрофы. Вокруг него образовалась пустота. Фробена не стало. Независимость характера и резкость суждений, научный фанатизм оттолкнули от него интеллигенцию и университетские круги. Врачебный мир был целиком в стане его врагов. Вера в него как чудесного исцелителя была подорвана. Партия католиков считала его ставленником протестантов и ненавидела его. Партия протестантов разочаровалась в нем, ибо он обманул ее ожидания и не принял участия в политической борьбе на ее стороне. Магистрату надоели распри, которые вызывала деятельность этого человека, и, кроме того, хозяева города не могли простить ему некоторых слишком свободных высказываний по их адресу.

Парацельс, несмотря на свое одиночество, все еще дерзал вести войну, но поражение его стало неизбежным.

В начале 1528 года доктор Теофраст был приглашен к тяжело больному базельскому канонику Корнелиусу фон-Лихтенфельс, которого врачи считали уже погибшим. Это был истый католик, открытый политический враг Парацельса, но страх смерти оказался сильнее религиозно-политической вражды. За лечение богатый каноник обещал врачу крупную сумму в сто гульденов. Парацельс вылечил испуганного и отчаявшегося каноника своими лавандовыми пилюлями. Благодарный пациент прислал ему вознаграждение в размере шести гульденов. Это было публичное издевательство и оскорб-

ление. Теофраст подал в суд иск об уплате полностью обещанной суммы. Суд отказал в иске, признав выплаченный гонорар достаточным.

Парацельс пришел в ярость от несправедливого решения суда, он не был кротким христианином, который подставляет левую щеку тому, кто ударил его по правой; он жаждал мести. Из-под его язвительного и дерзкого пера выходит листовка, направленная против несправедливых судей и, очевидно, сильно задевавшая городские власти. Ее появление вызывает бурю негодования и злобы ~~—~~против беспокойного и опасного человека. Враги ликуют, друзья отрекаются от него.

Магистрат подписывает распоряжение об аресте Теофраста Бомбаста фон-Гогенгейма — бунтовщика и преступника, ему грозит заключение.

Таков финал первого акта человеческой драмы, носящей название:

«Революция в средневековой медицинской науке».

Бегство

Правда влечет за собой ненависть,—говорил Гогенгейм и признавался: «Возможно, что мои выступления против магистрата и других были слишком свободны, но что же из того, если я все мною сказанное могу доказать сообразно с фактами».

Но сознание собственной правоты было слишком слабым оружием против скрепленного властью приказа об аресте.

Во-время предупрежденный своими друзьями, Гогенгейм бежал из Базеля, чтобы снова на долгие годы стать бесприютным странником.

Горькая обида и разочарование звучат в его словах: «Мне суждено стать порочным членом высшей школы, еретиком факультета и нарушителем благочиния».

В панике он бросил в оставленном им городе свое имущество, лабораторию и рукописи и снова в дорожном платье с мечом у пояса и мешком за спиной двинулся по градам и весям Германии.

Путь его вел в Кольмар, но Теофраст не спешил. Страсть к наблюдению, к беспрестанному собиранию фактического материала в каждом новом месте, куда заносила его судьба, задерживала его в дороге и, может

быть, эти занятия отвлекали беглеца от горьких размышлений о его роковой неудаче.

Этому маленькому городку счастье буквально сошло с неба. Седьмого ноября 1492 года «из огненного облака с сильным ударом грома» вблизи Энзисгейма упал метеорит, один из наиболее крупных среди известных в то время. Предприимчивое духовенство поместило его на хорах в энзисгеймской церкви. Ученые и любопытные стекались сюда, чтобы обозреть это чудо.

Теофраст прочел посвященное этому необычайному явлению природы стихотворение городского пиита:

В тысяча~~ч~~ четыреста девяносто втором году
Услышан был величайший шум
От города нашего недалеко.
В зимний месяц седьмого числа
Камень большой среди белого дня
Упал с громовым ударом звеня.
Два с половиной центнера вес,
Железа цвет
С торжественным шествием доставлен сюда

* * * * *

Не чудесное интересовало Гогенгейма в этом «подарке неба», а его химический состав.

Дальше — Руфак, последняя остановка перед конечной целью путешествия — Кольмаром, в нескольких часах езды от последнего.

Возможно, что именно тогда в Руфахе он познакомился с доктором Валентином Больтц — ученым гуманистом, выступившим с немецким переводом комедий Теренция. Позднее этому Больтцу посвятил Гогенгейм некоторые свои теологические произведения.

Кольмар встретил изгнанника гостеприимно и приветливо, здесь он нашел то, что искал после базельской бури: «безопасность и относительно спокойную жизнь». Приютил Гогенгейма ученый врач Лоренц Фрис.

Фрис был приверженцем старой медицинской школы, но достаточно образованным и передовым человеком, чтобы стать другом новатора. Их роднила общая мысль о необходимости демократизации медицинской науки путем преподавания медицины на немецком языке и общая ненависть, которую этим они возбуждали против себя в ученом мире. Фрис вполне мог применить к себе слова Гогенгейма: «Ученые врачи его сильно ненавидели и преследовали, так как он публиковал содержание своего искусства на немецком языке».

Из Кольмара, вскоре после приезда (28 февраля и 4 марта 1528 года), Гогенгейм послал два письма своему другу Бонифацию Амербаху в Базель, до сих пор сохранившиеся в подлиннике. Из этих писем известны подробности последних дней его пребывания в Базеле и жизнь его у Фриса.

С помощью своего ученика Иоганна Опоринуса Гогенгейм ликвидировал и частью вывез оставленное в Базеле имущество. Опоринус после этого переселился к своему учителю в Кольмар.

Парацельс прожил в Кольмаре около полугода, занимаясь врачебной практикой не только в этом городе, но и в окрестных местностях Эльзаса. Известность его росла и «его почитали за нового Эскулапа».

Некогда в Риме профессия врача была признанной и почетной. Государственная власть освобождала (указ императора Адриана) врачей от уплаты городских налогов, от обременительных должностей, от военной службы и создавала им ряд других преимуществ. Особый закон карал за всякое оскорбление, нанесенное врачу. Был установлен даже определенный минимум гонорара, получение которого с недобросовестных клиентов гарантировалось в судебном порядке. Нередко доходы врачей были весьма значительны. Все это было действительно-

стью, а теперь представлялось каким-то радостным, но невероятным сном. Даже профессора медицины крупных университетов в XV—XVI столетиях получали столь скромное содержание, что его едва хватало на пропитание их семей. Медицина не была в особом почете и, например, Венский университет выплачивал профессорам этой специальности вдвое меньше, чем руководителям кафедр арабского и греческого языков. Корреспонденции ученых того времени переполнены сетованиями на бедность, голод и долги. Должности городских врачей оплачивались еще более скудно.

Единственным источником, который мог обеспечить врачу благосостояние, а часто просто спасал его от голода, являлась частная врачебная практика. Но князья, высшее ~~духовенство~~, богатые бюргеры, о которых только и можно говорить как о платежеспособных пациентах, были ненадежными и часто неблагодарными клиентами. Капоник Лихтенфельс и маркграф Баденский еще не были самыми плохими из них, от иных можно было ожидать издевательств и получения побоев вместо денег.

Понятно, что в этих условиях рождался многочисленный слой врачей-шарлатанов. Они внушали почтение к себе роскошной одеждой, самонадеянностью и наглостью. Обман и вероломство были их оружием, а свое невежество они прикрывали непонятной речью, пересыпанной латинскими врачебными терминами.

Агриппа фон-Неттесгейм так рисует тип крупного или по крайней мере модного врача этих дней: «Это, по большей части, иностранец—еврей или мавр—роскошно одетый, на пальцах его яхонтовые перстни, он с пафосом произносит звучные фразы на полуварварской латыни или по-гречески»,— все это должно приводить в восторг невежественных пациентов.

И такие врачи, не гнушавшиеся никаких способов одурачивания клиентов, делали себе карьеру. Примером тому может служить Леонгард Турнейсер, именовавшийся последователем Парацельса, который сумел стать лейб-медиком курфюрста Иоганна-Георга Бранденбургского. С помощью астрологических фокусов и проектов о делании золота он сумел себе составить такое состояние, что ходил всегда в великолепнейшем одеянии, имел к своим услугам пажей, ездил четверкой и жил в Берлине богатым домом. Но таких врачей было немного; в большинстве своем врачебное сословие жило в нужде.

Эразм в «Похвале глупости» писал: «Среди врачей кто невежественнее, нахальнее, самонадеяннее остальных, тому и цена выше даже у венчанных государей».

Но эти люди не только подрывали доверие к врачебному сословию, они порочили и высокое искусство медицины. Недаром в «Похвале глупости» говорилось: «Да и сама медицина в том виде, в каком многие ею теперь занимаются, не что иное, как искусство морочить людей, совершенно так же, как риторика».

Парацельс глубоко ненавидел этих модных врачей, этих пышно одетых тунеядцев и обманщиков. Он хотел видеть врачей, которые были бы мастерами своего искусства. Только изучение природы, врачебная практика, занятия в алхимической лаборатории, словом—напряженный и черный труд могут создать истинного врача. Но этого мало. Необходимо и духовно переделать врачей. Места этих бессовестных обманщиков должны занять беззаветно преданные своему делу энтузиасты. Одним из краеугольных камней медицины он считал этику.

«Врач не смеет быть лицемером, старой бабой, мучителем, лжецом, легкомысленным, но должен быть праведным человеком».

«Знайте, что врач должен денно и ночью думать о своем больном и ежедневно наблюдать его; все свои думы и помыслы он должен направлять на хорошо обдуманное лечение больного».

Революция в области медицины, к которой стремился Парацельс, таким образом в его представлении слагалась из перестройки самой науки, полного изменения ее преподавания и глубокой переделки сознания и нравственных качеств врачебного сословия. И то, что мы знаем об этом человеке, подтверждает, что в своей врачебной деятельности он проводил в жизнь те этические принципы, которые он стремился привить всему врачебному миру.

Надо думать, что энтузиазм, горевший в нем, его простые манеры, любовное отношение к больным не мало способствовали его популярности в Кольмаре и его окрестностях.

Кольмар был на стороне старой веры, реформация не завоевала его. Как раз в этом году правители его заключили договор с базельским епископом, по которому город обещал предоставлять римскому духовенству охрану и защиту. Эти взгляды кольмарских правителей не помешали Гогенгейму сблизиться с ними; позднее двум наиболее видным из них—Иерониму Бонеру и Конраду Викраму—посвятил он свои сочинения.

Но Гогенгейму не сиделось на одном месте. Во второй половине 1528 года он переселился в Эслинген, где жили его родственники. Рассказывали, что в их доме он создал лабораторию, в которой предавался неизвестным работам.

Легковерные эслингенские бюргеры решили, что знаменитый доктор занят изготовлением золота, и ожидали от этого большой удачи для себя и своего города. На Парацельса взирали с уважением, расспрашивали близ-

ких к нему людей о его работе, о его богатстве. Шли дни, в печи докторской лаборатории пылал огонь, но сведения были неутешительны — оказалось, Парацельс пришел в город бедняком и не получению золота были посвящены его работы. Граждане и даже родственники отвернулись от него. Тогда Парацельс покинул Эслинген и двинулся дальше по Швабии и Франконии.

Преподавание с базельской университетской кафедры недавно привело его к неудаче и позорному бегству. Но почему странствующий врач не мог быть и странствующим вольным профессором? Недостатка в учениках, желавших учиться у «нового Эскулапа», не было. Они сопровождали его в скитаньях, и он обучал их медицинской науке. Это был разнообразный люд: хирурги, банщики, цирюльники, школьные учителя и беглые монахи. Встречались среди них и люди, пришедшие в столкновение с законом.

Когда позднее враги упрекали Парацельса в том, что никто из его слуг и учеников не мог преодолеть его премудрой науки, он отвечал: «Что им сделала моя странная премудрость? Как мог кто-либо у меня остаться, если палач не хотел его мне сохранить?»

Но и лучшие из этих учеников приносили ему много горестей и разочарования. Они приходили к нему не с тем, чтобы долгими трудами овладеть его искусством; все их помыслы были направлены на то, чтобы заполучить «чудесные» рецепты, вывести тайны, которые немедленно позволили бы им самим стать врачами и получать богатые дарения от благодарных больных. Они бросали его задолго до того, как чему-либо выучивались. Они гордо называли себя его учениками, но только срамили его честное имя и обманывали доверчивых людей.

Едва ли не самым близким и доверенным учеником

Парацельса был Опоринус. По крайней мере сам ученый называл его «своим верным Опоринусом, коего он наипаче для доверенных дел употреблял». Но и он изменил своему учителю и впоследствии распространял не мало клеветнических измышлений о нем.

Иоганн Хербст, наименовавший себя Опоринусом, — фигура в своем роде замечательная. Этот человек был рожден дельцом, и неудивительно, что Парацельс именно ему доверил спасение своего базельского имущества. Едва достигнув двадцатилетнего возраста, практический юноша Иоганн вступил в брак с пожилой женщиной, вдовой своего умершего друга. Ее средства позволили ему поступить в университет и потом состоять учеником Парацельса, ибо вряд ли ученый, особенно после бегства из Базеля, мог на свои средства содержать ученика. Позднее, вероятно также на деньги жены, он основал типографию.

Опоринус не был бездарным человеком. Его издательство в Базеле получило широкую известность, а он был не только его владельцем, но и фактическим руководителем. В историю издательского дела и науки он вошел благодаря своему великолепному изданию анатомии великого Андрея Везалия — «*De humani corporis fabrica*».

Но Парацельс был слишком сложен для такого обыкновенного человека, как Опоринус, и последний однажды признался: «Не понимал-де он, что Теофраст такой ученый муж, как он лишь впоследствии узнал».

Все в Парацельсе казалось его ученику непонятным и странным: его упорные научные искания (когда, казалось, все было известно и давно установлено), непочтение к авторитетам, нетерпимость к противникам, нарушение всех установленных правил поведения члена врачебного сословия. Оригинальные суждения ученого

по вопросам религиозным и социальным, его беспорядочная и эксцентричная личная жизнь приводили в ужас простоватого и суеверного Опоринуса. Вспоминая эту пору своей жизни, он признавался своему другу Токситу в том, что «счастья с Теофрастом ему не было».

Теофраст, очевидно, хорошо знал цену своему ученику и позволял по отношению к нему не всегда безобидные шутки. Однажды Парацельс сказал, что о темпераменте человека вернее всего можно судить по осадку в его моче в том случае, если исследуемый будет предварительно три дня поститься. Легковерный Опоринус голодал трое суток и, наконец, с торжественным видом принес учителю склянку с мочой, чтобы услышать суждение о своем темпераменте. Смеясь, Парацельс бросил ее об стену и, надо полагать, поиздевался над учеником.

Иногда Парацельс возвращался с пирушек в большом возбуждении, и ученик, подсматривавший за ним в замочную скважину, видел, как тот ходил по комнате, разговаривая сам с собой и размахивая своим длинным мечом. Испуганному Опоринусу казалось, что учитель его сражается с духами. Так родилось в душе его подозрение, что Парацельс знает с нечистой силой. Но когда неверный ученик написал об этом письмо по просьбе врагов Парацельса, то это было доносом, бесспорным и опасным.

В свободное от врачебной практики и преподавания время Парацельс писал. Он работал нечеловечески много. Когда на него находило рабочее настроение, он даже не раздевался в течение целых недель. В верхнем платье и дорожных сапогах бросался он в постель и, измученный, моментально засыпал. После 3—4 часов сна был он снова бодр и трудоспособен. Любимым временем его литературной работы была ночь. Он говорил, что ночью, когда все телесные вещи отдыхают,

тайнственны и спокойны, тогда лучше и необходимее всего предаваться размышлению и творчеству.

Так настойчиво и упорно писал он сам или диктовал ученикам свои творения.

Парацельс был уверен в правоте своего дела и победе своего учения, и если базельские враги выбили из его рук оружие свободного слова, распространяемого с профессорской кафедры, то недаром за сто лет до этого его соотечественник Гутенберг создал книгопечатание, которое можно и должно было использовать, чтобы продолжать с успехом начатое в Базеле дело.

Хлопоты об издании медицинских произведений привели Парацельса в конце 1529 года в Нюрнберг. Это был богатый и независимый город, в нем работал ряд типографских предприятий, с которыми можно было договориться о печатании его трудов.

В эту приблизительно пору, в 1524 году, сходные обстоятельства привлекли в Нюрнберг Томаса Мюнцера. Здесь этот вождь восставших крестьян сумел напечатать знаменитую «Защитительную речь», самое страстное и революционное свое произведение, острый памфлет с резкими нападками и обвинениями против Лютера и князей.

Кончилось это для типографии плохо: «Один книгоиздатель осмелился напечатать брошюру Томаса Мюнцера. Совет взял у него все экземпляры и посадил в тюрьму его подмастерье, который напечатал без ведома мастера».

Но ведь это было совсем другое дело. Мюнцер—опасный бунтовщик, человек, потрясавший священные основы государства и общества. Парацельс, очевидно, еще не понимал глубоких политических основ своего базельского конфликта с официальным врачебным миром и рассчитывал, что в другом городе возможна беспрепятственная пропаганда его медицинского учения.

Недостаточно найти издателя, надо еще преодолеть тяжелый барьер предварительной цензуры. Распоряжение об обязательной предварительной цензуре было издано имперским правительством еще в 1523 году и подтверждено решением рейхстага в следующем году.

Причиной возраставших цензурных строгостей являлась обострявшаяся борьба папства с реформацией.

Парацельс представил свои рукописи на одобрение цензурской коллегии и добился разрешения магистрата на их издание. Вскоре вышла первая книга—небольшое полемическое сочинение против лечения гваяковой смолой, а также три книги о неправильном лечении сифилиса и улучшении его лечения.

Пребывание Парацельса в Нюрнберге не оставалось незамеченным.

Себастьян Франк—известный писатель и историк, проживавший в этом городе, делает о нем следующую запись:

«Доктор Теофраст фон-Гогенгейм, физикус и астроном. В 1529 году названный доктор прибыл в Нюрнберг, редкостно удивительный человек, который насмехается почти над всеми докторами и авторами медицинских сочинений. В Базельском университете сжег публично труды Авиценны...»

Франк был клириком (духовное лицо) и теологом. Но в 1528 году сложил свой духовный сан и жил трудом своих рук, занимался книгопечатанием, мыловарением и писательской деятельностью.

Трудно сказать, были ли лично знакомы Гогенгейм и Франк, но сходство их религиозных и социальных воззрений заставляет предполагать возможность дружеского общения между ними.

В это же время в Нюрнберге находился гуманист и деятель реформации—Андрей Озиандер. Это был че-

ловек чуждых и даже враждебных Парацельсу взглядов. Озиандер опубликовал комментарии к найденным в картезианском монастыре Нюрнберга тридцати папским картинам (они относились к эпохе Фридриха II). Лютеранская односторонность этой публикации вызвала ответ Парацельса, который написал свой собственный комментарий. Он направлен против иерархических извращений обеих религиозных партий (папской и лютеранской) и вообще против попов. Напечатано это произведение было только в 1569 году, через много лет после смерти ученого.

Таким образом, время пребывания в Нюрнберге не было потеряно даром. Около этого же времени он принимается за два своих фундаментальных произведения: «*Rapagapum*», посвященное общим естественно-научным основам врачебного искусства (физике, астрономии, химии и этике), и «*Rapamigum*», в котором Парацельсом изложена общая этиология (учение о причинах болезней).

Уверенный в том, что ему теперь обеспечено беспрепятственное печатание его трудов, Парацельс двигается в дальнейший путь. Разочарование наступает чрезвычайно быстро. На пути между Нюрнбергом и Регенсбургом он получает от магистрата извещение о прекращении печатания его сочинений.

Что же случилось? Встревоженный появлением его первой книги, медицинский факультет Лейпцигского университета обратился к нюрнбергскому магистрату с требованием прекратить выпуск произведений Теофраста, и магистрат уступил требованию могущественных докторов старой школы.

Исчезала последняя возможность борьбы, преследователи замыкали круг, который означал изоляцию и замалчивание. В отчаянии Парацельс берет за перо и

пишет черновик дерзкого послания нюрнбергскому магистрату. «Не надлежит вам осуждать и запрещать печатание»,—говорит он и требует свободного диспута со своими противниками, ибо иначе запрещение это—нанесение удара самой истине. «Для того и существует печать, для того и печатают, чтобы истина увидела свет». Благоразумие и осторожность берут верх, слишком большая ставка поставлена на карту, и он смягчает свое письмо, униженно просит об отмене несправедливого решения. Магистрат остается непоколебимым. Вспоминаются замечательные слова Парацельса: «Искусство не имеет иных врагов, кроме тех, которые в нем ничего не смыслят».

Итак, осталось единственное: врачебная практика как средство пропаганды его взглядов и источник процветания.

Слава знающего и удачного врача сопровождала его, и богатые и знатные люди призывали его к себе. Но заработок этот был неверен, случаен, и нередко врач подвергался оскорблениям и обману.

Когда из Регенсбурга судьба привела его в Амберг, он был в этом городе призван в дом к богатому бюргеру Себастьяну Кастнеру и лечил его. Этот богатч не только не заплатил Парацельсу, но похитил его лекарства и велел выгнать врача вон из дома. «Поэтому я советую всем врачам остерегаться больных, которые предлагают пристанище и пищу».

Аналогичное происшествие произошло с ним в Эслингене, куда он снова прибыл, решив вернуться в родную Швейцарию.

Начало 1531 года застаёт его в Сан-Галлене, и здесь начинается новая глава в его жизни, когда он меняет родное врачебное искусство на религиозное проповедничество.

Аппенцельский проповедник

Парацельс стал банкротом: в Базеле были похоронены его надежды на почетное место в высшей школе и признание его медицинского учения, в Нюренберге он потерпел фиаско с изданием своих медицинских трудов.

Не в характере Парацельса было впасть в отчаяние или признать себя побежденным, но все происшедшее заставляло подумать о причинах поражений.

Сколько стран обошел он, сколько людей видел, сколько испытал и все же, может быть, просмотрел самое главное. Нельзя же было считать случайностью опутывавшую его цепь неудач. Происки врагов? Но враги были у всех завоевателей и новаторов. Они не помешали его тезке, греку Теофрасту, занять первенствующее место в Афинах, не остановили на полпути к власти герцога Эрколе д'Эсте и не сломили гордую волю Христофора Колумба. Или у Теофраста было меньше права на успех, меньше знаний и энергии?

Он удивлялся, что писания Лютера и Цвингли принимались с таким одобрением, эти «суетные» вакхические произведения». «Их и папу,—говорил Парацельс,—поистине следовало бы сначала отправить в школу на обучение».

И все же число приверженцев «сумасшедшего монаха из Виттенберга» росло. Цвингли умер, но его учение стало знаменем в руках многочисленных приверженцев и продолжателей начатого им дела.

А он, Парацельс, пришедший в Базель, чтобы совершить революцию в медицине—этой величайшей науке—вынужден был бесславно бежать из Базеля и там его уже, очевидно, забыли.

Его выкинули, как ненужную ветошь. А между тем, не так давно базельские реформаторы добивались приглашения Теофраста в свой город. Там, в Базеле, и позднее в других городах католики и реформаторы наперебой старались склонить его на свою сторону. Но он—ученый, и не хотел служить их партийным интересам, житейским ссорам и мелкой вражде. Он шел своей дорогой. Да полно, была ли у него своя дорога? Не являлся ли он просто игрушкой в чужих руках, которые его и отбросили, когда удостоверились в непригодности Теофраста для поставленных ими политических целей?

Парацельс разделил судьбу всех тех людей науки, которые считают науку вне- и надпартийным делом и не замечают, что каждое общественное дело—лишь эпизод в великой борьбе классов и партий своего времени. Перед ним, как перед всяким человеком, желающим играть роль в общественной жизни, встал грозный вопрос: с кем ты? Парацельс не дал прямого ответа, отошел в сторону и неизбежно был отброшен с пути, в социальное небытие, в забвение.

Вокруг него разыгрывалась захватывающая жизненная драма, мир кипел, как в котле. В Германии только что закончился последний акт трагедии крестьянской войны и ширилось протестантское движение. На юге Европы шла ожесточенная борьба Испании с Францией за владычество над Италией и миром. С востока грозно дви-

гались турецкие полчища. На далеком легендарном Западе—на американском материке—предприимчивые люди наживали сказочные богатства.

В этом хаосе меняющего свое обличие мира Парацельсу надо было определить свое место, свою позицию, найти некий свой положительный социальный идеал.

Смысл происходившего в то время грандиозного социального переворота заключался в распаде феодальной системы под натиском укреплявшей свое влияние буржуазии. При этом «всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви».

Так родились религиозно-реформаторские учения Лютера, Цвингли и Кальвина, в которых за теологическими разногласиями с католицизмом скрывалась политическая борьба.

Парацельс был человеком нового времени, общественное бытие его не имело корней в старом феодальном укладе, поэтому римская церковь не могла найти в нем своего сторонника. Наоборот, он ясно видел отрицательные стороны папства и римской курии. Он мог охотно подписаться под обличительными словами Гуттена по адресу наместника св. Петра:

«Все в Риме крайне испорчено и извращено и, как говорится, нет там ничего здорового. Это является тем более погибельным, что выдумали сделать из этого города главу церкви. И там воздвигли бесстыжий идол в лице папы, ему предоставили все, даже право делать постановления, противоречащие учению Христа (до нашего времени папы издали много подобных постановлений) и удаляться, насколько захочет, от евангелия. Он может сделать, кого захочет, вечно блаженным, какую бы дурную жизнь ни вел тот, и осудить души людей, ведущих самую невинную жизнь».

Для Парацельса «папа и его Римское государство—новый Люцифер на земле». С негодованием говорил он, что «церковь обращает собираемые ею даяния на роскошь и пышность, а бедные не получают этих даяний, которыми церковь должна была бы их поить и кормить».

Он обличал духовенство, особенно высшее: кардиналов, епископов, аббатов, «которые являются князьями и господами. Такими стали они во имя дьявола, а не во имя бога; их долг—быть подобно апостолам: не иметь даже палки и мешка».

Монахов и монахинь звал он не иначе, как «пожирателями милостыни».

Его слова: «Если мы ищем господина, то пои из нее, так как в римской церкви мы его не найдем».

Сначала отношение его к Лютеру было безразличным: «Я предоставляю Лютеру самому отвечать за свое дело и рядом буду делать свое». Ему даже казалось, что он и Лютер имеют общих врагов. «Кто враг Лютеру? Эта шайка мне так же ненавистна».

Цвингли в письме 1531 года Парацельс называл «нашим патроном мейстером Ульрихом Цвингли», очевидно, питая к нему и его учению некоторые симпатии.

Но потом он разочаровался и в реформаторах.

Римская курия, лютеране, цвинглианцы и анабаптисты—все они были для него «четырьмя парами штанов одного сукна».

Когда его называли Лютером среди врачей, он ответил: «Я—Теофраст, и больше чем те, кого вы со мной сравниваете». Им были написаны следующие дерзкие слова: «Я должен быть только Лютером? Я задам работу ему и вам, так как он недостоин развязать ремни на моих башмаках».

Парацельс—человек независимого характера, с молодых лет привыкший к самостоятельным суждениям

и органически враждебный всяческому авторитетам, решил выступить с изложением своих собственных мыслей по религиозным и социальным вопросам.

Он не был в силах порвать с религиозной идеологией и стать атеистом и материалистом. Но вместе с тем в его философских и социально-религиозных писаниях ясно обозначается господствующее стремление к изучению природы, общества и человека. Теология не была для него самоцелью, он обращался к религиозному учению лишь затем, чтобы в нем найти ключ к разрешению социальных вопросов. Если он утверждал, что только библия является для него божественным словом, и требовал свободного ее толкования, то в первую очередь лишь потому, что видел возможность подкрепить авторитетом священного писания свои требования улучшения общественного устройства.

Католическая религия являлась идеологией феодального строя. Умеренные реформаторы, в первую очередь Лютер и его сторонники, представляли интересы князей и верхушки буржуазии. Крайнее реформационное течение анабаптистов (перекрещенцев) опиралось на мелкую буржуазию, крестьянство и на тогдашний пролетариат. И хотя Парацельс отмежевался и от этого течения, все же религиозные и социальные взгляды его были наиболее близки именно к анабаптистским.

Условия общественного существования Парацельса наиболее тесно связывали его с мелкой городской буржуазией (не даром сам он входил в страсбургский цех «Фонаря»). Но одновременно он не был чужд и народным низам, ибо в детстве своем и в эпоху странствований он близко сталкивался с крестьянством и пролетарскими элементами (главным образом горнорабочими) и наблюдал их тяжелую и безрадостную жизнь.

Решающее значение для утверждения его собственных

взглядов на государство и общество сыграли годы пребывания в Базеле, где он был лично связан с целым рядом членов свободомыслящего кружка ученых и художников, группировавшихся вокруг Эразма. В этом кружке обсуждались разнообразнейшие новые идеи и социальные проблемы. «Утопия» Томаса Мора, дважды изданная в Базеле (в 1518 году Фробеном и в 1524 году Клавдием Канцинукулем), привлекла к себе внимание базельских гуманистов. «Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» давала глубокую критику существовавшего строя, вскрывала раны общества, покоящегося на частной собственности, и рисовала утопическую картину будущего идеального строя, она будила мысль людей, недовольных существовавшим порядком, и направляла ее в русло коммунистических идей.

В базельских кругах пользовались популярностью революционные взгляды Мюнцера и учения анабаптистов.

В Нюрнберге Парацельс столкнулся с Себастьяном Франком, который звал к христианскому коммунизму как единственно правильной форме социального устройства, соответствующей велениям христианского учения, и говорил, что «личное и собственность противоречат природе и смыслу своего сотворения».

Парацельс не оставил произведения, в котором его социальные взгляды были бы собраны воедино. Может быть, для того чтобы, подобно Мору, создать законченную систему нового социального устройства на основе изучения и критики существующего порядка, у него не хватало образования и начитанности; может быть, этому помешали условия его страннического существования и ранняя смерть. Его мысли по общественным вопросам вкраплены в его медицинские и философские сочинения, разбросаны в маленьких брошюрах, листов-

ках по социально-религиозным вопросам, написанных бессистемно, наспех—это работа не социально-религиозного писателя, а скорее заметки агитатора. Лишь с большим трудом в этих отдельных высказываниях можно уловить основные контуры социальных воззрений Парацельса.

Сословным различиям феодального строя Парацельс, в своей личной жизни испытывший тяжесть и несправедливость сословных привилегий, противопоставлял равенство людей. В его представлении каждое сословие имело такую же ценность, как и другое, каждый человек был так же хорош, как и всякий другой. В его воображении рисовалось прекрасное будущее—царство божие на земле,—когда всяческое неравенство исчезнет, а с ним исчезнут зависть и корысть.

Труд в представлении Парацельса — святая обязанность человека и единственное, что делает его полноправным членом общества. Каждый должен трудиться и за работу получать удовлетворение своих потребностей. Без физического труда — нет блаженства. Он писал: «Наша духовная пища зависит от работы наших рук, не в праздности или денежных делах ее источники».

Никто не имеет права жить праздно; монахи, и те обязаны работать, а не жить на налоги и проценты. И эти свои требования Парацельс подкреплял ссылкой на божественный авторитет.

«Не должно быть жизни благородных бездельников, не должно быть нищенства; не место существованию за счет процентов и поземельных налогов, но каждый обязан поддерживать свое существование собственной работой, чтобы божья воля исполнилась на земле, как и на небе».

Каждый должен обладать своей пашней, своей трудовой копеей, которые ежедневно дают ему пропитание

и прогоняют праздность. Парацельс отрицал право собственности на землю. Он считал справедливым разделение земли между всеми, кто имеет возможность ее обрабатывать. С ростом населения земля подлежит новому переделу. Так не будут наследственные права оставлять несправедливого богатства для тунеядцев. Он был против того, чтобы доходы отдельных людей превышали их потребности. Когда один человек зарабатывает так много, что этого хватило бы на двадцать человек, пусть это будет правильно по закону, но все же это противоречит братской любви и божественной воле, ибо из-за этого другие должны нищенствовать или становиться ворами. Все должны помнить и заботиться о бедняках.

Тот, кто владеет искусством, не должен от этого богатеть, а употребить его на пользу ближним.

Тот, кто обнаружит в горах драгоценную находку, не должен ее присваивать для личного обогащения, а разделить среди других.

Власти и король не должны брать из общего имущества больше того, что идет на удовлетворение их личных потребностей.

Городам не пристало строить роскошные ратуши и оставлять бедняков жить в ветхих хижинах.

Парацельс делил общество на четыре группы: земледельцев, ремесленников, работников свободных искусств и правителей; в каждой из этих групп есть господа и слуги, мастера и подручные, но в его представлении между ними нет непримиримых противоречий. Жизнь их может быть устроена справедливо, стоит только, чтобы все поняли необходимость выполнения божественного закона: каждый, для других и никто только для себя; стоит только, чтобы все люди стали едины, совместно переносили радость и горе, всемерно друг другу помогали и ладили между собой.

Тяжкие язвы существовавшего общественного устройства, основанного на угнетении и эксплуатации масс, были хорошо видны Парацельсу.

Близкий к обездоленным и угнетенным, он прозревал в будущем неизбежность решающих социальных перемен, которые навсегда уничтожат неравенство, тунеядство и эксплуатацию. Но ему чужды были представления о непримиримости классовых противоречий, о том, что только в результате жестокой борьбы будет совершено грядущее переустройство мира. Парацельс верил в возможность убедить богатых отказаться от своих богатств, от эксплуатации неимущих и жить трудом своих рук. Он думал, что проповедь истинного братства людей призвана изменить мир.

С этими мыслями он появился в начале 1531 года в Сан-Галлене, где вскоре им был направлен аббату Сан-галленского монастыря сборник его собственных религиозных сочинений.

К сожалению, не сохранилось сведений о том, какие именно произведения вошли в этот первый объединенный труд.

Но время и обстоятельства не благоприятствовали Парацельсу.

Цвингли был убит на Каппельской равнине в сражении цюрихского ополчения с войсками католических кантонов Швейцарии 31 октября 1531 года. Поражение цвинглианских войск положило начало католической реакции в Восточной Швейцарии. В Сан-Галлене все же сохранилось евангелическое учение, но ни о какой веротерпимости не могло быть и речи в условиях обострившейся борьбы.

Религиозная деятельность Парацельса вызвала недоверие, ибо он отходил от учения Лютера и Цвингли. Положение ученого стало тяжелым. «Его не считали

истинным христианином, что его сильно угнетало». Тогда направился Парацельс, «преследуемый духовенством и попами», в горы Аппенцеля. Здесь скитался он с начала 1532 года до середины 1534 года.

Он ушел в крестьянские хижины, к простому народу, чтобы здесь свободно проповедывать необходимость основания «царства божия на земле», учить справедливой жизни и, может быть, с честолюбивой мечтой о том, что он возглавит некое новое «евангелическое братство», которое разнесет по земле его учение и его славу.

Жизнь средневекового земледельца была убога и тяжка.

Себастьян Мюнстер в своей «Космографии», вышедшей в 1545 году, так описывает крестьянский быт: «Четвертое сословие состоит из тех людей, которые живут в деревнях и на полях, во дворах и хуторах и называются земледельцами (Bawern), потому что они обрабатывают землю (bawen) и готовят ее к посеву. Они ведут очень тяжелую и несчастную жизнь. Все отчуждены друг от друга и живут каждый отдельно с челядью и скотиною. Их дома плохи и выстроены из навоза и дерева, на которые насыпана земля, а сверху они покрыты соломой. Едят они сухой ржаной хлеб, овсянку или вареный горох и чечевицу. Питье их состоит из воды и сыворотки. Одежда их состоит из тикового балахона и поярковой шляпы.

Герой немецкого средневекового романа «Симплиций Симплициссимус» фон-Гриммельсгаузена так описывает крестьянское жилище: «Мой отец имел свой собственный дворец, такой чудесный, что подобного ему нет ни у одного царя. Вместо неплодородного аспиды, свинца или красной меди он был покрыт соломой, на которой растет благородный хлеб. Чтобы выказать во всем блеске свое высокоценное и от Адама исходящее

богатство, мой отец построил стены своего дворца не из кирпича и не из негодных камней, а из дубового леса. Покон свои он закоптил дымом совершенно дочерна, так как черный цвет есть самый прочный цвет в мире. Ковры у него заменялись нежнейшею тканью, какая только существует на земном шаре, ибо ткань эту ткал тот, кто некогда осмелился состязаться в искусстве прясть с самой Минервой (т. е. паука). Окна его были посвящены святому Бесстекольнику».

Крыши были настолько плохи, что, по свидетельству другого немецкого писателя, «дождь заливает крестьян в их домах и чуть не на самых постелях».

Но и в этом доме крестьянин никогда не чувствовал себя в безопасности—множество врагов подстерегало его. Вражеские войска и просто разбойничьи банды бродили по дорогам. Чтобы выиграть время для защиты или бегства, деревня обносилась забором из кольев, переплетенных ветвями, так что въехать в нее можно было лишь в ворота, устроенные в плетне. Но это—слишком жалкое препятствие для неприятеля. Страх полного уничтожения имущества постоянно испытывал земледелец, ибо в те времена был общепринят обычай сжигать и уничтожать на вражеской территории все—и строения, и виноградники, и сады, и огороды, и даже хлеб в поле.

Но неприятельские солдаты и грабители с большой дороги еще не были самым страшным бедствием для крестьянина. Гораздо тяжелее страдал крестьянин от других четырех разбойников: рыцарей, духовенства, юристов и купцов. От них он не мог нигде найти спасения.

Рыцари—мелкие помещики-феодалы—к XV и началу XVI века находились в затруднительном положении, благодаря переходу к денежному хозяйству. Жить за счет грабежа и войны, как они это делали раньше,

было уже невозможно. Войска крупных князей, вооруженные огнестрельным оружием, были слишком сильной угрозой для нарушителей порядка; поднимающаяся буржуазия в свою очередь ограничивала возможности военных авантюр и рыцарских грабительских предприятий, которые мешали ее торговой деятельности. Перевести свое хозяйство на предпринимательские рельсы рыцари не умели да и не могли за недостатком средств. А между тем, потребности их, развитые товарным хозяйством, быстро росли. Легкий путь займа у ростовщиков только еще больше запутывал дела мелких помещиков. Перед ними оставалось единственное средство — увеличивать и без того тяжкий гнет, лежавший на крестьянстве. Они увеличивали барщину и оброки, захватывали общинные земли, ограничивали передвижение крестьян, стараясь снова прикрепить их к земле. Ненависть крестьянства к рыцарству возрастала. Эта ненависть распространялась и на ученых законников, которые обосновывали юридическими нормами несправедливости крепостников.

Духовенство собирало со всего земледельческого населения «десятину» в пользу церкви, увеличивая этим угнетение крестьян. Во многих случаях духовенство и само выступало в качестве феодального владельца.

Купцы также принимали деятельное участие в ограблении крестьян; их компании скупали за бесценок крестьянские изделия и вздували цены на предметы ремесленного производства, необходимые деревне. Они же выступали в качестве ростовщиков, а о ростовщиках даже сам Лютер писал: «Ростовщики скребут и дерут с крестьян кожу... Всякий, кто владеет сотней гульденов, может ежегодно сожрать одного мужика без всякого риска для себя и своего имущества, сидя за печкой и угощаясь яблочным пирогом».

Зависимых крепостных и вполне свободных крестьян объединяла общая ненависть к этим четырем разбойникам. После страшных уроков крестьянской войны господствующие классы смотрели на крестьян с опаской и недоверием. В их представлении крестьянин был нерадивым, хитрым и бесчестным рабом, который только и думает о бунте и воровстве. Вот как говорит о мужиках писатель середины XVI века Гарцон: «У большинства мужиков нет совести; они даже не знают, что это такое; они не считают преступлением обманывать и обкрадывать своего господина, где только можно; мужик об этом только и думает день и ночь; отговоркой ему в данном случае служит то, что он очень обременен. Я говорю это не обо всех крестьянах, так как было бы уж очень печально, если бы совсем не существовало порядочных крестьян, но о большинстве, что всем известно. От недостатка совести происходит и то, что они так ужасно клянутся, своей собственной скотине желают всякого несчастья; так же они относятся к чужим и людям и скоту. Они полны обмана и коварства, и если бы начальство не сидело у них так близко на шее, то они создали бы новый содом. Редко они ходят в церковь, еще реже—к исповеди; если бы они стали рассказывать все свои плутни, то им и священнику не хватило бы времени. Когда же они являются в церковь, то не дожидаются до конца и уходят с половины проповеди. Наложенной епитимии они не исполняют, да на это у них и времени нет. У мужика обыкновенно нет ни совести, ни чести, ни смысла: все у него хитрость, обман, притворство и злоба, этими качествами он проникнут до мозга костей».

Но как бы ни хулили мужика господствующие классы, все же благосостояние феодального строя покоилось на его крепких плечах и всецело зависело от работы его

рук. Даже эти враждебно настроенные писатели вынуждены были признать, что крестьяне—это «очень трудолюбивый народ», что «они работают не покладая рук и не имеют отдыха».

«Можно подумать, что крестьянин особенно проклят богом. Кроме общего проклятия, лежащего на земле за ее грехи, существуют еще тысячи проклятий, которые падают специально на крестьянина... То ручей выходит из берегов и все уничтожает, то буря выбивает семена из земли и портит виноградники; то является военный отряд, который отнимает у крестьянина все, что он нажил тяжелым трудом, и даже лишает его жизни; то дороговизна загоняет его на жидовскую улицу, где он оставляет все свои достатки; то является засуха, которая выжжет не только поле и плоды, но и кожу его; то холод загоняет его в избу на самую печь. Он мерзнет от холода, изнывает от зноя и все против него: и черви, и гусеница, и мыши, и блохи полевые, и блохи домашние, которые пожирают его» (Гарцон).

И что получает мужик за свой каторжный труд? Почти ничего.

«Они на работе с утра до поздней ночи. То, что они получают от своего поля и от скотины, они несут на продажу в город и покупают на это то, что им нужно. Между ними очень мало или вовсе нет ремесленников. Часто случается, что они целый год должны служить своим господам, обрабатывать землю, сеять, жать и возить на гумно, рубить дрова и рыть канавы. Нет такой работы, которой бы бедный народ не должен был делать и к которой бы его не приневоливали» (Мюнстер).

Удивительно, как при этих условиях крестьянин мог поддерживать даже самое скудное существование. И понятно, что в годину неурожая голод истреблял их, как

Врачи в больничной палате

С гравюры на меди 1692 г.

ноябрьский мороз губит мух. О воспитании детей заботиться было некому, и они росли, как дикие животные. Герой одного из романов говорит о себе, что, будучи мальчиком, он «не знал ни бога, ни людей, ни рая, ни ада, ни ангела, ни дьявола, ни добра, ни зла». Неудивительно, что всевозможные суеверия свили себе прочное гнездо в темной крестьянской массе.

И вот в эту угнетенную темную и убогую деревню пошел Гогенгейм со своей проповедью. Сохранились отрывочные сведения о его пребывании в деревнях Хунтвиль и Урнеш, в городке Гаисе. Он поддерживал свое существование жалкими даяниями крестьян, которым он оказывал врачебную помощь, ибо сам он говорил, что заботился об их «телах, вместилищах вечных душ».

Но как ни тяжело было существование крестьян и народных городских низов Аппенцеля, как ни велико было их озлобление против знатных и богатых, все же Парацельс не мог найти здесь благоприятной почвы для своей пропаганды. Он пришел в Аппенцель слишком поздно. Проповедь совершенствования жизни, возвращения к справедливости и братству, любви, необходимости уничтожения имущественного неравенства,—словом, все то, чему учил Парацельс, не было ново в этой стране. Швейцария была одним из мест возникновения и широкого распространения анабаптистского учения, основные идеи которого повторяла проповедь эйнзидельнского врача. Еще в самом начале 1525 года, когда анабаптисты были изгнаны из Цюриха, они разнесли по Северо-восточной Швейцарии свое учение. Тогда сильно разрослась их община в Сан-Галлене и под влиянием их агитации пришел в движение весь Аппенцель. Разразившаяся вскоре после этого крестьянская война в Германии благоприятствовала дальнейшему, развитию

анабаптистской пропаганды. Пусть швейцарские анабаптисты в массе своей были миролюбивыми сектантами, противниками всякого мятежа, все же кровавая борьба, происходившая вблизи границ республики, вселяла в них веру в осуществление их идеалов. Им казалось, что близилась катастрофа, предсказанная в Апокалипсисе, во время которой погибнут безбожники и останутся лишь избранные, кому суждено удостоиться тысячелетнего царствия.

Великая борьба мятежных германских крестьян против своих угнетателей окончилась поражением крестьян. Восторжествовавшие эксплуататоры с нечеловеческой жестокостью истребляли семена мятежа, не было конца жертвам их кровавого террора.

Швейцарским угнетателям было понятно, что рост в их стране анабаптистских сект, придерживавшихся опасных коммунистических идей, был невидимыми путями связан со страшными событиями крестьянской войны. Они не захотели отстать от блестящего примера своих немецких соседей. Уже во второй половине 1525 года преследование анабаптистов в Швейцарии стало всеобщим и беспощадным. Виновных в принадлежности к еретической секте или просто подозреваемых в этом сажали в тюрьму «на хлеб и на воду», наиболее опасных и упрямых—предавали казни.

Поэтому уже в ближайшие годы анабаптизм в Швейцарии пришел в упадок. Сохранились лишь отдельные тайные общества, немногочисленные по своему составу и не опасные для господствующих классов. После крестьянской войны, обнаружившей, какой горячий материал был собран в угнетенной средневековой деревне, конечно, преследования крестьян были особенно жестоки, и ни о каком движении среди них нечего было и думать.

В этих условиях попытки Парацельса найти себе еди-

номышленников и последователей в деревнях и мелких городах Аппенцеля были заранее обречены на неудачу.

Но, кто знает, приведи судьба в эти годы Теофраста в горнорабочие поселения или в среду революционно настроенных низов большого города, не стал ли бы он, подобно шапочнику Гутеру, основателем коммунистической колонии или не был ли бы Теофраст разорван раскаленными щипцами, подобно башмачнику Иоанну Лейденскому — вождю мятежного Мюнстера? Ведь анабаптизм был мирным учением, он отрицал насильственное возмущение против государственной власти и проповедывал долг терпеливого повиновения, но когда в Мюнстере создались необходимые революционные условия, эти непротивленческие тенденции были побеждены левыми течениями, и демократические реформаторы сумели взяться за меч. Так же и вера Парацельса в мирное достижение его общественных идеалов в иной обстановке могла смениться необходимостью защищать оружием свои взгляды.

Во всяком случае существует помимо совпадения во времени и некоторое внутреннее родство между деятельностью аппенцельского проповедника, революционными событиями в Мюнстере и исходом тирольских анабаптистов в Моравию.

После поражения в Швейцарии анабаптизм нашел благоприятную почву в Южной Германии и в Тироле.

Горнорабочее население Тироля являлось прекрасным материалом для проповеди социального переустройства на благо неимущим. Однако классовое самосознание горнорабочих не было настолько развито, чтобы они попытались восстать против своих эксплуататоров и основать на своей земле власть трудящихся. Когда гонения на тирольских анабаптистов со стороны австрийских властей приняли широкие размеры, их братства

устремились на поиски «обетованной земли», где им была бы предоставлена беспрепятственная возможность жить свободно. Такой новой «обетованной землей» для них явилась Моравия. Слабость государственной власти в этой стране, привычка к веротерпимости и заинтересованность феодалов в привлечении на свои земли трудолюбивых поселенцев,—все это создало благоприятные условия для переселения тирольских анабаптистов в Моравию. Приток их начался еще в 1526 году, но своего апогея переселение достигло в период с 1529 по 1533 год. Здесь переселенцы перешли к осуществлению на практике своих коммунистических воззрений. В общинах моравских братьев потребление было организовано на коммунистических началах (общие столовые, кухни и т. д.), а также и производство до известной степени было подчинено общественной организации.

Промышленная и сельскохозяйственная работы производилась прежде всего для удовлетворения потребностей общины.

Общины моравских анабаптистов просуществовали долго—более ста лет—и многие из них развились до цветущего состояния. Но по мере роста своего богатства они утрачивали свои первоначальные коммунистические принципы, переходили к найму рабочих со стороны, подвергавшихся не меньшей эксплуатации, чем у любых других предпринимателей.

Тирольские анабаптисты попытались провести в жизнь свои идеи, не вступая в бой с государством и господствующими классами: для этого у них нехватало сил и смелости.

Иной путь был пройден южногерманскими «братьями»; их кратковременная, но отважная борьба за установление нового, «справедливого» общественного порядка смертельно испугали имущие классы всей Германии

и надолго осталась в памяти эксплуататоров как грозное событие, свидетельствующее о преходящем характере их власти и их благополучия. Южногерманское анабаптистское движение развивалось главным образом в больших городах, где городские низы легко поддавались коммунистической пропаганде. Анабаптизм здесь на самых первых порах стал вызывать большие опасения у власти, и уже знакомый нам доктор Экк писал в 1527 году герцогу Георгу Саксонскому: «Эта секта возбуждает сильные опасения, и... от нее надо ждать большего вреда, чем от недавнего крестьянского восстания, ибо она коренится в городах».

Первоначально одним из главных центров южногерманского анабаптизма был Страсбург—город с сильно развитым ткацким производством. Среди сектантов передавалось пророчество о том, что в 1533 году в Страсбурге произойдут необычайные события и в нем будет основан «новый Иерусалим» под властью анабаптистов. Но правительство и городские власти Страсбурга оказались слишком сильными, а сектанты—недостаточно решительными для активных выступлений, и 1533 год прошел без каких-либо происшествий. Тогда распространилось сказание о том, что господь отказался от Страсбурга за его неверие и избрал на его место Мюнстер, который и будет «новым Иерусалимом». После нескольких лет борьбы с епископской властью и имущими классами Мюнстера анабаптисты при поддержке городской бедноты в 1534 году захватили власть в городе и основали в нем новое государство, в котором были введены некоторые коммунистические начала: трудовая повинность для всех граждан, экспроприация некоторых орудий производства и предметов потребления и пр.

Революционное движение здесь настолько созрело, что, отбросив обычные непротивленческие тенденции анабап-

тизма, организовало твердую власть, опирающуюся на террор для борьбы с внутренними и внешними врагами. Шестнадцать с половиною месяцев просуществовала Мюнстерская коммуна. Епископ оказался слишком слабым, чтобы победить ее.

Германский рейхстаг вынужден был объявить осаду Мюнстера общегосударственным делом и для скорейшего ее окончания установить специальный налог: так напуганы были правящие классы этой мощной вспышкой революционных настроений городских низов. После героической защиты Мюнстер пал, и это было последним большим революционным событием эпохи реформации.

В то самое время, когда тирольские сектанты массами уходили в Моравию, а мюнстерцы захватили власть в свои руки, Теофраст закончил свои аппенцельские скитания и возвратился от проповеднической деятельности снова к врачебному искусству. Он, очевидно, примирился со своей неудачей на поприще религиозного проповедничества, а голодная нищенская жизнь опостылела ему. Он говорил, что «стал прямо-таки без всяких средств, нищенски беден и должен был вернуться к врачебной практике, чтобы кое-как перебиваться».

Весной 1534 года неудачливый религиозный реформатор в отрепанном платье направился в Инсбрук, но и здесь заняться врачебной практикой ему не удалось. Бургомистр запретил ему пребывание в городе, ибо не хотел верить, что этот оборванец является врачом.

Сам Парацельс рассказывает об этом эпизоде следующее: «Пока он показывался не в обычном для докторов наряде, был он с презрением выгнан и вынужден удалиться. Бургомистр Инсбрука видел докторов в шелковых платьях, а не в разорванной ветоши, жарящихся на солнце. Теперь возникли разговоры о том, что он не является врачом».

Знаменитый врач

Парацельсу шел сорок первый год, когда он вернулся к прерванным занятиям медицинской наукой и широкой врачебной деятельности. Настали дни последней и решительной борьбы его с врагами и преследователями. Против него были могущественные медицинские факультеты и громадное большинство врачебного сословия. Церковь и власти смотрели с подозрением на этого человека, который придерживался опасных социальных воззрений и за которым утвердилась слава мага и чародея.

Но такова была убежденность Парацельса в правильности своего дела, столько энергии и воли было в этом человеке, что он вышел победителем из этой неравной борьбы. Ему удалось завоевать широкую известность как замечательному врачу-практику, добиться опубликования своих важнейших трудов и, наконец, на долгие годы приковать внимание врачебного мира к своему учению. Несомненно, что эти успехи им были достигнуты в те последние семь лет его жизни, которые он начал неудачной стычкой с бургомистром города Инсбрука.

Покинув этот город, Парацельс через Бренер направился в Штерцинг, где в это время свирепствовала чума.

Некогда знаменитый римский врач Гален, напуганный эпидемией чумы, бежал из Рима; Теофраст фон-Гогенгейм, наоборот, поспешил в зараженный Штерцинг и предложил городу свои услуги, ибо знал, «какое страшное действие оказывала появившаяся чума и сколь многие умирали»,—эта параллель рисует Теофраста с выгодной стороны, как преданного своему призванию энтузиаста и смелого человека.

Однако и здесь встречен он был не слишком приветливо, ибо в написанном позднее предисловии к книге «О чуме в городе Штерцинге» он говорит, что в Меране «он нашел больше счастья и чести, чем в Инсбруке и чем в Штерцинге, где он не заслужил большой благодарности ни своей деятельностью, ни своими писаниями».

Снова начались беспрерывные скитания, всреницей проходили перед ним города, местечки, деревни, бесконечный ряд людей всех сословий и состояний. В юности Парацельс обошел многие страны, тогда—любопытный ученик, искавший ответа на волновавшие его вопросы. Теперь это был обладатель обширных знаний, умудренный огромным опытом врач, который искал твердого поприща для приложения своих знаний и беспрепятственной пропаганды своих взглядов.

Неутомимый спутник недолго пробыл в Меране, потом пересек Вингау, Фелтлин, Обергадин и посетил С.-Мориц, прославленный своими минеральными источниками. В августе 1535 года Парацельс гостил у аббата Иоганна-Якоба Руссингера в Пфефферсе, занимаясь здесь врачебной консультацией, здесь же он написал книгу: «Добродетели, силы и действия, источники и происхождение пфефферских вод». Потом он направился в Швабию, сделал остановку в Меммингене; в Миндельгейме он излечил долго и тяжело болевшего городского писца Адама Рейснера,

Как прежде в Эльзасе, так теперь в Швабии возникли слухи о появлении «нового Эскулапа». Этому способствовали не только удачные результаты лечения, но и уверенные манеры знаменитого врача, которые иногда граничили с шарлатанством. Так, например, Рейснеру доктор Теофраст заявил, что «если он дважды примет лекарство, ему прописанное, то в течение шести лет не будет он иметь надобности во врачах и их советах». Один из биографов Парацельса добавляет к этому, что городской писец действительно после этого многие годы пользовался завидным здоровьем и прожил более семидесяти лет.

Наступил 1536 год—счастливейший год в жизни Парацельса.

В Ульме ему удалось заключить договор с издателем Фарниером о печатании его капитального труда—«Большой хирургии». Но работа была сделана небрежно, беззаботный предприниматель допустил массу опечаток в книге, на которую ученый возлагал большие надежды. Несмотря на протесты Парацельса, книга вышла в свет изуродованной.

Возмущенный Парацельс вскоре же добился выпуска исправленного текста в Аугсбурге в типографии Штейнера. Сам лично он просматривал и правил корректуру и в обращении к читателю объявил аугсбургское издание единственно действительным. Первая книга «Большой хирургии» вышла в Аугсбурге 25 июля 1536 года, а вторая—22 августа.

С этого момента возникает и растет широкая известность Парацельса. Наконец, ему посчастливилось побороть заговор молчания, современники вынуждены были считаться с неоспоримым фактом, что в первых рядах ученых медиков стоит Теофраст фон-Гогенгейм.

После Аугсбурга Парацельс недолгое время жил в

Эффердингене у своего старого коллеги доктора фон-Брандта. Потом его призвал к себе в Кромау Иоганн фон-Лейпник—маршал королевства Богемии. В Кромау он не только лечил маршала, но и много работал над созданием новых медицинских трудов. За этот период им были написаны: книга о тартарических болезнях, третья книга «Большой хирургии» (закончена она 4 июня 1537 г.) и три книги «Philosophia sagax». Четвертую книгу он не закончил—надо думать, что виной тому было начало нового путешествия. На этот раз он покидал место своего пребывания не как беглец, не после новых неудач и разочарований. Его вельможный пациент, состояние здоровья которого улучшилось, милостиво разрешил ученому направиться в Вену, где Парацельс хотел еще раз попытаться дать бой своим ученым противникам.

На пути в Вену он посетил Прессбург, где был принят в доме городского судьи с почетом, подобающим знаменитому врачу.

Счет за потребленные припасы на этом празднестве, сохранившийся в архивах города, начинается следующими словами:

«В пятницу перед Михайловым днем (конец сентября 1537 г.) господин доктор Теофраст были на угощении у господина Власия Бегама и сидели они вместе за двумя столами. И припасами ведающий закупил...»

В счете упомянуты: рыба для варки, печенья и жаренья, пшеничный хлеб, вино, крупа, молоко, яйца, рубленая капуста, петрушка, уксус, топленое сало, плоды, сыр—все это на крупную сумму. Составитель счета не пропустил и вознаграждения кухарке.

Говорили, что в Вене «доктор обеих медичин» был дважды принят королем Фердинандом, которому посвящена «Большая хирургия». И, очевидно, эта королевская милость заставила венских врачей воздержаться

от открытых выступлений против Парацельса. Сам он писал, что венские врачи не отваживались с ним диспутировать. Множество людей обращалось к Парацельсу за советом и помощью, в заработке недостатка не было, и Теофраст вел в Вене веселую и праздничную жизнь, «с добрыми товарищами на Дунае транжирил свои деньги». Но и веселая столичная жизнь лишь на короткий срок задержала этого вечного странника; уже в начале 1538 года он направился в родной Виллах, где четыре года тому назад (8 сентября 1534 г.) умер его отец Вильгельм. Недалеко от этого города в местечке С.-Фейт прожил он некоторое время. Снова наступил период плодотворной литературной работы. Здесь Парацельс закончил «Хронику и происхождение Каринтийской земли» и написал «Медицинский лабиринт», введение к которому датировано 1 августа и заключительная часть — 3 сентября.

С 1539 до 1541 года Парацельс непрерывно странствовал. Пребывание его можно проследить в Аугсбурге, Мюнхене, Бреславле, Гретце. Наконец, в начале 1541 года он вновь на недолгий срок возвращается в Вену, чтобы отсюда предпринять последнее в своей жизни путешествие.

Уже в это время здоровье Парацельса пошатнулось — об этом свидетельствуют его портреты, относящиеся к 1538—1540 годам, рисованные Августином Гиршфогелем из Нюрнберга. Спина его слегка согнута, безбородое лицо испещрено морщинами, две глубокие складки залегли у плотно сжатых тонких губ, голова облысела и ее украшает только узкая кайма вьющихся волос. Высокий лоб его от огромной лысины кажется еще больше, он нависает тяжелым куполом над глубокими глазными впадинами, из которых выглядывают все еще живые и острые глаза.

В ярком пламени бурной и деятельной жизни человек этот сгорел быстро, много раньше, чем это установлено для среднего нормального индивидуума. Какой железный организм мог бесследно перенести изнурительные скитания, многолетнее полуголодное существование, бессонные ночи, в которые предавался он своим литературным трудам? Какие нервы могли без ущерба вынести бесконечные преследования врагов, постоянную неуверенность в завтрашнем дне, неоднократные угрозы тюремного заключения, а может быть и смерти? Нашлись люди, которые говорили о темной и порочной личной жизни ученого, обвиняли его в пьянстве и разврате и пытались этим объяснить его раннюю смерть. Фактов, подтверждающих эти измышления,—нет. Он был человек, обыкновенный человек из плоти и крови. Он любил труд и предавался ему с необузданной страстью, но ему люб был и отдых, законно заработанный им. Неоднократно в своих писаниях Парацельс упоминает о веселых и шумных попойках с друзьями. И можно ли осуждать его за то, что иногда он не знал меры вину и шуткам?

Давайте измерим версты, пройденные Парацельсом, взвесим тяжесть условий его жизни и подсчитаем число страниц его ученых трудов, тогда станет ясно, что нечеловеческое напряжение подорвало силы этого человека и нет надобности искать других причин его ранней смерти.

Теологи, философы и маги

Теофраст Бомбаст фон-Гогенгейм, именуемый Парацельсом, в истории научного естествознания стоит особняком—смелый критик и новатор, переросший свое время. Парацельс был первым ученым, поднявшим оружие беспощадной критики против всего, что мнилось средневековому врачебному миру незыблмым и священным: учений Гиппократа, Галена и Авиценны, методов преподавания средневековой школы, латинского языка, который единственно достоин изгнать науку.

Он развенчивал средневековую алхимию и смело ставил ей новую цель — служить медицине. Он смеялся над астрологией, некромантией (ее он именовал нарромантией — наукой дураков) и другими тайными науками.

Парацельс последовательно проводил в жизнь свои взгляды, не отступая перед насмешками, непониманием и гонениями.

Он был опасным бунтовщиком в науке. Великолепным мужеством отмечены его критические дерзания, ибо в это глухое и фанатичное время человек, поднимавший борьбу с идеологией, освященной авторитетом церкви и государства, рисковал всем—спокойствием, имуществом и жизнью.

Парацельс не уклонился и от политической борьбы своих дней, выступив в этой области с крайними воззрениями, которые также не могли быть приятны господствующим классам.

Естественные науки в ту пору нуждались прежде всего в освобождении от гнета авторитетов и догм, в утверждении за учеными права на свободное исследование. Дерзким новаторам, в первом ряду которых стоит Парацельс, нужно было расчистить почву для ничем не стесненного опытного знания. Только после этого вековая упорная работа множества естествоиспытателей, великих и малых, могла разрешить гигантскую задачу построения нового научного естествознания и, в частности, новой медицины. Однако Парацельсу принадлежат не только огромные заслуги в переоценке старых научных ценностей и разрушении ложных идеалов. В его медицинских и философских трудах разбросано немало блестящих новых мыслей, которые вошли в железный фонд мировой науки. Этот разрушитель был одновременно и творцом; и только как творец нового он мог стать могучим разрушителем.

Конечно, тогда не могло быть и речи о немедленном возведении на обломках разрушаемых воззрений строительного законченного здания новой науки. Для этого необходимо было накопление огромного фактического материала, кропотливая долгая работа, преодоление многих предрассудков и заблуждений. Все это было не под силу одному человеку и неосуществимо за короткий период одной человеческой жизни. Не надо преувеличивать и возможности самого Парацельса. Пережитки средневекового мировоззрения тяготели над ним. Философия и медицинская система Парацельса, которые он пытался создать вместо отвергаемых им, хотя и являются бесспорным шагом вперед по пути освобождения разума

от пут теологии, все же находятся под сильным влиянием религиозно-идеалистических заблуждений и содержат многочисленные ошибки, вызванные младенческим состоянием естественных наук.

Но несмотря на заблуждения своей общей медицинской концепции и вопреки им, могучий ум Парацельса дал науке ряд верных мыслей, блестящих догадок и провидений.

Парацельс почти за целое столетие до Бэкона Веруламского провозгласил опыт единственным руководителем в научном исследовании. «Медицина является не чем иным, как большой добросовестной опытностью»,— говорил он и пытался строить новую науку, опираясь на свой собственный опыт, на свои эксперименты, а не на компиляции из чужих сочинений.

Ныне мысль о тесной взаимной связи между всеми естественными науками и о необходимости использования медициной других отраслей естествознания является мыслью само собой понятной и даже тривиальной.

Не то было во времена Парацельса. Когда он заявил, что процессы, совершающиеся в человеческом теле, сводятся к химическим превращениям, а химия имеет своей основной целью изготовление лекарств, то это было революцией и в области медицины и в области химии. О том, насколько новы и еще малодоступны были эти взгляды, свидетельствует упорная борьба, развернувшаяся вокруг вопроса о правомерности проникновения химии в медицину. Даже в XVIII веке Борде писал: «Химия с начала своего существования стремится завоевать медицину..., но нам нечего делать с химией», а ученик Штала—Юнкер—говорил: «Химии нечего делать в области медицины».

Современная медицина почти забыла о великом эйнзидельнце. Историки медицины заявляют: «В медицине не

Осталось ничего, сохранившего имя Парацельса, вошедшего в историю главным образом в качестве основателя и пламенного апостола химии». Но это неверно. Пусть лекарства, применявшиеся Парацельсом, действительно отошли в прошлое, все же и современное практическое врачевание многим обязано ему и медицина использовала ряд мыслей, высказанных впервые доктором Теофрастом.

Так, его работы о сифилисе были глубже и вернее работ его современников и стали прочным достоянием науки только в XIX веке.

Позднейшая медицина вынуждена была подтвердить его высказывания о значении минеральных источников в лечении ряда болезней (подагра, артрит, ишиас и др.).

Парацельсом было положено начало металлотерапии.

В его трудах уже находятся намеки на возможность существования микроорганизмов, являющихся возбудителями заразных болезней.

В учении Парацельса истинно гениальным было провозглашение материалистических принципов научного исследования: необходимость непосредственного изучения природы, обоснование медицинской науки опытным материалом. И когда он неуклонно следовал этим своим принципам, тогда творчество его поднималось до высот истинных научных достижений. Но в конечном счете всякое научное творчество определяется философскими воззрениями ученого. Чтобы до конца понять учение Парацельса и выяснить причины его многочисленных ошибок и заблуждений, надо ознакомиться с его философскими взглядами.

Философия—наука об основных принципах развития бытия и мышления, она ставит своей задачей объединить все человеческое знание единым принципом и методом, она связывает в единое целое и стройное мировоз-

Портрет Парацельса за год до смерти

По рисунку Августина Гирцфогеля

зрение всю совокупность человеческих знаний. Философия всегда является концентрированной идеологией определенных классов в данную эпоху исторического развития. Она отражает действительность, реальное общественное бытие, изменяется вместе с ним.

В эпоху феодализма над человечеством господствовало церковное мировоззрение. Католическая церковь была могучей силой, властно вмешивавшейся во всю жизнь европейских стран и народов. Ни национальные различия, ни государственные границы не могли воспрепятствовать распространению ее влияния, с нею вынуждены были считаться все владыки и правители. Все это должно было быть ясно вечному страннику—Парацельсу, который прошел почти все европейские страны и наблюдал условия существования стольких народов. Около одной трети земельных участков в странах Европы принадлежало церкви, она сосредоточила в своих руках огромные богатства. Духовенство является наиболее образованной категорией людей, монастыри были не только центрами религиозной учености, но в них развились сельскохозяйственные и промышленные знания, школьное образование и врачебная наука. Религиозные нормы наложили свой отпечаток на все области общественного бытия: политику, право и нравственность. Мышление средневекового человека воспитывалось и направлялось церковью.

Не удовлетворяясь этим, церковь хотела предписывать свою волю всему мирозданию. Жизнь вселенной, движение планет, развитие земли—все должно было подчиняться ее авторитету и служить начертанным ею целям.

Основы науки о вселенной установлены священным писанием. Они вечны, неизменны и непререкаемы. Земля с населяющими ее людьми является центральным пунктом всего мироздания,—так учила католическая церковь.

Во славу творца и для нас, людей, созданы небесные планеты и солнце изливает свой свет. Животные, растения и вообще все в мироздании сотворено для нужд человека.

Представление о построении вселенной средневековая церковь заимствовала у греческого астронома Птолемея, жившего около середины II века. По этому учению, в центре всего мира неподвижно стоит земля. Вокруг нее в семи сферах движутся: солнце, луна и пять известных в то время планет—Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. В последней, восьмой сфере, представляющей собой как бы оболочку видимого мира, расположено небо неподвижных звезд.

Церковная наука добавила к этой птолемеевой картине мироздания еще одно новое небо над сферой неподвижных звезд—место, где обитают души праведников, ангелы и сам творец вселенной.

Эта религиозно-библейская геоцентрическая система мироздания и установленные религией нормы поведения общественного человека, а также схоластическая философия—все это должно существовать вечно для утверждения феодального строя и во славу католической церкви, которая была его «санкцией и наивысшим обобщением».

Но устои феодализма подгнили и шатались, наступала эпоха буржуазного развития. Новая общественная практика, накопленный опыт, наблюдения природы входили в явные противоречия с церковной наукой. Казалось, сама природа взбунтовалась против феодального разума, против прошлого, против самой себя, и нет выхода из ежечасно возникающих противоречий.

Земля—этот первенец творения, неподвижный центр вселенной—была только одной из многих планет и сама вращалась в небесном пространстве вокруг солнца. Из-

вестная дотоле карта мира была лишь небольшой частью земной поверхности, и отважными мореплавателями открывались все новые и новые, неизвестные ранее страны. Природа обнаруживала необычайные секреты и закономерности: так, была открыта ужасающая сила пороха и строго обусловленное движение магнитной стрелки. Наконец, сам человек в руках дерзких анатомов, этих «выкапывателей человеческих трупов», открывал удивительные тайны своего строения, а в основе происходивших в его теле процессов, оказывалось, лежали простые химические превращения. Приходил конец незыблемому авторитету церкви, но феодальное мировоззрение все же долго и упорно боролось за свое существование.

Процесс ломки феодальной системы начался в экономической области. Развитие торговли, ремесел и денежного хозяйства расшатало феодальное землевладение, весь старый порядок и выдвинуло на авансцену молодой буржуазный класс. Классовые и сословные противоречия обострились, наступила эпоха социальных потрясений и революционной борьбы, но в то время, когда буржуазия завоевывала экономическое и политическое господство, власть средневекового мировоззрения продолжала еще оставаться незыблемой. Несмотря на изменения экономического базиса, старая идеологическая надстройка по инерции продолжала свое существование. Коренная ломка этой надстройки готовилась медленно. Начали ее естествоиспытатели и продолжали философы.

Властителями дум средневековья были теологи. Не только философия, но и все прочие науки были лишь «служанками теологии». Бунт против главенства теологии начался в области астрономии, и это было понятно, ибо эта наука касается вопросов образования и строения мира, вопросов, имеющих коренное значение для челове-

ческого мировоззрения. Имя первого великого бунтаря — Коперник (1473—1543 гг.). Его замечательный труд «Об обращении небесных тел» разрушил традиционную картину мироздания, воздвигнутую средневековой церковью. Коперник доказал, что земля не постоит неподвижно, и солнце, планеты и звезды не вращаются вокруг земли, а, наоборот, сама земля, кружась подобно волчку вокруг своей оси, одновременно движется вокруг солнца. Остальные планеты, подобно земле, также вращаются вокруг солнца и вместе с землей составляют солнечную систему.

Трудно было предвидеть все последствия открытия Коперника для человечества. Это был сокрушительный удар по библейскому сказанию о сотворении мира, по геоцентрической системе, по основам церковного мировоззрения. Можно предполагать, что Коперник сам понимал революционную сущность своего учения и страшную опасность, которой подвергал он себя, входя в конфликт со всемогущей церковью. Недаром Коперник свою книгу, опубликованную в год его смерти, посвятил святейшему папе, и изложению его учения было предпослано благочестивое предисловие богослова Озиандера. Церковь примирилась на том, что система, предлагаемая Коперником, являлась простой гипотезой, удобной для вычисления движения небесных светил, но не претендующей на истину, на безусловное соответствие действительности. Только такая трактовка учения Коперника спасла его книгу от уничтожения и он не был немедленно объявлен еретиком. Но уже ближайший последователь его — Галилей — пал жертвой церковного преследования, а Джордано Бруно, использовавший астрономическую систему Коперника, чтобы построить новую, в основе своей материалистическую философию, был сожжен в папском Риме на Площади цветов.

На пороге новой капиталистической эпохи на смену средневековым схоластикам пришли новые властители дум—философы. Это были первые философы-материалисты, высказывавшие мысли и чаяния молодого прогрессивного класса буржуазии. Если Маркс назвал Френсиса Бэкона Веруламского «основателем английского материализма и всей опытной науки нового времени», то Джордано Бруно был его предшественником и чрезвычайно близко подошел к формулировке материалистического мировоззрения.

Теологи учили, что вера выше, чем знание, и Ансельм Кентерберийский говорил, что «он не стремится понимать ради веры, но верит, чтобы понимать». Так знание подчинялось религии.

Бруно утверждал, что предметы веры и научного знания различны, что философское познание имеет своим объектом природу и человека, что оно вполне самостоятельно на этих своих путях.

Для теологов церковный авторитет был непререкаем. Бруно противопоставил ему научное познание вселенной, отрицающее всякие авторитеты.

Теологи видели цель философии в теоретическом обосновании религиозной идеологии, в доказательстве церковных догм.

Бруно учил, что задачей мышления является познание природы.

Теологи не сомневались в том, что мир создан богом, и утверждали главенство бога, т. е. духовного начала над материальным.

Бруно прозревал основные положения материализма: мир есть нечто, имеющее основание в самом себе и не нуждающееся в боге для своего возникновения; не существует разрыва между духовным и материальным, ибо мир-природа едина в своей основе.

Джордано Бруно был не только учеником Коперника, но пошел дальше своего учителя, распространив выводы его теории на всю вселенную. Бруно первый выдвинул мысль, что бесконечная вселенная состоит из бесконечного числа миров, что за пределами нашей солнечной системы существует и движется неисчислимое множество миров. Этим был нанесен последний сокрушительный удар по геоцентрическим представлениям о мироздании.

Конечно, Бруно еще далек от последовательно-материалистической точки зрения, в его учении много остатков той старой философии, беспощадную войну которой он объявил. Но несмотря на это, перед нами боевой идеолог революционного тогда класса буржуазии. Учение его глубоко враждебно религии, как представляемой папской церковью, так и протестантской. И если «честь» сожжения Бруно принадлежала папству, то ведь и лютеране сожгли другого представителя новой философии — Сервета.

Философия Бруно вздымается подобно могучему горному кряжу над бесплодной пустыней феодальной схоластики, но чтобы достигнуть ее вершин, требовался долгий и тяжелый путь восхождения. И если эта философия предвосхищала основные вехи философских систем Бэкона, Спинозы, Лейбница, английских и французских материалистов, то сама она в свою очередь явилась обобщением большой работы, проделанной мыслителями XV и XVI веков.

Предшественниками Бруно были Леонардо да Винчи, Вивес, Телезий, Николай Кузанский, Кампапелла — люди, олицетворяющие историю развития итальянской натурфилософии.

Схоластика явилась порождением феодального строя, она крепла с его развитием и достигла своего высшего

расцвета в XIII столетии, затем наступил ее распад. Философская система Бруно — пограничный столб, за которым начиналась страна новой философии.

Начало XVI века — время возмужания и творческой деятельности Теофраста Бомбаста фон-Гогенгейма, еще слишком незрело, чтобы породить философию, подобную учению Бруно, но в то же время уже переросло узкие рамки схоластических воззрений.

В Италии, стране экономически наиболее передовой, в это время развивается натурфилософия. В Англии Томас Мор выступает в качестве социального реформатора и родоначальника утопического социализма.

В отсталой Германии в эти же годы возникает магическая философия.

Маркс говорил: «Чудотворные исцелители и чудотворные исцелительные средства в медицине основываются на незнакомстве с законами естественного мира».

Именно незнание законов естественного мира породило магию как искусство воздействия на природу и преобразования ее с помощью потусторонних чудесных сил. Магия рождается еще в первобытном обществе — это магия дикаря. Потом она трансформируется в жреческую магию, искусство привилегированного класса, которое используется им для запугивания и одурачения угнетенных масс. Церковь официально заклеила магию, но никогда не могла побороть ее окончательно. Наоборот, в конце средних веков магия делает новые широкие завоевания уже как наука, как попытка логически обосновать какими-то общими законами еще бедный и разрозненный опытный материал естественных наук.

Эта магия позднего средневековья таит в себе протест против власти теологии и научного застоя и, будучи сама ложной наукой, все же расчищает дорогу для науки истинной.

Положительную науку приходилось строить, выбирая из алхимии, астрологии и других магических наук многие истинные знания, действительные открытия, полезные приемы и решительно отбрасывая пустую шелуху чудес и потусторонних бредней.

Наиболее ярким представителем магической философии был Генрих-Корнелий-Агриппа фон-Неттесгейм (1486—1535 гг.). Он написал «Сокровенную философию»—книгу, в которой магическое учение сведено в единую систему и которая создала автору славу мага и чародея.

Если Бруно и его предшественники резко порывали с традиционными взглядами христианской церкви, и в их философии ясно намечались материалистические и атеистические тенденции, то маг Агриппа еще обеими ногами стоит на почве этого традиционного учения.

Он приемлет картину мироздания, создавшую церковь на основе астрономии Птолемея и физики Аристотеля, он еще во власти представления о всемогущем боге, промыслом которого создан и управляется мир.

Но под этим внешним признанием церковного авторитета скрываются опасные мысли, которые приводят его к конфликту с церковью.

Агриппа выступает поборником могущества человеческого познания, он верит в то, что человеку не надлежит бессильно склоняться перед тайнами природы; его право и долг—познать законы природы и использовать это знание для своего владычества над природой.

Пусть он признает в мире наличие чудесных «высших сил», влияющих на природу, но он утверждает, что «низшая» природа также, в свою очередь, влияет на эти высшие силы. Все в мире находится во взаимодействии и во взаимном притяжении и отталкивании.

Стоит человеку познать это магическое взаимодействие

вещей и сил, и он станет их господином. Поэтому магия для него наиболее всеобъемлющая и высшая наука, в ней обобщаются данные практических наук того времени: алхимии, математики и астрономии.

Магия, по учению Агриппы, делится на три науки: физику, которая учит о природе вещей, существующих в мире, математику, учащую наблюдать природу в ее трех протяжениях и движение небесных светил, и, наконец, теологию—учение о высших силах (боге, душе и т. п.) и религии.

Агриппа не в силах освободиться от векового суеверия, от веры в божественные силы, но он дерзко пытается найти в окружающей природе разгадку тайн вселенной и этим путем изменять мир.

Самое важное заключается в том, что при таком направлении магия начинает общение с самой природой, делает опыты, вводит эксперимент, как того требует действительное исследование природы.

На этих своих путях магия способствует развитию истинного естествознания и духа свободного исследования. Но одновременно она таит опасность ухода в область мистики—учения о непосредственном общении человека со сверхъестественными силами—богами, духами и т. п., учения, являющегося испытанным оружием реакционеров, используемого для ослабления активности трудящихся масс, ибо мистика отвлекает их в область религиозной фантазии и способствует закреплению владчества эксплуататорских классов.

Но эти мистические стороны магии не являются главным для Агриппы. Позднее в своих письмах он говорил, что не верит в силы оперативной магии, считает веру в возможность вызывать демонов и овладевать их силами—предрассудком, а магические церемонии—шарлатанством. В трактате «О тщете наук» он подверг язви-

тельной критике современные ему знания и подготовил почву для будущего критицизма.

Агриппу и Парацельса в позднейшие времена именовали двумя знаменитейшими магами. Можно отбросить в сторону приписываемые им чудеса и «тайные» знания — плоды досуговой фантазии; в качестве связующего звена между ними останутся: несомненное сходство философских воззрений и совпадающие контуры личной жизни, богатой приключениями и борьбой.

За время своих скитаний и опытов практического врачевания Теофраст собрал богатый фактический материал, как бы грудку камней, из которых при углубленной экспериментальной работе можно было постепенно выкладывать здание новой медицины. В его руках были рецепты многочисленных лекарств, им были произведены наблюдения над всевозможными болезнями, собраны и изучены тайные народные средства. Но этого было мало; пыливый ум молодого ученого искал философской системы, которая связала бы в единое стройное целое все его понимание мира и природы, частью которого явились бы накопленный им опытный материал и добытые с таким трудом естественно-научные сведения.

Жизнь столкнула молодого Гогенгейма с приверженцами магической науки еще в дни его молодости. В своей книге «Большая хирургия» он упоминает в числе своих учителей «аббата из Спонгейма». Под этим именем был известен Иоганн Тритгейм — друг и единомышленник Агриппы фон-Неттесгейма.

Тритгейм прославился своей ученостью, был знатоком древних языков и оставил после себя оригинальные и необычайно запутанные магические произведения. Он придал Спонгеймскому монастырю столь высокую славу, что его посещали крупнейшие ученые и высокопоставленные лица, которые считали за честь побеседовать

с ученым аббатом. Но это не спасло Тритгейма от травли и обвинений в колдовстве, после чего он вынужден был оставить Спонгейм. Теофраст встретился с Тритгеймом несомненно уже после его изгнания из монастыря и от него услышал об учении Агриппы, которое пленило молодого ученого медика и оказало сильное влияние на его собственные воззрения.

Парацельс был врачом, во врачебной деятельности видел свое истинное призвание и высоко ставил медицину над всеми другими науками. Он создал своеобразную медицинскую систему, которая в то же время и философское мирозерцание. Для Агриппы «наука всех наук» — магия, для Парацельса такой же всеобъемлющей наукой является медицина. Ей он подчиняет теологию, философию, астрономию и алхимию как четыре опоры истинной медицины.

Но если таким ореолом окружено искусство врачевания, то, следовательно, человек как объект этой науки должен быть центром мироздания, ибо иначе нельзя обосновать первенствующее значение медицины как «науки всех наук». И вот Парацельс рисует новую картину мироздания.

Вселенную он уподобляет яйцу, которое развивается под действием внутренних своих сил. Ее объемлет, подобно скорлупе, воздухообразный хаос — первая материя. Белок — это сфера воздуха и огня с наполняющими их существами. Земля и вода составляют желток. И, наконец, в середине птенец — человек, подлинный центр мироздания.

Среди необъятно большого мира (который Парацельс именует макрокосмом) человек является средоточием всех действующих его сил, как бы малым миром (микрокосмом), отображающим все многообразие вселенной.

Это одностороннее преувеличение значения человека

толкает Парацельса в объятия религиозных воззрений, вводит его в порочный круг религиозных и мистических представлений. Так, в его системе укрепляется бог, сотворивший человека по образу своему и подобию, мир населяется духовными существами, а человек должен иметь бессмертную душу, ибо представление о смерти как об уничтожении несовместимо с высоким назначением человека, который есть цель творения и для которого создано все. Но если быть последовательным, то в таком случае между медициной и магией должен быть поставлен знак равенства, и лечение надо в первую очередь строить на магических основах, на привлечении потусторонних сил. Этот вывод неприемлем для Парацельса-естествоиспытателя, ибо для него только изучение природы создает истинную медицинскую науку, он не хочет бросить грешную землю для поисков лечебных средств в духовном мире, так как знает, что лучшие лекарства заключены в минералах и растениях, в многообразных элементах земли. Возникает противоречие между его медицинской наукой и заимствованной философией.

Тогда на помощь ему приходит учение Агриппы о всеобщем взаимодействии вещей и влиянии низших сил на высшие. Ему не надо вызывать демонов и духов, он может получить необходимые для его целей силы в окружающей его природе и, в первую очередь, с помощью химии.

Но и химия Парацельса крайне примитивна, неизмеримо далека от научной химии. По его учению, человек состоит из серы, ртути и соли. Гармоническое сочетание этих элементов обеспечивает здоровье, а нарушение равновесия вызывает болезни: так, преобладание серы порождает лихорадку, соли—водянку и т. д. Сходство «микрокосма» с «макрокосмом», т. е. человеческого ор-

ганизма с миром, часто толкает Парацельса на поиски странных лекарств. Так, например, он решает, что водянка является не чем иным, как «микрокосмическим наводнением» и поэтому ее следует лечить веществами, высушивающими организм (ртуть, сера, железо). Ему представляется, что природа отмечает лекарства известными знаками, которые могут служить путеводной нитью для врача: так, чистотел помогает против желтухи потому, что у него желтый сок, а растением *Anacardium* можно лечить болезни сердца, так как плоды его имеют форму сердца.

Истинного величия Парацельс достигает только тогда, когда его опыты, его методы лечения, его высказывания по поводу алхимии и астрологии вступают в непримиримые противоречия с мистическими основами его философии, когда он таким образом сам разрушает воздвигнутое им философское здание.

Парацельс был прежде всего выдающимся врачом своего времени. К философии он пришел через медицину. Но философские его заблуждения не могли не оказывать отрицательного влияния на его медицинское учение.

Спустя двести лет француз Ламметри, также начав с врачебной науки, обратился к занятиям философией. Но экономическое развитие к тому времени шагнуло далеко вперед, неизмеримо далеко вперед ушло развитие естественных наук. Поэтому Ламметри выпала честь стать воинствующим материалистом, одним из предтеч Французской революции. Не вина Парацельса, а его несчастье в том, что он родился слишком рано.

Доктор Фауст

В начале 1541 года Гогенгейм предпринял свое последнее путешествие—из Вепы в Зальцбург. Говорили, что в Зальцбург призвал прославленного врача архиепископ Эрнст—пфальцграф рейнский и герцог Баварии.

Была весна—последняя весна в жизни Парацельса. Зеленели луга и деревья, реки катили полые воды. Он ехал знакомой дорогой—не раз уже ему приходилось пересекать австрийские владения. На юге за Альпами лежала Италия, где он провел свою юность, правее за горизонтом—Аппенцель, где он проповедывал новую веру швейцарским крестьянам; дальше Базель—любимый город, который так обманул его большие ожидания, а тут вот, совсем недалеко, в нескольких днях пути, его вторая родина—Виллах, где покоится прах его отца Вильгельма.

На полпути между Шилем и Зальцбургом Гогенгейм сделал длительную остановку в местечке Шабер. Отсюда 15 апреля им было послано врачебное заключение его другу Якову Толмингеру.

В Зальцбурге Парацельс поселился в скромном домике, расположенном в Платцле—заречной части города; мост через Зальцах вел прямо к его жилищу.

Трудовая жизнь ученого шла своим чередом: врачебная практика, занятия в лаборатории, писание ученых трудов.

В начале августа прибыли к Парацельсу посланцы благородного Франца Бонера из Кракова с богатыми подарками, чтобы получить врачебный совет и лекарства для больного. Это последнее писание Теофраста датировано 5 августа 1541 года.

А уже 21 сентября застало Парацельса на одре смертельной болезни. Он лежал не в своем жилище, а в маленькой комнате гостиницы «У белого коня» на Кайгассе.

В полдень сюда прибыл королевский нотариус Ганс Кальбсор и собрались семь свидетелей, в присутствии которых Теофраст пожелал составить завещание.

Больной полулежал на постели, силы оставляли его и он не был в состоянии поставить свою подпись на документе, но «разум, чувства и душа его были совершенно бодры».

Надо полагать, что смертельный недуг настиг Теофраста неожиданно, иначе зачем бы собрались эти люди вокруг его постели в день св. Матвея в гостинице — случайном месте нежданного умирания.

Завещание Парацельса начинается обычным поручением жизни, смерти и души господу. Далее следуют распоряжения о погребении и указание, что похоронить его должны в церкви св. Себастьяна в Зальцбурге.

Любимое искусство не создало Теофрасту прочного благосостояния. Перечень имущества врача невелик, основную часть его завещал он раздать беднякам. Ученые труды свои и имущество, относящееся к медицине, оставил он в наследство мейстеру Андрею Вендлю, зальцбургскому бюргеру и цирюльнику.

Парацельс не готовился к смерти, ибо иначе он по-

пытался бы собрать рассеянные по многим городам рукописи, подвести какой-то итог своей научной работе. Невольно чувство протеста против бессмысленности этого раннего ухода из жизни должно было возникнуть у Парацельса. Протеста, но не страха.

Религиозная идеология средневековья, несмотря на все свои попытки внушить людям безграничную веру в загробную лучшую жизнь и поселить в их уме презрение к миру и его радостям, все же не могла победить этого исконного страха перед смертью.

Даже Петрарка—поэт и философ, передовой ум своего времени—не в силах скрыть ужаса перед этой страшной гостьей.

В книге «О презрении к миру» им написано:

«Общеизвестно и даже славнейшими из сонма философов засвидетельствовано, что среди вещей, наводящих страх, первенство принадлежит смерти до такой степени, что самый звук слова «смерть» искони кажется человеку жестоким и отталкивающим; однако недостаточно воспринимать этот звук внешним слухом или мимолетно вспомнить о самой вещи: лучше изредка, но дольше вспоминать о ней и пристальным размышлением представлять себе отдельные члены умирающего,—как уже холодеют конечности, а середина тела еще страдает и обливается предсмертным потом, как судорожно поднимается и опускается живот, как жизненная сила слабеет от близости смерти, и эти глубоко запавшие гаснущие глаза, взор, полный слез, наморщенный, свинцово-серый лоб, впалые щеки, бледные зубы, твердый заостренный нос, губы, на которых выступает пена, цепенеющий и покрытый коркой язык, сухое небо, усталую голову, задыхающуюся грудь, хриплое бормотанье и тяжкие вздохи, смрадный запах всего тела, и, в особенности, ужасный вид искаженного лица».

Красноречие этих строк разоблачает философа. Не презрение к миру и смерти правит его речью, а страх. Он упивается ужасающими подробностями, кричит о них, чтобы не погибнуть от тяжести молчаливых видений.

Незнание основных процессов, совершающихся в человеческом организме и определяющих его зарождение, развитие и уничтожение, еще усиливало страх перед смертью.

В одной из книг, по которой монахи готовились к переходу в «новое существование», было сказано: «Если пустое поражение пальца может причинить такую сильную боль, то каким ужасным страданием должна казаться смерть, представляющаяся повреждением и разрушением всего тела». Бэкон Веруламский смеялся над этими словами, указывая, «что перелом или вывих одного члена причиняют большие страдания, чем самая смерть, так как существеннейшие для жизни части не отличаются наибольшей чувствительностью». Бэкон был естествоиспытателем и материалистом, а эти люди не испытывали панического страха перед смертью и не пытались искать утешения в представлениях о лучшем загробном мире.

Парацельс как естествоиспытатель выработал в себе философское отношение к неизбежности конца. Он говорил: «Мы радуемся дню окончания наших трудов и покоя».

Умер Парацельс через три дня после объявления своей последней воли и был предан земле в день святого Руперта, высоко чтимого апостола Баварии, первого епископа Зальцбурга. Могила этого епископа в соборе св. Петра сделалась местом паломничества, а этот день — праздничным днем в городе и всей стране. Архиепископ Эрнст распорядился обставить погребение знаменитого ученого и врача с подобающей пышностью и почетом.

На могильном камне Гогенгейма сделана надпись: «Здесь погребен Филипп-Теофраст, превосходный доктор медицины, который тяжелые раны, проказу, подагру, водянку и другие неизлечимые болезни тела идеальным искусством излечивал и завещал свое имущество разделить и пожертвовать беднякам. В 1541 году на 24-й день сентября сменил он жизнь на смерть».

Внизу под надписью изображен герб Бомбастов фон-Гогенгеймов, окруженный шестью крестами, и стоят слова: «Мир живущим и вечный покой погребенным».

Эти обычные слова христианских надгробий — свидетельство ничтожества человеческой жизни и жалкого ее конца — звучат тускло и фальшиво над могилой Парацельса. Прислужники католической церкви пытались утверждать, что перед смертью этот бунтовщик смирился и, раскаявшись, возвратился в лоно истинного католицизма, но какие доказательства этому могут быть приведены?

Его бунт против римской церкви имел слишком глубокие корни в его социальных воззрениях. Он боролся против нее потому, что она была одной из виновниц плохого общественного устройства и преграждала путь той перестройке жизни, которую он считал правильной и неизбежной. Нет, он не сдавал своих позиций перед смертью и умер таким же смелым бунтарем и искателем новых путей, каким был всю жизнь.

Любимым изречением ученого, которое он неоднократно подписывал по-латыни или на немецком языке под своими портретами, было:

Пусть никто не ищет себе господина в другом,
Кто сам себе может быть господином.

Гордые слова человека, не только уверенного в своих силах, но и смеющего противостоять «предержавшей»

власти. Их уместно было начертать на его могильной плите.

Парацельс оставил человечеству необычайно богатое литературное наследство: в течение десятилетий печатный станок выпускал все новые и новые его произведения, наконец, в 1589—1590 годах Иоганном Хузером было издано в Базеле собрание сочинений Парацельса. Но и после этого капитального труда осталось немало неопубликованных рукописей.

Долгое время медицинские сочинения Парацельса оказывали влияние на врачебную науку, а его философские и религиозные писания привлекали к себе внимание передовых умов. Потом пришли новые властители дум, могучее развитие получило новейшее научное естествознание. Оно шло вперед семимильными шагами, считало своими родоначальниками ученых XVII и XVIII веков, почтительно отзывалось о великих умах древнего мира и просто вычеркнуло средневековье как огромную, но пустую страницу в истории развития человеческого разума. И этот смертный приговор средневековью был распространен и на многих людей, стоявших на рубеже схоластической учености и нового времени.

Буржуазная наука не только постаралась запомнить многих неугодных ей людей, но даже дискредитировать и фальсифицировать их учения; так было с Джордано Бруно, который в руках современных шарлатанов от капиталистической науки обратился в идеалиста.

Только в начале XX столетия ученый мир вновь начинает проявлять интерес к Парацельсу. Создается обширная литература о нем, появляются новые издания его произведений. Но буржуазные ученые не только сделали слишком мало для настоящего изучения его роли в развитии естествознания, они бессильны решить эту задачу, ибо только диалектический материализм,

которому ведомы глубочайшие законы движения и развития общества, техники и науки, сможет ответить на этот вопрос. В нашей Советской стране будет создана новая замечательная история естествознания, в которой труд Парацельса получит свою непререкаемую и справедливую оценку. Тогда и биограф его получит новый богатый материал для того, чтобы полнее осветить жизнь этого замечательного человека.

Все это—дело недалекого будущего.

Но если произведения Парацельса-естествоиспытателя в течение нескольких столетий были забыты и даже осуждены, все же культурный мир не в силах был освободиться от обаяния этой многогранной и своеобразной фигуры.

Теофраст Бомбаст фон-Гогенгейм умер, рукописи его лежали в пыли архивов, на полках библиотек хранились забытые его книги, но в мир вошел доктор Фауст и незримо начал свое победное шествие, привлекая к себе фантазию и сердца.

Возможно, что действительно существовал некий бродячий фокусник и шарлатан Георг Сабелликус Фауст, которому народная молва приписывала союз с дьяволом.

По крайней мере, аббат Тритгейм и ученик Агриппы, Иоганн Вестер, утверждали, что они лично видели этого человека. Но сведения о нем слишком бедны, поле его деятельности слишком ограничено, а фигура не настолько замечательна, чтобы стать истоком необычайно живучей и многообразной легенды о Фаусте.

Если же пристальнее взглядеться в фигуру доктора Фауста, героя многих народных сказаний и легенд, и потом проследить эволюцию этого образа в произведениях многочисленных малых и великих писателей трех последующих столетий, то невольно в воображении возникают знакомые черты Парацельса, и становится ясно,

что именно он в первую очередь имеет право называться прототипом легендарного Фауста.

Вначале народное творчество создает простую и грубую копию многочисленных рассказов о необычайном ученом: маге, алхимике, враче, повелителе духов и тайных сил природы. Тысячелетнее раболепное преклонение перед церковью, суеверный ужас вечного осуждения и страх перед неограниченной властью инквизиции привели к тому, что народные сказания приписали этому человеку союз с дьяволом; он продал свою душу врагу человеческого рода, чтобы этой ценой овладеть тайными силами, и поэтому, как того требует церковь, должен погибнуть страшной смертью. Гибель его — простой акт божественной справедливости и свидетельство безграничной власти церкви на земле и на небесах.

Однако уже в этом первоначальном своем виде сказание о докторе Фаусте рисует его бунтарем, врагом застоя и косности, смелым искателем новых дорог, и, несмотря на отпадение от церкви и печальный конец, все же симпатии читателя остаются на стороне героя этого сказания.

Потом в ходе исторического развития, с могучим ростом производительных сил, в грозе и буре классовых боев и социальных потрясений легенда о Фаусте, воскресая вновь и вновь, дает пищу для ряда литературных произведений. В них Фауст раскрывается с новых сторон, выступая выразителем господствующих идей своего времени, но всегда смелым новатором, беспокойный дух которого ищет истины и восстает против косности феодального мировоззрения и быта.

Первое, наиболее крупное произведение — «Трагическая история доктора Фауста» английского драматурга Марло. Она дает, может быть, наиболее далекий от своего прототипа (Парацельса) облик Фауста. В ней

отражается стремление молодой английской буржуазии владычествовать над миром. Фауст Марло—дерзкий завоеватель, создающий гигантские планы борьбы за владычество над миром, стремящийся управлять людьми и стихиями: «Если бы у меня было столько душ, сколько звезд на небе, я отдал бы все их Мефистофелю: я сделаюсь, благодаря ему, императором вселенной, я перекину мост через движущийся воздух и перейду океан с толпами людей; я соединю холмы, опоясывающие берег Африки и свяжу эту землю с Испанией, причем сделаю обе их должницами моей короны. Император и все немецкие государи будут существовать лишь с моего позволения».

В XVIII и начале XIX века в эпоху Великой французской революции и решающих боев буржуазии с феодалами за завоевание власти, целый ряд выдающихся писателей разрабатывает тему о Фаусте. Лессинг в своем таинственно исчезнувшем «Фаусте» на фоне средневековой обстановки выткал образ борца за просвещение XVII столетия, идеального искателя высшей мудрости, беспредельно охваченного одной страстью—страстью к истине.

Клингер в книге «Жизнь, действия и путешествие в ад Фауста» нарисовал трагическую гибель Фауста, который не находит в мире истины и справедливости. Эта книга отражает безысходный конфликт лучшей части немецкой буржуазной интеллигенции с окружающей ее социальной действительностью, изменить которую она была не в силах.

Но все произведения не решали проблемы Фауста.

Нужен был писатель, который мог бы гениально отобразить «величайший прогрессивный переворот», начавшийся со второй половины XV столетия, охватить дальнейшее великое революционное движение общества

и дать могучую фигуру Фауста, стоящую на уровне этих исторических событий, и, больше того, Фауста, уже прозревающего в грядущем контуры всемирного освобождения человечества.

Бессмертная поэма Гете создала именно такого Фауста.

Гетевский «Фауст» — гимн творческому, активному началу в человеке, гимн в честь воли к строительству новой жизни.

Гетевский «Фауст» — не только сокрушительный удар по отходящему в прошлое феодализму, по консервативному жизненному укладу, по христианскому спиритуализму с его отказом от жизни, ее благ и красоты; не только провозглашение права на безбоязненную критику сущего, на сомнения, поиски, на свободную мысль, не только возвеличение вечного движения вперед человека и общества, радостного творческого бытия, но в то же время и гениальное провидение грядущих социальных перемен.

В «Фаусте» Гете развернул идею общественного перерождения через всеобщий труд, идею бесконечного совершенствования жизни.

Свободный народ, переставший искать бога в небе, крепко стоящий на земле, отвоевывающий трудом каждый все лучший и лучший день своего существования, т. е. свободный трудовой коллектив в борьбе за власть над природой, — вот что признает Фауст прекраснейшим, конечным звеном в цепи исканий своего беспокойного ума.

Гете, работая над «Фаустом», знакомился с биографией и произведениями Парацельса, и отдельные детали гениальной поэмы свидетельствуют о том, что великий поэт частично использовал этот материал. Однако важны другие, более глубокие общие черты, которые роднят Парацельса с Фаустом.

В естествоиспытателе и философе Парацельсе фаустовской чертой было обостренное внимание ученого к социальным вопросам и стремление к коренному переустройству мира, построенного на эксплуатации и угнетении.

Фаустовскими чертами его были: величайшая творческая активность, безбоязненная критика сущего и непреклонная борьба за новые правильные пути.

Капитализм, утвердивший свою власть и перестроивший мир по образу своему и подобию, пытался убить в людях науки это фаустовское начало. Он обратил ученых в своих наемников, заставил их работать на приумножение барышей буржуазии и требовал слепого преклонения перед капиталистическим строем, который «вечен, справедлив и незыблем».

Лучшие фаустовские черты в человеке получают полный простор для своего развития только в стране победившего пролетариата.

Авиценна (испорченное от Ибн-Сина, 980—1037) — арабский философ и врач. Написал ряд трудов по вопросам метафизики, логики и психологии, находился под влиянием неоплатонизма и особенно Аристотеля. Из медицинских сочинений Авиценны наибольшей популярностью пользовалась его книга «Канон», являвшаяся в эпоху средневековья основным источником медицинских знаний. У Авиценны были также труды по естественным наукам, алхимии и астрономии.

Агриппа фон-Неттесгейм, Генрих Корнелий (1486—1535) — разносторонний ученый, близкий к гуманистам, обладал пытливостью и независимостью мысли и боролся против фанатизма и схоластических предрассудков. Мировоззрение его во многом носит характерную для того времени мистическую окраску, вместе с тем он обнаруживал критическое отношение к современной ему науке; в этом направлении построено его сочинение «О тщете наук», исследующее общие основы научного познания. В своем другом произведении «Сокровенная философия» Агриппа подробно изложил систему магии. Из некоторых мест сохранившейся после его смерти переписки с друзьями можно предполагать, что сам он отрицал значение магии. Агриппа прожил жизнь, полную приключений, много скитался по Европе, за смелые выступления неоднократно подвергался преследованиям со стороны церковных и светских властей.

Анабаптисты (греч. перекрещенцы)—приверженцы религиозных сект, получивших широкое распространение, главным образом, в Германии в эпоху Реформации. Сущ-

ность учения анабаптистов сводится к следующему: христианское учение извращено духовенством в угоду сильным мира сего; государственная власть — злое, языческое начало; следует стремиться к полному равенству людей, что достижимо только при общности имущества; источником познания истины может быть только внутреннее откровение; духовенство и священные книги не могут служить авторитетом; крещение младенцев, ввиду их несознательности, недействительно. Анабаптисты были связаны с революционным движением крестьян во время крестьянской войны. (О восстании анабаптистов в Мюнстере и организации ими коммунистических общин в Моравии рассказано в тексте книги.)

Ансельм Кентерберийский (1033—1109) — средневековый богослов и философ. Дал так называемое онтологическое доказательство бытия божия, согласно которому раз бог мыслится совершенным существом, то он должен существовать, ибо несуществование было бы отрицанием совершенства. Несостоятельность такого доказательства доказана материалистами XVII и XVIII веков и Кантом.

Арес, Илиад, Эссатум, Яфнеус, Аркей — термины натурфилософии и медицины Парацельса. В частности археем он называл некое верховное начало, которое управляет химическими процессами в организме человека.

Аретей Каппадокийский, Руф Эфесский, Орибаз — авторы медицинских сочинений II—IV веков.

Ариосто Лодовико (1474—1533) — итальянский поэт эпохи Возрождения. Отразил в поэме «Неистовый Роланд» настроение придворной знати периода расцвета торгового капитала, ее жажду жизни и страсть к приключениям.

Бордэ Теофиль (1722—1776) — известный французский врач, придерживавшийся взглядов, аналогичных со взглядами Штала (см. ниже).

Бэкон Фрэнсис лорд Веруламский (1561—1626) — английский канцлер и философ. Автор грандиозной попытки обновления науки при помощи новой индуктивной логики, порывающей с учением Аристотеля и схоластикой. Маркс говорил о Бэконе, что он «является

родоначальником английского материализма и всей опытной науки новейшего времени».

Гален Клавдий (ок. 131—200)—крупнейший врач, анатом, физиолог и философ. Родился в Малой Азии (Пергаме). Замечателен своими работами в области физиологии и анатомии. Создал свою медицинскую школу (галеновская медицина), которая до XVII века занимала первенствующее место во врачебном мире.

Гваяковое дерево (бакаут)—вечнозеленое дерево из семейства цигифиловых; растет в тропической Америке. Порошок из древесины и гваяковая смола употреблялись в качестве лечебного средства от сифилиса.

Гутер Яков (шапочник по ремеслу)—вождь радикального крыла моравских братьев (анабаптисты). Сожжен в Тироле в 1536 году за свои революционно-демократические взгляды.

De natura rerum—о природе вещей.

Иоанн Лейденский, собств. Боккельзон (1510—1536)—вождь анабаптистов. Родился в городе Лейдене (Голландия). Долго странствовал портняжным подмастерьем по Голландии и Англии. В начале 1534 года Иоанн Лейденский, вместе со своим учителем Яном Матюсом, отправился в город Мюнстер (в Вестфалии), где в то время шла ожесточенная борьба между городской демократией и правящей верхушкой, объединившейся вокруг местного епископа (краткая история мюнстерского восстания изложена в тексте книги). Иоанн Лейденский после смерти Матюса был признан анабаптистами пророком и в его руках была сосредоточена вся власть в городе.

Коллоквинта Мессуаева — лекарство, названное по имени Мессюэ (Июханна Ибн Мазавахи, 777—857) арабского ученого и врача.

«Корабль дураков» — сатира в стихах, написанная немецким гуманистом и поэтом Себастьяном Брантом (1457—1521). В этой сатире в тяжеловесной по форме аллегории изображены глупцами: алхимики, ростовщики, паразиты-монахи, князья, взяточники-судьи. В ней отразились господствовавшие накануне реформации настроения и, несмотря на религиозный консерватизм самого Бранта, эта сатира была как бы литературным предвестником реформации.

Л а т и ф у н д и я — крупные частные земельные владения.

Л ю ц и ф е р — одно из наименований дьявола в христианской литературе.

М а к р Ф л о р и д у с — произведение по вопросам ботаники (IX—X вв.), о котором говорил Парацельс в своих лекциях. Это произведение считалось никчемным и ненаучным, что также совпадало с оценкой Парацельса.

М а х а о н — по греческому мифу опытный во врачевании сын Асклепия (греческий бог врачебного искусства). По преданию Махаон и брат его Подалирий — князья Трикки в Фессалии — с тридцатью кораблями принимали участие в походе на Трою, где они были врачами греков и храбрыми бойцами. В городе Герекии в Мессении Махаону было воздвигнуто святилище, куда стекались больные для исцеления со всей Греции.

М о м (М о м у с) — в древнегреческой мифологии олицетворение злословия, сын Ночи. По преданию Мом лопнул от злости, не сумев найти недостатков у богини красоты Афродиты.

М у ц и а н Р у ф (прозвище Rufus, т. е. рыжий) (1471—1526) — немецкий гуманист, был одним из разностороннейших ученых своего времени и пользовался большим влиянием как глава группы гуманистов, которая во время рейхлинского спора выпустила известное сатирическое произведение «Письма темных людей».

О з и а н д е р (1498—1552) — реформационный деятель, рано примкнул к Лютеру и в 1522 году был первым евангелическим проповедником в Нюрнберге, принимал участие в редактировании книги Коперника и написал к ней предисловие.

О р д е н и о а н н и т о в — один из самых ранних духовно-рыцарских орденов. Основан около половины XI века итальянскими рыцарями, примкнувшими к общине итальянских купцов, построивших в Иерусалиме госпиталь при храме св. Марии; отсюда название «госпитальеров». Вскоре после взятия Иерусалима госпитальная братия отделилась от церкви св. Марии и сделала своим патроном Иоанна Крестителя; отсюда название «иоанниты». В конце XIII века под напором мусульманского мира иоанниты вынуждены были отступить сначала на о. Кипр, а потом на

о. Родос. Родос был завоеван ими в 1309 году и находился в их руках около 200 лет. В 1530 году иоанниты переселились на о. Мальту и с тех пор орден получил название «Мальтийского».

«Письма темных людей» — сатирическое произведение немецкого гуманиста Ульриха Гуттена (1488—1523), направленное против схоластики и обскурантизма (иракобесия).

Плиний Кай Секунд Старший (23—79) — римский писатель и ученый; писал по различным вопросам (естественно-историческим, историческим, военным и др.). До нас дошло только 37 томов написанной им «Естественной истории» — первое замечательное энциклопедическое сочинение, охватывающее все области знаний того времени. Наблюдая историческое извращение Везувия (79 г.), Плиний погиб, задохнувшись в дыму.

Правом избрания императоров священной римской империи пользовались семь курфюрстов — сильнейших светских, а также духовных владетельных князей.

Симон из Генуи умер в 1303 году. Автор книги «Ключ здоровья».

Матеус Сильватикус умер в 1342 году. Автор книги «Пандект медицины».

Спагирик — см. текст книги, стр. 73.

Франк Себастьян (1500—1542) получил богословское образование, написал ряд сочинений на социально-религиозные и исторические темы, придерживался взглядов христианского коммунизма.

Нитогес — см. текст книги, стр. 37.

Шталь Георг Эрнст (1660—1754) — известный врач, был профессором в Галле и потом в Иене; придерживался виталистических взглядов и был противником материалистических механистов, объяснявших жизнь, здоровье и болезнь человеческого организма исключительно законами физики, механики, гидростатики и химии. Одновременно был выдающимся химиком и является автором теории флогистона.

Эразистрат (жил в первой половине III века до нашей эры). Великий александрийский врач, сторонник Книдосской школы и противник медицины Гиппократов.

1. Сочинения Парацельса изданы Iohann'ом Huzer'ом в 10 томах в Базеле в 1589—90 гг.
Большое, критически обработанное новое издание собр. сочинений Парацельса начало издаваться с 1922 г. Karl'ом Sudhoff'ом в Мюнхене и Берлине в изд-ве Ольденбурга.
2. Sudhoff. Versuch einer Kritik der Echtheit der paracelsischen Schriften. II B. Berlin. 1894 и. 1899
3. Schubert und Sudhoff. Paracelsusforschungen, II B. Frankfurt a. M. 1887—1889.
4. F. Moock. Theophrastus Paracelsus. Würzburg. 1876.
5. Lessing. Paracelsus. Berlin. 1839.
6. Marx. Zur Würdigung des Theophrastus von Hohenheim. Berlin. 1842.
7. Hartmann. Life of Phil. Theophrastus Paracelsus. London. 1887.
8. Kahlbaum. Theophrastus Paracelsus. Basel. 1876.
9. R. Julius Hartmann. Theophrast von Hohenheim. Stuttgart und Berlin. 1904.
10. F. Strunz. Theophrastus Paracelsus. Sein Leben und seine Persönlichkeit. Leipzig. 1903.
11. F. Strunz. Paracelsus. 1924.
12. F. Strunz. Theophrastus Paracelsus. «Scientia», 1. IX. 1933.
13. F. Gundolf. Paracelsus (2. Aufl. 1928).

14. H. Pren. Das System der Medicin des Theophrastus Paracelsus. Berlin.
15. E. O. V. Lippmann. Entstehung und Ausbreitung der Alchemie. II B. 1919 u. 1931.
16. Wilhelm Matthiessen. Die Form des religiösen Verhaltens bei Theophrast von Hohenheim. Düsseldorf. 1917.
17. Emanuel Radl. Geschichte der biologischen Theorien in der Neuzeit. Leipzig. 1913.
18. Ernst Darmstaedter. Arznei und Alchemie. Paracelsus Studien. Leipzig. 1931.
19. F. Strunz. Astrologie, Alchemie, Mystik. München. 1928
20. F. Mauthner. Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande.
21. Мейер-Штейнер и Зудгоф. История медицины. Гиз. 1926 г.
22. Менъе. История медицины. Гиз. 1926.
23. Фр. Даннеман. История естествознания. Т. I. Медгиз. 1932.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
* *	7
Молодость	19
Врачебное искусство	34
Годы странствий	46
Базельский профессор Теофраст	76
Бегство	102
Аппенцельский проповедник	115
Знаменитый врач	135
Теологи, философы и маги	141
Доктор Фауст	158
Примечания	169
Библиография	174

68-00

Цена Т.р. 60 к.

Ближайшие выпуски:

Кох. Вирхов ✓

Леонардо да Винчи

Клаузевиц

Дизель